BJ1138
.T376
1911

Брокгаузъ-Ефронъ

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BJ1138
.T376
1911

a 00002 16274 1

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513, Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/revoliutsiainrav00tarn

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

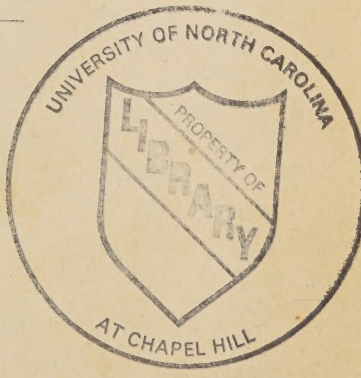
Подъ редакціею профессоровъ: П. И. Броунова и В. А. Фаусека.
(книжки политическаго и общественнаго содержанія подъ редакціею проф. И. И. Иванюкова).

BJ1138
.T376
1911

Є. Тарновскій.

Революція и нравственность.

REVOLIUTSIIA I
NRAVSTVENNOST'



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., № 6.

I.

Происхожденіе и развитіе нравственности.—Очеркъ общественной эволюціи Европы.

Люди, живя въ обществѣ, состоя членами того или другого союза, группы, класса и, наконецъ, государства, состоятъ въ извѣстныхъ нравственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, соблюдаютъ или признаютъ необходимымъ соблюдать тѣ или другія нравственныя нормы, правила или обычаи. Происхожденіе и сущность этихъ нормъ или законовъ нравственности сами по себѣ не представляютъ ничего загадочнаго или неразъяснимаго. Для объясненія ихъ нѣтъ никакой надобности возноситься въ облака религіозныхъ умозрѣній или метафизическихъ дедукцій. Нравственность, какія бы формы она ни принимала, есть продуктъ общественной жизни людей, ихъ соціальныхъ отношеній, или, какъ выражается А. Менгеръ, «соотношенія соціальныхъ силъ». Тѣ или другія нравственныя требованія (императивы) не заповѣданы намъ какимъ-либо сверхъестественнымъ путемъ, не составляютъ «имманентную» сущность человѣческаго духа, а вытекаютъ изъ тѣхъ или другихъ совершенно опредѣленныхъ, въ данное время существующихъ отношеній классовъ, группъ и личностей, составляющихъ опредѣленное цѣлое (государство, общину и т. п.). Совершенно изолированный, одинокій человѣкъ, могущій существовать безъ содѣйствія другихъ людей (Робинзонъ Крузе), ни въ какой нравственности не нуждается, потому что ему и не съ кѣмъ вступить въ какія бы то ни было нравственныя или безнравственныя отношенія. Изолированный индивидъ амораленъ, стоитъ внѣ предѣловъ нравственности.

Но стоитъ только человѣку выйти изъ изолированнаго состоянія (въ каковомъ онъ можетъ находиться только случайно, на необитаемомъ островѣ), какъ тотчасъ же онъ оказывается опутаннымъ сѣтью многочисленныхъ и сложныхъ отношеній съ себѣ подобными. Слѣдуя безсознательнымъ влеченіямъ своего «я», отдѣльный человѣкъ охотно принялъ бы къ руководству, напр., ученіе Штирнера объ «эксплуатаціи» или «потребленіи» міра, поскольку позволяютъ личныя, индивидуальныя силы. Но то же стремленіе къ эксплуатаціи, потребленію и присвоенію обнаруживаютъ (хотя и не всѣ въ одинаковой степени) и всѣ другіе люди, въ средѣ которыхъ находится нашъ

индивидъ. Волей-неволей приходится считаться и соображаться съ волей, чувствами, взглядами этихъ другихъ людей. И не только считаться, какъ съ чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ, но и заражаться, подчиняться повнутреннему убѣжденію, признавать не «только за страхъ, но и за совѣсть», какъ нѣчто не только необходимое для самого индивида въ его собственныхъ интересахъ, но стоящее выше его и его временныхъ нуждъ. Возникаетъ въ той или иной формѣ сознаніе долга, чувство обязанности и отвѣтственности передъ общественнымъ союзомъ, передъ «міромъ»; иначе говоря, чувство солидарности, нравственной связи личности съ обществомъ.

Пока человѣкъ состоитъ членомъ союзовъ мелкихъ, ограниченныхъ тѣснымъ кругомъ близкихъ другъ къ другу лицъ,—напр., семьи, родовой общины или класса и т. п.,—его нравственныя обязанности по отношенію къ данному союзу не отличаются особою сложностью и многочисленностью. Онѣ соотвѣтствуютъ въ общемъ несложному и прочно установившемуся, устойчивому быту примитивныхъ человѣческихъ обществъ. Нравственность этихъ обществъ легко можетъ быть ассимилирована съ общественнымъ инстинктомъ, существующимъ и у животныхъ, живущихъ стадною жизнью. Конечно, сходство это, во всякомъ случаѣ, не изъ близкихъ, такъ какъ духовная жизнь человѣка, насколько она намъ извѣстна, уже и въ первобытныхъ обществахъ сложнѣе и разнообразнѣе жизни стадныхъ животныхъ. Но, тѣмъ не менѣе, очевидно, что происхожденіе извѣстной солидарности, привязанности другъ къ другу и отдѣльныхъ особей къ общей группѣ, и у животныхъ и у людей возникло на одной и той же почвѣ—на защитѣ и удовлетвореніи общихъ интересовъ и нуждъ путемъ соединенія въ особыя, тѣсно сплоченныя группы, гдѣ всѣ готовы при нуждѣ постоять другъ за друга: «одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного». Суровая необходимость совмѣстной борьбы за существованіе заставила людей и животныхъ стаднаго типа сгруппироваться, сплотиться въ опредѣленныя общественныя единицы, внѣ которыхъ жизнь отдѣльнаго индивида представлялась подверженной всевозможнымъ случайностямъ и бѣдствіямъ. «Единеніе или смерть»—таковъ былъ лозунгъ тѣхъ далекихъ отъ насъ временъ, сохранившій, однако, свою силу и въ наши дни, несмотря на совершенное измѣненіе формъ общественной жизни.

При несложныхъ условіяхъ (по крайней мѣрѣ, съ современной точки зрѣнія) родового быта нравственные императивы не могли отличаться особой сложностью и запутанностью. Общій смыслъ ихъ (несмотря на всевозможныя частныя отклоненія, мѣстныя особенности и пр.) сводился къ поддержанію членами рода и защитѣ ими общихъ родовыхъ интересовъ, причемъ интересы отдѣльной личности никоимъ образомъ не могли перевѣшивать или даже противопоставляться общепризнаннымъ интересамъ рода. Личность, какъ извѣстно, поглощалась родомъ, не имѣла существеннаго значенія сама по себѣ, помимо принадлежности къ опредѣленному роду. «Родъ—говоритъ

проф. М. Ковалевскій [1])—представлялъ собою единство внутри въ такой же степени, какъ и извнѣ,—внутри въ силу общности имени, культа и владѣнія, извнѣ въ силу совмѣстнаго преслѣдованія обидъ, наносимыхъ чужеродцами, отстаиванія своихъ коллективныхъ правъ на землю, на принадлежащій роду районъ лѣсныхъ и пастбищныхъ угодій». Среди членовъ одного и того же рода существовала тѣсная внутренняя солидарность или связь, которая поддерживалась всею организаціей рода и самими условіями его существованія. «Родъ (приводимъ опять слова М. Ковалевскаго) былъ замиренной средой, внутри которой, при обыкновенномъ теченіи жизни, не могло возникнуть разногласія, благодаря тому, что, сознательно или безсознательно, между членами рода были устранены всякіе поводы къ столкновеніямъ, а именно: не имѣлось личной аппропріаціи (присвоенія) стадъ, пастбищъ и годныхъ къ обработкѣ земель, а также женщинъ».

Эта тѣсная солидарность членовъ родовой группы между собою,—солидарность, послужившая отчасти фундаментомъ, на которомъ было воздвигнуто сложное и разнохарактерное зданіе современной морали, послѣдующимъ ходомъ исторической эволюціи была ослаблена и разрушена. Съ исчезновеніемъ родового быта и постепенной замѣной его тѣми или иными формамъ государственныхъ отношеній, съ развитіемъ городской жизни, съ кореннымъ измѣненіемъ экономическаго быта народовъ—прежнія основы нравственности естественно должны были исчезнуть или, по крайней мѣрѣ, радикально видоизмѣниться, приспособиться къ новыми требованіямъ. Мѣсто прежней солидарности членовъ одного и того же рода должны были занять другія чувства и представленія, вытекающія изъ новой группировки общественныхъ элементовъ. Эта новая группировка уже не отличалась ни устойчивостью, ни сравнительной простотой прежнихъ родовыхъ отношеній. «Порвалась цѣпь великая, порвалась,—разскочилася»...

Отдѣльная личность въ античномъ государствѣ римско-эллинскаго типа, позже, при господствѣ феодальной или абсолютной монархіи, наконецъ, въ современномъ конституціонномъ или парламентарномъ государствѣ, все болѣе и болѣе освобождалась изъ тѣсныхъ рамокъ родового строя, который не сразу, конечно, исчезъ при возникновеніи государственныхъ формъ жизни, а постепенно вымиралъ, долгое время сохраняясь въ видѣ отдѣльныхъ пережитковъ старины, зачастую уже мало понятныхъ живущему поколѣнію. Мѣсто родовыхъ связей постепенно занимали: а) связи по положенію, занимаемому въ государствѣ, въ іерархической лѣстницѣ должностей и обязанностей передъ государствомъ; б) связи сословныя или классовыя; в) связи, создаваемыя раздѣленіемъ общественнаго труда, возникающія въ средѣ однородныхъ профессіональныхъ группъ или классовъ. Эти связи уже не покоились на сознаніи дѣйствительнаго или легендарнаго родства по крови, а

[1]) «Родовой бытъ» («Библіотека Самообразованія» за 1905 г.), стр. 181.

вытекали изъ сходства интересовъ отдѣльныхъ личностей, занятыхъ однимъ и тѣмъ же видомъ труда или исполненіемъ одинаковыхъ общественныхъ функцій. Связи, основанныя на интересѣ или государственной необходимости, естественно отличались большей подвижностью, эластичностью по сравненію съ родовыми узами, такъ какъ въ большей мѣрѣ зависѣли отъ воли отдѣльнаго лица и имѣли для него обязательное значеніе только постольку, поскольку само это лицо находило для себя нужнымъ принадлежать къ той или иной общественной группѣ или классу. Правда, что фактически свобода выбора занятій или профессіи была строго ограничена, и само государство въ теченіе многихъ вѣковъ старательно слѣдило за тѣмъ, чтобы отдѣльныя лица такъ или иначе были «прикрѣплены» къ той или другой легально установленной группѣ (профессіи, классу, кастѣ и т. д.) Однако, самая эта забота государства о закрѣпленіи и замкнутости общественныхъ классовъ указываетъ уже на существованіе опасенія предъ возможностью свободнаго передвиженія и перехода отдѣльныхъ лицъ изъ одного состоянія въ другое или даже полнаго упраздненія соціальныхъ перегородокъ, въ такомъ множествѣ настроенныхъ въ смутныя эпохи образованія и организаціи государства.

Именно то обстоятельство, что государство, независимо отъ его внѣшней организаціи, состояло и состоитъ изъ отдѣльныхъ, въ сущности механически связанныхъ между собою группъ или классовъ,—создавало и продолжаетъ создавать величайшія затрудненія или выработки общихъ, одинаково для всѣхъ обязательныхъ, доступныхъ и равныхъ нормъ нравственности. Интересы отдѣльныхъ группъ, какъ бы онѣ ни назывались—сословія, касты или классы,—никогда не совпадали между собою и постоянно находились въ состояніи замаскированной или открытой борьбы. Отсюда появилась возможность смотрѣть на всю исторію какъ на борьбу классовъ, на государство какъ на организацію классоваго господства и тщательно выдѣлять и подчеркивать классовую мораль въ противоположность универсальной, какъ фантастической, основанной на недоразумѣніи или вымыслѣ. Дѣйствительно, если мы примемъ во вниманіе многовѣковое существованіе такихъ государственныхъ институтовъ, какъ рабство или крѣпостное право, мы не можемъ не признать справедливости того мнѣнія, что античное и феодальное государства были основаны на подчиненіи и эксплуатаціи народныхъ массъ въ качествѣ рабовъ или несвободныхъ, податныхъ классовъ. Понятно, что у господъ и у рабовъ не могло быть общей, одинаковой имъ обоимъ морали, одинаковыхъ нравственныхъ или политическихъ идеаловъ. Самый образъ ихъ жизни и ихъ взаимныя отношенія создавали между ними непроходимую грань.

Нельзя утверждать, однако же, что между господствующими и подчиненными классами въ европейскомъ феодальномъ государствѣ не существовало никакой моральной связи, никакой солидарности, что они всегда и во

всѣхъ случаяхъ относились другъ къ другу только какъ враги, стремящіеся къ взаимному уничтоженію. При постоянной наличности подобныхъ отношеній невозможно было бы и существованіе самого государства, тѣмъ болѣе, что «господа» всегда составляли меньшинство, а крѣпостные или вообще подчиненные—огромное большинство. При такомъ соотношеніи численныхъ силъ повелѣвающихъ и повинующихся вся міровая исторія была бы сплошной загадкой, если допустить, что подчиненные все время ненавидѣли своихъ господъ и втайнѣ стремились свергнуть ихъ иго. Что же мѣшало большинству свергнуть иго меньшинства и повернуть колесо исторіи въ свою сторону? Правда, такія попытки неоднократно дѣлались, но все-таки онѣ были сравнительно рѣдки и, въ большинствѣ случаевъ, оканчивались неудачею; затѣмъ наступали длинные періоды глубокаго затишья и мирнаго сожительства враждебныхъ классовъ. Отчасти, конечно, здѣсь играло роль чувство страха передъ господами, которые, при защитѣ и возстановленіи своихъ правъ, обыкновенно не останавливались передъ терроромъ массовыхъ казней и избіеній. Но все же бывали долгіе періоды совмѣстнаго сотрудничества; извѣстны и случаи дѣйствительной преданности слугъ господамъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Чѣмъ они объясняются?

Было бы, конечно, крайней односторонностью утверждать, что правящіе классы въ различныя эпохи европейской исторіи только и думали о личныхъ наслажденіяхъ, только ими одними и были заняты, а по отношенію къ народной массѣ были только паразитами и насильниками. Какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, на Руси, средневѣковые короли (или князья) и ихъ дружина (дворяне и пр.) несутъ несомнѣнно весьма важныя функціи по защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ и по водворенію безопасности и правосудія внутри страны (королевскій міръ и пр.). Можно конечно, замѣтить, что функціи эти исполнялись плохо; что, напр., русскіе князья со своими дружинниками не сумѣли ни защитить родной страны отъ нашествія монголовъ, ни водворить спокойствія въ ней, а, напротивъ, привели ее на край гибели своими усобицами и распрями. Но этотъ частный случай не мѣняетъ общаго положенія дѣла: худо ли, хорошо ли, но тѣ же русскія князья обязаны были защищать «смердовъ» отъ набѣговъ степныхъ хищниковъ и ясно сознавали эту свою обязанность, какъ можно заключить, напр., изъ словъ Владиміра Мономаха на Любечскомъ съѣздѣ. Изъ «Поученія» того же Мономаха видно, что русскій князь хорошо сознавалъ и лежащія на немъ нравственныя обязанности по управленію и водворенію доступнаго по тому времени правосудія среди подвластнаго ему народа. Правда, что далеко не всѣ князья походили на Мономаха, и что нравственные идеалы, завѣщанные имъ его сыновьямъ, остались въ области благихъ пожеланій, но, во всякомъ случаѣ, существовала возможность такихъ нравственныхъ идеаловъ, существовали и попытки приложе-

нія ихъ на дѣлѣ. Понятно, далѣе, что, съ точки зрѣнія современной этики, и сами нравственные идеалы южнорусскаго князя XII стол. должны представляться чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ; но для того времени они представляли дѣйствительное проявленіе благородной человѣческой души, завѣты великаго «страдальца за землю русскую». Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ возможности утверждать, что между правящимъ и подчиненнымъ классами въ древней Руси не существовало внутренней духовной связи, хотя бы и при наличности извѣстной противоположности матеріальныхъ интересовъ.

Дѣло защиты отъ внѣшнихъ враговъ составляло, дѣйствительно, весьма важную и существенную задачу свободныхъ гражданъ въ теченіе всей древней и средневѣковой исторіи. Въ наше время, при эмансипаціи личности и всеобщемъ отвращеніи къ тягостямъ милитаризма, мы склонны придавать слишкомъ мало значенія международнымъ столкновеніямъ и считать ихъ какъ бы капризами или преступными затѣями господствующихъ классовъ. Однако, такой взглядъ, несомнѣнно, односторонненъ и прямо ошибоченъ въ отношеніи къ прошлому. При существованіи, напр., на всемъ пространствѣ теперешней Новороссіи и далѣе въ глуби азіатскихъ степей многочисленныхъ ордъ степныхъ хищниковъ, жившихъ «барантой», т.-е. грабежомъ мирныхъ земледѣльцевъ средняго Приднѣпровья, нашимъ князьямъ XII—XIII вв. не впору было бы думать о разоруженіи и о распущеніи своихъ дружинниковъ по домамъ. Конечно, они могли бы это сдѣлать, но при условіи стать на вѣчныя времена данниками и ленниками кипчакскихъ или какихъ-либо другихъ хановъ. Великая историческая ошибка нашихъ средневѣковыхъ Рюриковичей состояла именно въ томъ, что они недостаточно заботились о внѣшней защитѣ русскаго государства. По своей политической безпечности и малоспособности они проглядѣли, прозѣвали приближеніе великой азіатской грозы, которая поразила прежде всего ихъ же княжескія головы. Но если бы не существовало, положимъ, на Руси XIII в. удѣльно-вѣчевого строя, а была бы только «вольная федерація вольныхъ земельныхъ или родовыхъ общинъ»,—то, конечно, эти совершенно разрозненныя и разъединенныя между собою общины, при общемъ низкомъ культурномъ уровнѣ той эпохи, не могли бы оказать серьезнаго сопротивленія прекрасно организованной и подготовленной арміи Батыя или, вѣрнѣе, великаго монгольскаго полководца Субутая.

Помимо чувства солидарности, вызываемаго сознаніемъ общей опасности передъ лицомъ внѣшняго врага, котораго приходилось отражать соединенными усиліями, государственный строй старой Европы скрѣплялся и извѣстнымъ фондомъ общихъ нравственныхъ и религіозныхъ идей. Если эти идеи и соотвѣтствующія имъ чувства и неодинаково понимались и прилагались въ повседневной практикѣ въ различныхъ общественныхъ слояхъ или классахъ, то все-таки наличность этихъ идей, пользующихся

всѣми признаннымъ авторитетомъ, водворяла извѣстное единство въ настроеніи общественныхъ элементовъ. Христіанская религія въ этомъ отношеніи сыграла капитальную роль. Особенностью христіанской морали является именно особое вниманіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, ко всѣмъ придавленнымъ и побѣжденнымъ въ житейской борьбѣ. «Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Этотъ призывъ въ теченіе девятнадцати вѣковъ звучалъ и еще звучитъ какъ небесный благовѣстъ мира и воздаянія за все горе и лишенія, претерпѣнныя въ этой грѣшной юдоли отъ «злыхъ»—господъ или другихъ безразлично. Этотъ благовѣстъ не звучитъ какъ набатъ, онъ не призываетъ къ отмщенію за обиды—далеко нѣтъ! Онъ призываетъ къ прощенію, къ любви даже къ врагамъ, къ поклоненію передъ Богомъ кроткимъ, милосердымъ, распятымъ за грѣхи наши, безконечно далекимъ отъ древняго Іеговы-мстителя или отъ равнодушнаго къ людскимъ несчастіямъ Юпитера-громовержца. Этотъ идеалъ кротости, смиренія и всепрощенія, какъ бы онъ ни искажался и ни уродовался своекорыстнымъ духовенствомъ и всѣми, кому было на руку безропотное подчиненіе массы, все-таки имѣлъ весьма существенное значеніе въ европейской исторіи. Правда, это значеніе имѣетъ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный характеръ. Не то, чтобы суровость правящихъ классовъ и тяжесть эксплуатаціи существенно смягчались христіанской моралью (хотя отрицать это было бы опрометчиво), но въ самой эксплуатируемой массѣ—тамъ, гдѣ ученіе Христа падало на подготовленную почву, создавалось особое настроеніе «непротивленія злу», которое, конечно, старательно поддерживалось духовенствомъ, стоявшимъ въ тѣсной связи съ сильными міра сего. Это настроеніе поддерживалось и естественнымъ опасеніемъ передъ открытой борьбой, опасеніемъ, которое теперь получало нѣкоторое моральное или религіозное основаніе. Уже Маккіавелли замѣтилъ, что античное язычество, не знавшее христіанскихъ добродѣтелей смиренія и кротости, поддерживало въ грекахъ и римлянахъ болѣе свободный и мужественный духъ, не позволявшій имъ примиряться съ политическимъ произволомъ и безправіемъ; христіанство же, создавая особую атмосферу отреченія отъ міра и надежды на загробное воздаяніе, легче уживается съ крайнимъ деспотизмомъ.

Правда, что христіанская мораль, не заключаясь въ строго опредѣленныхъ и ясно выраженныхъ формулахъ, допускала возможность различнаго ея толкованія. Мы видимъ, что возставшіе сельчане въ Англіи при Уотъ Тэйлерѣ, германскіе крестьяне въ XVI ст. и др. приводили въ защиту своихъ правъ и требованій тексты изъ Свящ. Писанія (главнымъ образомъ, однако, изъ Библіи, а не изъ Евангелія). Но эти ссылки и толкованія, во всякомъ случаѣ, шли въ разрѣзъ съ основнымъ духомъ евангельскаго ученія и потому не могли имѣть особеннаго успѣха: противникамъ возставшихъ крестьянъ нетрудно было доказать, что, каковы бы ни были по су-

ществу ихъ требованія и нужды, но, во всякомъ случаѣ, согласно евангельскому ученію, они не имѣютъ права добиваться ихъ удовлетворенія путемъ вооруженнаго возстанія. Съ болѣе вѣрнымъ чутьемъ исторической дѣйствительности французскіе крестьяне въ XIV в. и еще болѣе революціонные буржуа XVIII в. и не думали пользоваться религіозными догматами въ подтвержденіе своихъ притязаній, сознавая, что изъ христіанской морали никакъ нельзя вывести права народа на возстаніе, на вооруженное сопротивленіе властямъ.

Религіозная революція XVI в., извѣстная подъ именемъ реформаціи, нанесла первый тяжелый ударъ системѣ того духовнаго и свѣтскаго деспотизма, который постепенно вырабатывался въ Европѣ изъ пестрой путаницы средневѣковья. Теологическія тонкости и аргументы протестантизма сами по себѣ не имѣли особаго значенія, и протестантство, ставши оффиціальной религіей подъ защитою свѣтской власти, не особенно далеко ушло отъ католичества по духу терпимости и свободомыслія. Но важенъ былъ толчокъ, данный народному уму въ вопросахъ вѣры и морали, то глубокое броженіе, которое возникло въ широкихъ народныхъ массахъ, затронутыхъ протестантскимъ движеніемъ. Человѣческая личность, связанная по рукамъ и по ногамъ сословными и церковными рамками средневѣкового государство, съ жадностью накинулась на освободившуюся передъ ней новую область интересовъ духа, ранѣе строго охранявшуюся духовными стражами, не допускавшими никакой ереси и при каждомъ удобномъ случаѣ призывавшими на помощь свѣтскую власть для искорененія еретиковъ. Реформаціонное движеніе съ первыхъ же шаговъ стало демократическимъ, такъ какъ всякое освобожденіе личности логически ведетъ за собою усиленіе демократіи, при которой только и возможно свободное проявленіе личныхъ взглядовъ и убѣжденій внѣ строго замкнутыхъ сословныхъ и іерархическихъ рамокъ. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ сфера религіозныхъ вопросовъ была закрыта для народа, который обязанъ былъ вѣрить всему, чему его поучала строго дисциплинированная армія духовенства со своимъ верховнымъ вождемъ—папой. Папскіе декреты были священными приказами, о неповиновеніи которымъ нельзя было и помыслить безъ страха. Протестантскіе же «доктора» сами выходили изъ народа, и ихъ религіозные дебаты и положенія подлежали обсужденію и критикѣ народныхъ собраній. Такимъ образомъ, демократизація Европы началась въ области церковной организаціи. Церковь была демократизована въ протестантскихъ странахъ, незыблемый въ теченіе вѣковъ авторитетъ Церкви, какъ священной іерархіи, былъ ослабленъ и поколебленъ. Свѣтское государство не могло избѣжать той же участи.

Тысячелѣтіе съ V по XV ст., иначе средневѣковье, по справедливости называется временемъ умственнаго застоя, духовнаго сна или неподвижности духовной жизни народовъ. Конечно, и въ эту эпоху происхо-

дили значительныя историческія событія, войны, паденія имперій и пр., но, по сравненію съ послѣдующей эпохой, основы религіозной, моральной, политической и экономической жизни если и измѣнялись, то очень медленно, мало замѣтными переходами. Средніе вѣка были эпохой сельской жизни, преобладанія деревни надъ городомъ, сельскихъ помѣщиковъ (дворянства) надъ городской буржуазіей, и конечно, надъ крестьянами, роль которыхъ была совершенно пассивной. Но въ теченіе XIV—XV вѣковъ наступили явленія, которыя совершенно подорвали и разрушили устои средневѣковаго строя и подготовили почву для новаго времени. Къ этимъ явленіямъ относятся усиленіе и ростъ городского элемента, образованіе класса торговыхъ и промышленныхъ капиталистовъ, обѣднѣніе дворянства и послѣдовавшее за его счетъ укрѣпленіе королевской власти. Весьма важное значеніе для исторической эволюціи имѣли такія событія, какъ изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія, открытіе Америки и морского пути въ Индію и вслѣдствіе того образованіе крупной колоніальной торговли, окончательно подорвавшей значеніе помѣстнаго дворянства. Всѣ эти значительныя и быстрыя перемѣны въ соотношеніи общественныхъ силъ повели къ совершенному пересозданію политическихъ и соціальныхъ формъ жизни. Измѣнилась соотвѣтственно и народная психика. Открылась возможность свободнаго дѣйствія для предпріимчивыхъ, энергичныхъ натуръ, ранѣе задыхавшихся въ тискахъ религіознаго и политическаго гнета. Началась эра развитія личной свободы во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ. Раньше всего, какъ мы уже видѣли, наступленіе этой эры ознаменовалось въ области религіозныхъ отношеній.

Послѣдовавшія за средними вѣками четыре столѣтія, включая въ нихъ и нашу эпоху, могутъ быть названы эрой революцій. Никогда такъ быстро и радикально не измѣнялись общественныя отношенія и формы, никогда умственная и нравственная эволюція народовъ не шла столь ускореннымъ темпомъ. Измѣненія эти далеко не вездѣ, правда, и не всегда происходили съ одинаковой быстротой; они то замедляли, то ускоряли свое движеніе, но никогда разъ начавшійся процессъ разложенія старыхъ формъ и возникновенія новыхъ не прекращался и не останавливался. Европейцами, въ противоположность азіатамъ, застывшимъ въ разъ установившихся формахъ жизни, овладѣлъ духъ безпокойства, исканія новизны, стремленія къ лучшему, недовольства настоящимъ. Неясные, но заманчивые призраки свѣтлаго будущаго стали носиться передъ глазами наиболѣе чуткихъ и воспріимчивыхъ натуръ, нравственные идеалы создавались заново, сплетаясь вначалѣ въ прихотливыхъ сочетаніяхъ съ остатками религіозныхъ вѣрованій, а затѣмъ освобождаясь отъ нихъ, какъ отъ безполезнаго орнамента. Этотъ процессъ нравственнаго броженія и поисковъ правды и справедливости, начавшись въ верхахъ интеллигенціи, постепенно охватывалъ

все болѣе широкіе круги народа, спускаясь до самыхъ низшихъ слоевъ, принимая все новыя и самыя разнообразныя формы.

Шестнадцатый вѣкъ былъ отмѣченъ реформаціоннымъ движеніемъ, принимавшимъ зачастую открыто революціонный характеръ, какъ, напр., крестьянскія войны, движеніе анабаптистовъ и пр. Протестантамъ повсюду пришлось вступить въ упорную борьбу за право исповѣданія своей вѣры, и борьба, при ожесточеніи защитниковъ старой вѣры и общей привычкѣ къ насилію, принимала всюду кровавый характеръ. Начался рядъ жестокихъ религіозныхъ войнъ въ Германіи и Франціи, причемъ совершались такіе ужасы, какъ, напр., Варфоломѣевская ночь въ Парижѣ, совершенное разореніе Германіи въ тридцатилѣтнюю войну и пр. Окрѣпшій, вслѣдствіе ослабленія дворянства, абсолютизмъ жестоко преслѣдовалъ протестантство, чуя въ немъ врага не только католической церкви, но и абсолютной монархіи. Въ Испаніи, Франціи и земляхъ австрійской короны реформаціонное движеніе было погашено въ потокахъ крови. Семнадцатый вѣкъ оказался вѣкомъ реакціи на континентѣ Европы, гдѣ на развалинахъ феодализма и полузадушенной или вступившей въ подчиненіе свѣтской власти реформаціи пышнымъ цвѣтомъ развернулся королевскій абсолютизмъ, нашедшій свое наиболѣе рельефное выраженіе въ блистательномъ «королѣ-Солнцѣ».

Однако, въ Англіи, гдѣ проповѣдь религіозной независимости пала на вполнѣ подходящую почву бережно охраняющихся древне-германскихъ началъ самоуправленія и общественнаго представительства, попытки абсолютизма подавить народную свободу потерпѣли совершенную неудачу, и отсюда именно, путемъ косвеннаго отраженія въ политической литературѣ, и пошла новая волна демократизаціи уже чисто-политической, безъ примѣси религіознаго элемента. Торжество абсолютизма на континентѣ Европы было непродолжительно. Можно сказать, что абсолютная монархія здѣсь слишкомъ поздно одержала побѣду надъ феодализмомъ, чтобы имѣть время вполнѣ воспользоваться ея послѣдствіями. Процессъ общественной индивидуализаціи, общей умственной и нравственной дифференціаціи зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы абсолютизму можно было разсчитывать на его подавленіе или подчиненіе своимъ интересамъ. Монархія, хотя и лишила феодаловъ ихъ прежняго значенія и силы, но вынуждена была опираться на нихъ для противодѣйствія демократическому движенію. Въ виду этого она, по возможности, сохраняла ихъ привилегіи и прерогативы, хотя они уже потеряли всякій реальный смыслъ, въ виду измѣнившихся экономическихъ и политическихъ условій, и только раздражали народъ, обремененный податями и повинностями въ пользу сеньоровъ, ставшихъ безполезными паразитами у королевскаго стола. Такъ же неудачна была политика королей и по отношенію къ духовенству, которое они стремились поддержать въ занятой имъ неприступной позиціи всей тяжестью своей свѣтской власти, тѣмъ самымъ вызывая общее негодованіе во всей интеллигентной части общества, возму-

щавшейся жестокими преслѣдованіями протестантовъ и пр. Мы здѣсь имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, Францію, которая одна и разрушила по собственному почину зданіе абсолютизма. Совершенно иначе обстояло дѣло, напр., въ сосѣдней Испаніи. Здѣсь побѣда католичества и абсолютизма была полная, народъ и высшіе классы были одинаково обезличены и порабощены. Но зато здѣсь, конечно, и наступили всеобщій упадокъ и полная потеря былого величія и могущества.

Конецъ восемнадцатаго и первыя три четверти девятнадцатаго вѣка были эрой наибольшаго развитія революціонной энергіи въ Зап. Европѣ, за исключеніемъ одной Англіи, благоразумно выходившей путемъ компромиссовъ изъ критическихъ положеній. Франція съ 1791 по 1875 г. измѣняла свою конституцію одиннадцать разъ, пережила 4 революціи, 2 государственныхъ (или военныхъ) переворота, двѣ имперіи, два королевства, три республики. Испанія, разбуженная великой сосѣдкой отъ своей вѣковой летаргіи, съ неменьшей горячностью, но съ далеко меньшей талантливостью и умѣньемъ взялась за перестройку своего обветшалаго государственнаго зданія, въ короткое время перемѣнила 8 конституцій, вынесла двѣ междоусобныхъ войны, нѣсколько военныхъ переворотовъ (пронунціаменто), была даже на одинъ моментъ федеративной республикой и, наконецъ, утомленная политическими волненіями и бурями, въ концѣ обезсиленная и потерявшая всѣ свои колоніи, успокоилась на довольно банальномъ конституціонализмѣ. Другія европейскія страны — Германія, Австрія и др., хотя и въ меньшей степени, но все-таки переживали аналогичныя потрясенія, въ особенности въ 1848 г. Всѣ эти волненія имѣли по преимуществу политическій характеръ, знаменовали собой переходъ къ болѣе или менѣе демократическимъ формамъ правленія, или, по крайней мѣрѣ, давали народу участіе въ государственной жизни при посредствѣ представительныхъ учрежденій. Но еще не были разрѣшены удовлетворительно эти вопросы въ средней Европѣ, какъ на горизонтѣ темною тучей поднялся вопросъ соціальный, разрѣшеніе котораго, можетъ-быть, также не пройдетъ мирнымъ путемъ, какъ не были мирно разрѣшены вопросы религіозный и политическій.

Россія, въ теченіе почти всей своей исторіи и особенно въ послѣднее столѣтіе, занимала особое положеніе въ Европѣ. Религіозное броженіе XVI—XVII вв. ея совершенно не коснулось; она оставалась чуждой и политическому движенію XVIII—XIX вв. Подпольная агитація въ послѣднюю треть XIX в., конечно, дѣлала свое дѣло; но наружный фасадъ абсолютизма казался такъ же грозенъ и неприступенъ, какъ и прежде. Однако, ловкій ударъ, нанесенный смѣлымъ азіатскимъ народомъ, сокрушилъ показное величіе обветшалаго строя, и Россія теперь вовлечена въ бурный водоворотъ политической революціи, пережитой Европой въ первой

половинѣ XIX в. Положеніе Россіи оказывается при этомъ вдвойнѣ затруднительнымъ, такъ какъ ей приходится, при совершенной неподготовленности и политической неопытности народныхъ массъ, одновременно разрѣшать вопросы религіозный, политическій, національный и соціальный, тогда какъ большинству европейскихъ народовъ удалось до извѣстной степени раздѣлить эти вопросы и разсмотрѣть ихъ порознь другъ отъ друга.

II.

Характеръ и сущность современной нравственности.—Позитивная точка зрѣнія.—Этика историческаго матеріализма. — Нравственные идеалы.

Мы набросали этотъ бѣглый очеркъ историческаго развитія политической жизни современной Европы съ цѣлью показать, какъ должны были осложниться и измѣниться въ теченіе новой исторіи понятія о нравственности, нравственномъ долгѣ, добрѣ и злѣ. Какое громадное разстояніе отдѣляетъ наше нравственное міровоззрѣніе отъ міровоззрѣнія какого-нибудь вятича или радимича, или даже средневѣкового феодала и его вассаловъ. Съ громаднымъ осложненіемъ и дифференціаціей общественной жизни, понятія о нравственности разбились на отдѣльныя, несогласныя между собою системы, наконецъ, подверглись процессу индивидуализаціи такъ же, какъ и область политики и религіи. Долгое время нравственность отождествлялась съ религіозностью и подчинялась указаніямъ и предписаніямъ церкви; позже усилилось вліяніе политики, теперь нравственность многими ставится въ исключительную зависимость отъ экономическихъ условій. Однако, несомнѣнно, что нравственность, какъ извѣстная общественная сила, какъ идеальное начало, служащее регуляторомъ и маякомъ для человѣческой дѣятельности, имѣетъ самостоятельное значеніе. Даже болѣе того: только въ качествѣ автономнаго начала можно и говорить о нравственности, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ политики или экономики. Нравственность гетерономная (чужезаконная), т.-е. состоящая въ слѣпомъ подчиненіи господствующимъ политическимъ или экономическимъ (ранѣе религіознымъ) требованіямъ, не заслуживаетъ собственно и названія нравственности. Это есть только простое приспособленіе личности къ окружающей ее средѣ, иначе говоря, то поглощеніе личности средою, которое всегда возмущало людей независимаго характера и самостоятельнаго мышленія. Въ началѣ нашей работы мы упомянули о томъ, что не приписываемъ нравственности никакого сверхъестественнаго происхожденія, отклоняемся и отъ метафизическаго ея толкованія, считая ее продуктомъ общественной эволюціи. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что мы склонны видѣть все значеніе и смыслъ нравственныхъ идеаловъ въ закланіи интересовъ личности на алтарѣ общественнаго культа, въ «жертвѣ» личности передъ обществомъ. Отдающія ветхозавѣтной религіей,

эти понятія должны быть оставлены. Немногимъ симпатичнѣе является и отвлеченное, метафизическое понятіе «долга», «категорическаго императива», повелѣвающее мнѣ, живой личности, подавить въ себѣ свое «я» ради служенія абстрактнымъ нормамъ, выдуманнымъ кабинетными мыслителями въ тиши ихъ философскаго уединенія.

Живутъ, создаютъ жизнь, наслаждаются и страдаютъ живые люди, а не какія-либо отвлеченныя категоріи, идеи, вѣрованія и т. п. «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы». Слово это было сказано довольно давно, но до сихъ поръ оно осталось своего рода «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Въ этомъ отношеніи правы крайніе индивидуалисты (какъ, напр., Штирнеръ), заявляющіе, что люди все время поклонялись «призракамъ», приносили себя въ жертву воображаемымъ существамъ, власть и сила которыхъ цѣликомъ создавались самими же людьми и, безъ ихъ добровольнаго или вынужденнаго признанія, совершенно не могли бы ни въ чемъ проявиться. Съ позитивной точки зрѣнія нравственно то, что увеличиваетъ сумму жизни и ея наслажденій, уменьшаетъ страданія отдѣльныхъ лицъ, приноситъ гармонію, примиреніе междуи нтересами личности и общества, не «принося въ жертву» ни ту, ни другую сторону. Безнравственно то, что ведетъ къ уменьшенію жизненности лица и общества (т.-е. всѣхъ лицъ вообще), подавляетъ жизненность, вноситъ страданія и лишенія (одному лицу или многимъ, безразлично). Задача морали, съ этой точки зрѣнія, состоитъ не въ проведеніи въ жизнь того или другого абстрактнаго начала, вѣры и т. п., а, наоборотъ, въ установленіи гармоніи между живущими въ данное время людьми, въ примиреніи по возможности ихъ вражды между собою, какъ источника страданій, въ созданіи такого modus vivendi (порядка жизни), при которомъ никто не чувствовалъ бы себя жертвой и никто не могъ бы эксплоатировать въ свою пользу чужія жертвы. Такимъ образомъ, идеалъ нравственнаго общества будетъ достигнутъ только въ томъ случаѣ, если изъ него будетъ изгнанъ элементъ насилія, принужденія и подавленія воли отдѣльныхъ ея членовъ. Тогда только общество можетъ быть названо единымъ по духу и нравственнымъ, когда это единеніе вызывается не страхомъ передъ послѣдствіями непризнанія или несоблюденія нравственныхъ нормъ, а основано на сознательномъ, добровольномъ признаніи отдѣльными лицами *), что тѣ или другія нормы ими приняты и исполняются, какъ наиболѣе соотвѣтствующія ихъ собственнымъ убѣжденіямъ и потребностямъ, и что другихъ нормъ или правилъ они не желаютъ (по крайней мѣрѣ, въ данный историческій моментъ).

Но это добровольное объединеніе всѣхъ столь сложныхъ и разнородныхъ

*) См. Штаммлера «Хозяйство и право» («Wirtschaft u. Recht»), также Дюркгейма, «Division du travail social». Тѣ же темы затрагиваются Гефдингомъ, Паульсеномъ («Этика») и др.

общественныхъ элементовъ есть только отдаленный нравственный идеалъ, своего рода утопія. До сихъ поръ никогда еще тѣ или другіе нравственные идеалы не служили объединяющимъ цементомъ борющихся между собою классовъ, личностей и группъ или служили только по-видимости (какъ, напр., христіанство), лишь маскируя, но не задерживая проявленія вражды и ненависти. Надежды на моральное возрожденіе человѣчества путемъ религіозныхъ, философскихъ или какихъ-либо другихъ проповѣдей должны, быть оставлены, и гармонія интересовъ, о которой твердятъ моралисты, можетъ быть установлена лишь путемъ такой перестройки общественнаго зданія, при которой не существовало бы отдѣльныхъ классовъ, а потому и невозможна была бы и борьба ихъ. Вотъ довольно распространенная въ наше время точка зрѣнія, съ каждымъ днемъ все болѣе распространяющаяся въ массахъ и пріобрѣтающая себѣ приверженцевъ въ различныхъ слояхъ населенія. Несомнѣнно, что тотъ абрисъ нормальнаго нравственнаго общежитія людей, который мы бѣгло очертили выше, есть только идеалъ, извѣстный desideratum (желательное), или, выражаясь языкомъ неокантіанцевъ, «должное», противоположное «сущему». Въ настоящее время трудно и мечтать о гармонизаціи борющихся интересовъ, враждующихъ организацій, въ виду всеобщаго возбужденія инстинктовъ диссоціаціи или разложенія, грозящихъ перейти въ полную анархію. Но отказаться отъ этой мечты хотя бы для будущаго невозможно. Борьба, насиліе, въ чемъ бы оно ни состояло, само по себѣ цѣлью быть не можетъ. Оно является и въ глазахъ тѣхъ лицъ, которыя къ нему прибѣгаютъ, только средствомъ для достиженія того или иного идеала, на которомъ и предполагается успокоеніе. И соціалистическій идеалъ является мечтой о гармоніи, о всеобщемъ примиреніи или, по крайней мѣрѣ, о прекращеніи борьбы классовъ. Правда, прекращеніе этой борьбы предполагается достигнуть путемъ крайняго обостренія самой борьбы. Рѣшеніе соціальнаго вопроса посредствомъ уничтоженія государства и классовъ нѣсколько напоминаетъ упрощенный способъ лѣченія зубной боли: «вырви всѣ зубы, никогда не будутъ болѣть». Но все-таки конечнымъ идеаломъ является миръ, гармонія, общее счастье, а не междоусобная война.

Здѣсь мы должны хотя бы слегка коснуться вопроса о вліяніи нравственныхъ идеаловъ на эволюцію общественныхъ отношеній. Вопросъ этотъ служилъ предметомъ безчисленныхъ дебатовъ и создалъ вокругъ себя громадную литературу. Мы не имѣемъ въ виду входить въ подробное разсмотрѣніе спорныхъ положеній и высказать какое-либо категорическое сужденіе по этому предмету. Въ нашихъ цѣляхъ достаточно выяснить нашу личную точку зрѣнія, насколько то требуется для опредѣленія связи между моралью и общественными переворотами или революціями. Какъ извѣстно, соціалистическая школа, преобладающая въ наше время, именно

марксизмъ [1]), отводитъ идеалистическому фактору совершенно второстепенную роль, ставя всю общественную эволюцію въ исключительную зависимость отъ способовъ производства, развитія промышленной техники и вообще измѣненія экономическихъ отношеній. Мораль такъ же, какъ и религія, право, искусство и проч.—лишь идеологическія «надстройки» на экономическомъ фундаментѣ, надстройки, не могущія существовать безъ этого фундамента и измѣняющіяся при всякомъ его измѣненіи, но не наоборотъ. Мы не станемъ здѣсь приводить всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя въ свое время приводились противъ этой односторонней теоріи. Отмѣтимъ только тотъ знаменательный фактъ, что въ настоящее время и самъ глава ортодоксальныхъ марксистовъ—К. Каутскій—не занимаетъ уже той непримиримой позиціи, которая характеризовала ранніе стадіи марксизма, и въ своей интересной брошюрѣ, посвященной вопросамъ этики [2]), признаетъ извѣстное значеніе и за нравственными идеалами, помимо способа производства. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ: «Нравственныя нормы измѣняются вмѣстѣ съ обществомъ, но онѣ измѣняются не безпрерывно, не въ той же степени и не на тотъ же манеръ, какъ общественныя потребности. Онѣ входятъ въ привычку [3]) у человѣка и поэтому провозглашаются нормами абсолютной нравственности. Но, разъ вкоренившись въ жизни общества, ставши дѣломъ привычки, онѣ могутъ долго вести самостоятельное существованіе, между тѣмъ какъ развитіе техники, ея прогрессъ, а съ нимъ вмѣстѣ развитіе способа производства, преобразованіе общественныхъ потребностей, идутъ впередъ своей дорогой»... «безспорно существуетъ взаимодѣйствіе между экономикой и ея духовными надстройками: моралью, религіей, правомъ, искусствомъ и пр.»... «Какъ и другіе идеологическіе факторы, мораль тоже вліяетъ на экономическую и соціальную эволюцію. Именно въ этомъ ея соціальное значеніе».

Приведенныя выдержки довольно характерны и показываютъ, что возраженія, выставленныя противъ односторонняго матеріализма, не прошли для него даромъ. Правда, Каутскій спѣшитъ ослабить впечатлѣніе сдѣланныхъ имъ уступокъ и отвести морали подобающее ей, по его мнѣнію, болѣе скромное мѣсто. «Итакъ,—говоритъ онъ,—мораль вліяетъ въ положительномъ смыслѣ на общество. Но это продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока она остается въ зависимости отъ него, пока она отвѣчаетъ тѣмъ соціальнымъ потребностямъ, которыя ее создали. Какъ только мораль становится самодовлѣющимъ факторомъ, это вліяніе ея принимаетъ другой характеръ. Ея дальнѣйшее развитіе становится чисто фор-

---

[1]) Въ болѣе широкомъ смыслѣ—школа историческаго матеріализма; къ ней могутъ относиться и лица, не раздѣляющія соціалистическихъ теорій по вопросамъ общественной реорганизаціи и пр.

[2]) «Этика и историческій матеріализмъ». 1906, стр. 81 и др. Цитируемъ по русскому переводу.

[3]) Курсивъ всюду въ цитатахъ принадлежитъ автору.

мальнымъ, логическимъ процессомъ. Замыкаясь отъ вліяній измѣняющейся внѣшней среды, она не въ состояніи болѣе создавать новые взгляды, она можетъ лишь комбинировать имѣющіяся уже старыя воззрѣнія и устранять изъ нихъ противорѣчія... Какъ только моральные тезисы принимаютъ самодовлѣющую форму, они перестаютъ быть элементомъ общественнаго прогресса; они костенѣютъ, становятся консервативнымъ элементомъ». Однако, при такомъ положеніи дѣла, если самостоятельная, независимая отъ экономическихъ условій мораль становится консервативнымъ элементомъ, то является вопросъ: не возможны ли случаи также независимой отъ наличныхъ экономическихъ условій морали, которая можетъ оказаться не консервативнымъ, а прогрессивнымъ элементомъ? Каутскій, повидимому, не склоненъ къ такому рѣшенію вопроса. По его мнѣнію, только появленіе новыхъ противорѣчій, новыхъ проблемъ можетъ повести къ дѣйствительной эволюціи, а человѣческій духъ не создаетъ изъ себя самого противорѣчія и проблемы; они создаются въ немъ только благодаря воздѣйствію окружающей среды.

Приписывая человѣческому духу такую пассивную роль въ созданіи моральныхъ проблемъ и противорѣчій, Каутскій, тѣмъ не менѣе, далѣе снова говоритъ о вліяніи нравственнаго идеализма, возникающаго на почвѣ классовой борьбы. «Въ классахъ, которымъ принадлежитъ будущее, возникаетъ новый нравственный идеалъ, который становится все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ растетъ сила этихъ классовъ. Одновременно съ этимъ классовая борьба особенно развиваетъ соціальные инстинкты въ этихъ классахъ, такъ что вмѣстѣ со смѣлостью новаго нравственнаго идеала растетъ также и необходимое для него воодушевленіе. Та самая эволюція, которая вызываетъ въ разлагающихся классахъ все прогрессирующую безнравственность, вызываетъ въ передовыхъ классахъ сумму явленій, которыя мы обобщаемъ подъ именемъ этическаго идеализма». Итакъ, слѣдовательно, идеальные мотивы имѣются налицо и среди консервативныхъ, отживающихъ классовъ и среди новыхъ, прогрессивныхъ слоевъ (нарочно говоримъ «слоевъ», а не классовъ, потому что, какъ увидимъ далѣе, и классовая мораль далеко не разрѣшаетъ всѣхъ моральныхъ вопросовъ). Разница только въ томъ, что одни держатся за старую мораль, другіе за новую. Такъ разсуждали, однако, не только идеалисты, но и люди различныхъ религіозныхъ вѣрованій. Нашъ матеріалистъ, правда, ставитъ самую мораль въ зависимость отъ экономики и отъ воздѣйствій внѣшней среды, но зависимость эта, по его же словамъ, оказывается далеко не безусловной и не полной. Конечно, люди не могутъ замкнуться и оградиться отъ вліянія внѣшнихъ условій, между прочимъ, и экономики. Всѣ жизненныя явленія вмѣстѣ воздѣйствуютъ на нашу психику: явленія мира религіознаго, политическаго, экономическаго и т. д., подобно эѳирнымъ колебаніямъ, соотвѣтствующимъ субъективнымъ впечатлѣніямъ зрѣнія, слуха и т. д. Но

мы, современные люди, какъ сложныя и дифференцированныя существа, не подчиняемся пассивно этимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ: мы реагируемъ на нихъ, преслѣдуя при этомъ опредѣленныя цѣли, сообразно съ основами нашей психики, которая только принимаетъ въ разсчетъ данную среду и ея воздѣйствіе, но ею не создается и ею безконтрольно не управляется. Впрочемъ, никто другой, какъ самъ Каутскій, даетъ намъ въ руки подходящій матеріалъ для развитія нашей мысли.

«Однако,—говоритъ онъ [1]),—новый нравственный идеалъ можетъ возникнуть не только на почвѣ классоваго антагонизма. Въ рядахъ консервативныхъ классовъ имѣются индивидуумы, которые по своему соціальному положенію лишь слабо связаны со своимъ классомъ, не имѣютъ классоваго сознанія, зато обладаютъ очень сильными соціальными инстинктами и достоинствами, заставляющими ихъ возставать противъ всякаго лицемѣрія и цинизма, настолько интеллигенты, что не могутъ не замѣтить противорѣчія между традиціонными моральными нормами и потребностями общества. Такіе индивидуумы тоже должны создать себѣ новые нравственные идеалы». Это мѣсто для насъ въ особенности интересно. Именно появленіе такихъ самоотверженныхъ «индивидуумовъ» для экономическаго матеріализма чрезвычайно непріятное противорѣчіе его основной догматикѣ, потому что какими же «экономическими» мотивами можно объяснить дѣйствія человѣка, принадлежащаго къ классу эксплуататоровъ или вообще имущихъ, который добровольно выдѣляетъ себя изъ своего класса, вступаетъ даже съ нимъ въ борьбу во имя и для защиты эксплуатируемыхъ, подвергаясь за это гоненію, лишеніямъ и т. д.? Самъ Каутскій ни слова не говоритъ о возможности какого-либо экономическаго объясненія подобныхъ случаевъ и довольствуется только тѣмъ, что отводитъ имъ все же второстепенное значеніе. Нравственный идеалъ, по его словамъ, можетъ принести плоды только какъ пружина классовой борьбы; только классовая борьба, а не единичныя усилія отдѣльныхъ лицъ, не «отсебятина», въ состояніи вести впередъ общество.

Нельзя, однако, согласиться и съ такимъ умаленіемъ роли личности въ классовой борьбѣ. Классы, которые не могутъ выдѣлить изъ себя личностей, обладающихъ «очень сильными соціальными инстинктами и достоинствами», и къ которымъ такія личности не переходятъ изъ другихъ классовъ, обыкновенно и не въ состояніи добиться успѣха въ классовой борьбѣ. Напрасно при этомъ полагать, что былъ бы извѣстный классъ достаточно многочисленъ, а ужъ талантливыя личности сами собой въ немъ появятся или придутъ со стороны. Этотъ соціальный законъ соотвѣтствія талантовъ съ численностью класса чрезвычайно шатокъ и необоснованъ. Можно сказать, что отсутствіе или недостатокъ развитія личности въ низшихъ классахъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 87.

(крестьянахъ, рабочихъ и т. д.) во все время ихъ исторіи и былъ главной причиной ихъ приниженнаго положенія и малоуспѣшности ихъ попытокъ къ освобожденію отъ ига высшихъ классовъ. Конечно, этотъ недостатокъ отчасти искусственно поддерживался въ массѣ со стороны заинтересованныхъ въ томъ группъ, но несомнѣнно, что фактъ этотъ, самъ по себѣ достаточно извѣстный, игралъ и продолжаетъ играть рѣшающую роль въ дѣлѣ классовой борьбы. Идеалы справедливости, созданные и формулированные отдѣльными индивидами, конечно, имѣютъ значеніе постольку, поскольку ихъ раздѣляетъ и готова осуществить опредѣленная соціальная среда. Но если они вообще никѣмъ не формулированы и имѣются лишь въ видѣ смутныхъ, неясныхъ чаяній и мечтаній въ малосознательной и малодѣятельной по своей приниженности средѣ, то эти мечтанія точно также не могутъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Революціи обыкновенно бывали успѣшны только въ томъ случаѣ, если имъ было обезпечено содѣйствіе со стороны значительной части интеллигенціи страны, помимо ея классоваго характера. Общая соціальная цѣль, общіе нравственные идеалы должны быть достаточно обрисованы и формулированы сознаніемъ передовыхъ умовъ данной эпохи. Революція, происшедшая безсознательно, случайно, вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ, неожиданныхъ и непродуманныхъ общественнымъ сознаніемъ причинъ, была бы только стихійной катастрофой, не болѣе.

Такимъ образомъ, мы можемъ признать, что тѣ или другіе нравственные идеалы, выработанные общественною эволюціей, являются направляющими нашу дѣятельность силами («идеи—силы», по выраженію А. Фуйлье), на ряду, конечно, съ тѣми или другими экономическими мотивами, но иногда и вопреки имъ (какъ въ случаѣ отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ). Содержаніе этихъ идеаловъ можетъ быть различнымъ, въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или иныхъ нравственно-интеллектуальныхъ вопросовъ въ обществѣ. Въ одну эпоху преобладаютъ религіозные мотивы, въ другую—политическіе, въ третью—экономическіе или соціальные. Но если мы ограничимся послѣдними 4-мя столѣтіями (съ XVI по XX), то должны признать, что общей основой всей общественной эволюціи за эту эпоху были ослабленіе, смягченіе или отмѣна принудительныхъ отношеній во всѣхъ сферахъ государственной жизни, замѣна ихъ добровольнымъ соглашеніемъ, замѣна принудительной кооперації добровольной, другими словами—освобожденіемъ личности. Недостигнутымъ идеаломъ остается установленіе гармоническаго, устойчиваго равновѣсія личности и общества; но идеалъ этотъ неотступно стоитъ передъ человѣчествомъ, и отъ приближенія къ нему зависятъ все его счастье и вся его судьба. Если бы идеалъ этотъ оказался неосуществимымъ по существу, неразрѣшимой задачей, въ родѣ квадратуры круга или regretium mobile, то въ такомъ случаѣ можно было бы сказать, что существованіе человѣчества безцѣльно, и всѣ происходящія въ немъ перемѣны и революціи,

въ концѣ концовъ, не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла, какъ работа каторжника или перемѣны въ физическомъ мірѣ. Мы разсмотримъ эту проблему человѣческаго бытія въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же мы ограничимся только указаніемъ, что, какова бы ни была конечная цѣль человѣчества, имъ или значительною его частью въ послѣднее время овладѣла такая жажда новизны, перемѣны существующихъ отношеній, созданія новыхъ, неизвѣданныхъ формъ жизни, и притомъ немедленно, путемъ насильственнаго переворота, если мирнымъ путемъ измѣненіе это не достигается, что мы невольно должны остановиться на этомъ фактѣ. Прежде всего, намъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, который, конечно, давно уже задавалъ всякій русскій читатель: какъ же относиться къ революціи, къ насильственному измѣненію существующихъ отношеній во имя того или другого нравственнаго идеала или хотя бы подъ давленіемъ экономической необходимости? Если мы согласны съ конечными выводами той или другой соціальной теоріи, должны ли мы для ихъ осуществленія примѣнить силу, пролить кровь? Не оправдываетъ ли цѣль средства? И не есть ли кровавая борьба за свободу, за благо народа, за всеобщее счастье—высшая доблесть и высшая добродѣтель?

Вопросы, страшные сами по себѣ, вдвойнѣ грозные въ революціонную эпоху, но отвѣтить на нихъ необходимо. Quamquam animus meminisse horret, luctuque refugit, incipiam [1]).

---

[1]) Изъ «Энеиды» Виргилія. «Хотя душа содрогается отъ ужасныхъ воспоминаній и въ горести стремится обойти ихъ молчаніемъ,—начну (свое повѣствованіе)».

III

Революція и нравственность.—Сужденія моралистовъ.—Политическія преступленія.—Мнѣніе Паульсена и Гефдинга.—Взглядъ Штирнера.—Историческія параллели.—Относительность нравственной оцѣнки.—Сложность современныхъ общественныхъ отношеній.

Мы выше видѣли, что нормы нравственности, въ чемъ бы онѣ ни состояли, имѣютъ своей цѣлью регулировать мирную кооперацію людей въ обществѣ, предназначены для мира, а не для войны. Война есть по существу своему явленіе антисоціальное, разрушающее узы солидарности между людьми, возбуждающее и разжигающее въ нихъ самыя безчеловѣчныя страсти—злобу, ненависть, желаніе уничтожить врага, насладиться его пораженіемъ и своею побѣдою. И таковъ характеръ не только внѣшней войны, но еще въ большей степени войны внутренней. Внѣшнія войны рѣдко принимаютъ истребительный характеръ, въ особенности въ современную эпоху; воюющія стороны и во время войны и послѣ нея относятся другъ къ другу съ извѣстной корректностью и даже не прочь иногда щегольнуть своею вѣжливостью или великодушіемъ. Войнѣ, такимъ образомъ, придается нѣкоторое сходство съ дуэлью или рыцарскимъ турниромъ. Но совершенно иное отношеніе и у цивилизованныхъ народовъ, не говоря про малокультурные, къ вооруженному возстанію, къ революціи и революціонерамъ. На нихъ ложится клеймо самаго тяжкаго преступленія—измѣны; противъ нихъ принимаются самыя жестокія репрессивныя мѣры. Судьба плѣнныхъ здѣсь не та, что послѣ «почетной» сдачи крѣпости непріятелю. Факты эти, конечно, всѣмъ извѣстны. Они показываютъ, что государство гораздо больше боится и стремится больше гарантировать себя отъ враговъ внутреннихъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ.

И все-таки ничто не помогаетъ. Наступаютъ такіе моменты, когда революціонныя настроенія вырываются наружу и разрушаютъ всѣ тѣ преграды, которыя создаются для ихъ задержки угрозами закона, правилами нравственности, соображеніями разсудка. Эти революціонные взрывы составляютъ самые критическіе и самые знаменательные роковые моменты народнаго существованія. Самыя страстныя и противоположныя чувства съ ними связаны, сопровождаютъ ихъ и существуютъ еще долго послѣ ихъ окончанія: проклятія и ненависть однихъ, радость, восторженныя надежды

и мечты другихъ, недоумѣніе и растерянность третьихъ. Какъ же относится теоретическая философская этика къ революціи, къ насильственнымъ переворотамъ вообще?

Отношеніе это, конечно, не можетъ быть одинаковымъ у различныхъ мыслителей и въ различныхъ школахъ, въ связи съ различіемъ ихъ морально-политическихъ идеаловъ. Понятно, что философская мысль вообще, привыкшая къ строгой систематизаціи и классификаціи идей, къ логической стройности и порядку въ области духовнаго творчества, не можетъ особенно симпатизировать идеѣ разрушенія стараго порядка, стало-быть, внесенія хотя бы временнаго безпорядка въ ранѣе уравновѣшенныя отношенія. Если ужъ необходимость такой насильственной замѣны стараго порядка новымъ и допускается, то лишь въ крайнемъ случаѣ, при совершенной невозможности поступить иначе. Таково преобладающее настроеніе современной философіи послѣ опыта французской революціи. До нея отношеніе отвлеченной мысли къ революціонной идеѣ было въ общемъ болѣе благопріятнымъ (школа естественнаго права). Существовала даже какъ бы юридическая идея права на возстаніе противъ тираніи. Право на революцію было до извѣстной степени осуществлено уже въ XVII в. англійскимъ народомъ въ борьбѣ противъ Стюартовъ; во французской декларацiи правъ оно было торжественно установлено въ ст. 2, какъ одно изъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти были, какъ извѣстно, свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію. Также въ якобинской конституціи 1793 г. это право было отчетливо формулировано: «Ст. 35 говоритъ: если правительство нарушаетъ народныя права,—то возстаніе для народа и для всякой его части—священное право и непремѣнная обязанность». Но то было время романтическаго увлеченія революціонными идеями. Девятнадцатый вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ научнаго изслѣдованія, критическаго анализа и разрушенія поэтическихъ и легендарныхъ иллюзій прошлаго. Научный критицизмъ отразился и на построеніяхъ этики и философіи права, лишивъ ихъ прежней категоричности и непровѣреннаго догматизма.

Въ видѣ примѣра укажемъ на отношеніе къ интересующему насъ вопросу со стороны Паульсена въ его «Этикѣ» (цитируемъ по нѣмецкому оригиналу). Вообще нѣмецкій философъ высказывается противъ права на революцію (Revolutionsrecht). Признаніе,—говоритъ онъ,—за отдѣльнымъ лицомъ (или группой лицъ) права на возстаніе противъ правительства, существующаго на законномъ основаніи, есть логическій абсурдъ, такъ какъ въ такомъ утвержденіи заключается внутреннее противорѣчіе. Если каждое отдѣльное лицо (или группа лицъ) имѣетъ право напасть и низвергнуть существующее правительство, то это значитъ, что дѣйствительное самодержавіе (суверенитетъ) принадлежитъ фактически отдѣльнымъ лицамъ, а не государству и даже не народу (при условіи демократическаго режима) или его представителямъ.

Революція всегда является нарушеніемъ права (Unrecht), и провозглашеніе ея перманентности (постояннаго существованія) было бы равносильно совершенному отрицанію государства и полной анархіи. Однако, и Паульсенъ признаетъ, что бываютъ такія положенія въ политической жизни народовъ, когда насильственное нарушеніе правовыхъ отношеній (Rechtsbruch) является единственнымъ выходомъ. Таковы, несомнѣнно, случаи деспотическаго безконтрольнаго управленія страны малочисленной кучкой, привилегированной группой, дѣйствующей во вредъ большинству населенія. Въ этихъ случаяхъ долженъ восторжествовать принципъ: право для народа, а не народъ для права. Въ извѣстной мѣрѣ,—говоритъ Паульсенъ,—исторія приводитъ въ исполненіе приговоръ нравственности. Такимъ образомъ, французская революція была судомъ всемірной исторіи надъ французскимъ дворянствомъ, стремившимся сохранить за собою свое привилегированное положеніе, не давая взамѣнъ ничего народу. Религіозная революція XVI в. была судомъ надъ католическимъ духовенствомъ, утратившимъ мѣру въ своемъ властолюбіи и алчности. Паульсенъ замѣчаетъ, что для исторіи и частный собственникъ (рантье) будетъ не болѣе священной особой, чѣмъ были духовенство и дворянство. «Не живемъ ли мы,—спрашиваетъ онъ,—передъ новымъ великимъ суднымъ днемъ исторіи? Не стоятъ ли уже за дверью тѣ, кто вынесетъ вонъ буржуазію»? Правда, онъ затѣмъ утѣшаетъ себя мыслью, что, можетъ быть, этого и не будетъ, но все-таки подъ конецъ замѣчаетъ, что, кто потребляетъ доходы со своихъ капиталовъ (ренту), не давая ничего взамѣнъ, тотъ ускоряетъ приближеніе суднаго дня.

Аналогичныхъ взглядовъ держится и Гефдингъ (Ethik). Онъ также признаетъ возможность насильственнаго проведенія въ жизнь высшихъ идеаловъ нравственнаго общенія въ томъ случаѣ, если низшія, ранѣе установившіяся, формы права упорно сопротивляются, не давая своимъ сопротивленіемъ возможности дальнѣйшаго развитія человѣчестве и обрекая его на застой и вырожденіе. Конечно, такая форма борьбы за нравственные идеалы отнюдь имъ не рекомендуется и не оправдывается при всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, въ особенности же, если возможно основательное сомнѣніе въ успѣхѣ или же самое превосходство новаго надъ старымъ не есть общепризнанное убѣжденіе, а только мечта немногихъ энтузіастовъ.

Здѣсь мы приходимъ къ вопросу о политическихъ преступленіяхъ Всеобщія народныя возстанія бываютъ сравнительно рѣдко. Обыкновенно возстанія производятся отдѣльными кучками, группами лицъ той или другой партіи, класса и т. п. Еще чаще случаи отдѣльныхъ политическихъ преступленій или покушеній, совершаемыхъ въ одиночку, хотя и по рѣшенію или съ вѣдома опредѣленной партіи. У насъ, въ Россіи, эта форма революціоннаго движенія наиболѣе извѣстна и, можно сказать, составляетъ даже нашу историческую особенность въ XIX и XX вв., какъ въ XVII и XVIII вв.—самозванство. Профессорами этики, какъ и слѣдовало ожидать, такая форма

революціи совершенно не одобряется. Въ Германіи въ началѣ XIX в. былъ случай убійства изъ политическихъ мотивовъ студентомъ Зандомъ состоявшаго на русской службѣ политическаго агента Коцебу (нѣмца). Это убійство стало типичнымъ примѣромъ для нѣмецкихъ моралистовъ и философовъ при обсужденіи вопроса о томъ, можно ли считать нравственно допустимымъ убійство, совершенное не изъ личныхъ цѣлей, а по соображеніямъ этическаго характера (освобожденіе народа отъ тирана, вреднаго по своей дѣятельности человѣка вообще и т. п.)? Паульсенъ (и съ нимъ большинство моралистовъ) высказывается противъ политическихъ покушеній. Аргументація его такова: если признать, что всякое отдѣльное лицо имѣетъ право убить другого, жизнь котораго ему представляется вредной для общественнаго блага, то въ такомъ случаѣ жизнь всѣхъ лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе видное положеніе, подвергается постоянной и неотвратимой опасности, такъ какъ ни одинъ общественный дѣятель, какова бы ни была его платформа (программа), не можетъ считать себя гарантированнымъ отъ мести или вражды тѣхъ или другихъ лицъ, той или иной партіи. Если бы воззрѣнія, оправдывающія политическія убійства, направленныя противъ опредѣленной группы или класса, вошли въ практику жизни, то неминуемо вспыхнула бы война всѣхъ противъ всѣхъ. То соображеніе, что убійство извѣстнаго деспота и угнетателя народовъ (напр., Наполеона I) могло бы предотвратить совершеніе этимъ деспотомъ разнаго рода насилій и беззаконій, тоже не выдерживаетъ критики. Весьма трудно или даже невозможно предвидѣть всевозможныя послѣдствія смерти извѣстнаго историческаго (или всякаго другого) лица. И еще менѣе возможно утверждать, что сумма благопріятныхъ послѣдствій непремѣнно перевѣситъ сумму неблагопріятныхъ (при допущеніи безусловной вредности даннаго лица, что тоже для многихъ можетъ быть сомнительнымъ). Такого рода убѣжденіе можетъ быть предметомъ вѣры, а не логическаго обсужденія. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, съ нарушеніемъ общепринятыхъ правовыхъ и нравственныхъ нормъ въ цѣляхъ высшей морали, въ общественную жизнь властно вторгается старый принципъ: "цѣль оправдываетъ средства." Конечно, въ партійной жизни, съ точки зрѣнія партійныхъ интересовъ, этотъ іезуитскій принципъ если и не проповѣдуется открыто, то на практикѣ охотно примѣняется. Но съ нравственностью, въ самыхъ ея элементарныхъ основахъ, это правило, которымъ могутъ быть оправданы всевозможнѣйшія преступленія и злодѣйства, не можетъ имѣть ничего общаго.

Гефдингъ, касающійся мимоходомъ даннаго вопроса, разсуждаетъ такъ же, какъ и Паульсенъ, хотя и совершенно независимо отъ него. Онъ говоритъ слѣдующее [1]): «Кто совершаетъ убійство съ какою-либо благородною (edle) цѣлью, тотъ, посредствомъ совершеннаго имъ нарушенія элементар-

[1]) H. Höffding. «Ethik. Theorie der Wohlfahrt». S. III.

нѣйшихъ законовъ человѣческаго общежитія, порождаетъ большее зло, чѣмъ то, которое онъ стремился уничтожить, приводя свое намѣреніе въ исполненіе». Недѣйствительность и вредность политическихъ убійствъ увеличивается еще тѣмъ, что поражаются обыкновенно люди, а не принципы, симптомы, а не производящія причины. «Если народъ не въ состояніи самоуправляться, то ему не приноситъ никакой пользы уничтоженіе его тирановъ. Перемѣна къ лучшему въ жизни народа достигается, если вліять на измѣненіе его характера и настроенія, развивать его силы и способности». Вообще, для оправданія тираноубійцъ намъ надо было бы вернуться ко временамъ борьбы Церкви съ Имперіей, когда нѣкоторые духовные писатели находили возможнымъ открыто одобрять убійство «нечестивыхъ» королей и императоровъ. Современная этика рѣшительно высказывается противъ этого варварскаго способа отдѣлаться отъ своихъ противниковъ.

Существуетъ, впрочемъ, одинъ философъ, недавно извлеченный изъ постигшаго его было забвенія, мнѣніе котораго сильно расходится съ вышеприведеннымъ отзывомъ. Это именно Штирнеръ. Въ виду особаго интереса, который представляетъ для насъ, русскихъ, вопросъ о политическихъ убійствахъ, мы приведемъ мнѣніе Штирнера цѣликомъ [1]). «Отправляясь отъ какой-нибудь моральной точки зрѣнія, человѣкъ разсуждаетъ приблизительно такъ: человѣка импульсируетъ либо его чувственность, и тогда, подчиняясь ей, онъ безнравственъ, либо импульсируетъ его добро, которое воспринимается его волей и именуется моральнымъ образомъ мыслей (т.-е. предубѣжденіемъ въ пользу блага), и въ такомъ случаѣ человѣкъ проявляетъ себя нравственнымъ. Но, ставъ на эту точку зрѣнія, можно ли считать безнравственнымъ хотя бы, напр., поступокъ Занда относительно Коцебу? Во всякомъ случаѣ, поступокъ этотъ былъ безкорыстнымъ въ такой же мѣрѣ, какъ безкорыстны были и кражи, которыя совершалъ св. Криспинъ [2]) въ интересахъ бѣдняковъ. Но онъ не долженъ былъ убивать, ибо въ Писаніи сказано: «не убій». Слѣдовательно, служить добру, служить народному благу, какъ предполагалъ служить и Зандъ, или служить благу бѣдняковъ, на подобіе св. Криспина, это нравственно, но убивать и красть— безнравственно. Но почему же такъ? А потому что убійство, въ особенности предумышленное, изъ засады, есть нѣчто абсолютно-злое.—Но когда гверильясы заманивали враговъ страны въ ущелья и, прячась за кустами, перестрѣливали ихъ, развѣ это не было предумышленнымъ и коварнымъ убійствомъ? Принципъ морали, повелѣвающій служить добру, допускаетъ лишь вопросъ: неужели убійство никогда не бываетъ осуществленіемъ добра? И вы должны будете допустить такое убійство, которое осуществляетъ добро или благо.

---

[1]) «Единственный и его собственность», стр. 34 (русск. перев. Ульриха).

[2]) Также типичный примѣръ проступка, совершаемаго въ цѣляхъ добра; разборъ его см. у Паульсена, Вундта и др.

Однако, вы не въ силахъ переварить поступокъ Занда: поступокъ этотъ былъ дѣяніемъ нравственнымъ, потому что онъ былъ безкорыстенъ и совершенъ въ цѣляхъ служенія добру; поступокъ этотъ былъ актомъ кары, наказанія, который приведенъ былъ въ исполненіе отдѣльнымъ человѣкомъ, былъ казнью, которую онъ совершилъ съ опасностью для собственной жизни; отважное дѣяніе Занда сводится въ конечномъ выводѣ къ тому, что онъ захотѣлъ грубымъ насиліемъ подавить притѣсненіе печати [1]). Но развѣ такія же дѣянія вамъ вовсе неизвѣстны подъ этикеткой легальныхъ и санкціонированныхъ мѣропріятій? Что же можно возразить противъ поступка Занда, согласно вашему же принципу морали?—«Это дѣяніе было противозаконной казнью». Слѣдовательно, элементъ безнравственнаго въ этомъ дѣяніи сводится лишь къ противозаконію, къ неисполненію закона? Значитъ, вы признаете, что добро, благо есть не что иное, какъ законъ, и что моралъ есть то же, что лояльность».

На основаніи этой выдержки можно было бы заключить, что Штирнеръ является принципіальнымъ защитникокъ революціоннаго террора и политическихъ покушеній. Но такое заключеніе было бы въ сущности невѣрнымъ. Прежде всего надо имѣть въ виду, что Штирнеръ менѣе всего заботится о проведеніи или защитѣ какой-либо политической или моральной доктрины или идеи. Его девизъ: «Ничто—вотъ на чемъ я утверждаю свое дѣло». Какъ анархистъ и нигилистъ чистѣйшей воды, великій разрушитель всякой святыни, въ чемъ бы она ни состояла—въ религіи, морали или политикѣ,—Штирнеръ нимало не заинтересованъ въ торжествѣ того или иного принципа, и «служеніе той или иной идеѣ» представляется ему лишь своего рода безуміемъ, «одержимостью». Его нравственнымъ идеаломъ является эгоизмъ, совершенно свободный отъ всякихъ принциповъ, идей или правилъ, повинующійся лишь внушеніямъ своего «я». «Что мнѣ за дѣло», говоритъ онъ [2]), «до того, человѣчны, либеральны, гуманны ли мои мысли и дѣйствія, или они безчеловѣчны, не либеральны, не гуманны? Лишь бы они имѣли цѣлью то, чего *я* желаю, лишь бы они меня удовлетворяли, а вы опредѣляйте ихъ какими вамъ угодно предикатами—мнѣ все равно».

Защита идеи политическихъ убійствъ понадобилась Штирнеру только для того, чтобы лишній разъ уличить господствующую мораль въ двойственности, неискренности и лицемѣріи, запутать ее въ неразрѣшимыхъ и скандальныхъ противорѣчіяхъ. Но при этомъ самъ онъ не противопоставляетъ современной морали никакого положительнаго идеала, кромѣ обнаженнаго эгоизма. Съ его точки зрѣнія Зандъ, какъ и всякій другой политическій дѣятель, жертвующій собою во имя всеобщаго блага, не кто иной

---

[1]) Коцебу участвовалъ въ антилиберальной печати того времени.
[2]) Тамъ же, стр. 238.

какъ «одержимый», мономанъ-фанатикъ, приносящій себя въ жертву «призракамъ», фиктивнымъ существамъ. Какъ аморалистъ, Штирнеръ не разъ сочувственно говоритъ о преступникѣ вообще (такъ какъ всякое абсолютное «я» уже «преступно» относительно государства), но при этомъ онъ не проводитъ никакого различія между корыстными или безкорыстными мотивами преступленія. И въ сущности, по его основному міровоззрѣнію, ему симпатиченъ преступникъ-эгоистъ, дѣйствующій въ своихъ личныхъ интересахъ, а не идеалистъ, приносящій себя въ жертву отвлеченнымъ идеаламъ. Это сочувствіе обычной уголовной преступности у Штирнера проскальзываетъ не разъ. Мы приведемъ лишь одно эффектное мѣсто [1]) въ которомъ можно, кромѣ того, видѣть еще своего рода косвенное пророчество переживаемой Россіей эпидеміи преступленій: «Эгоистъ уже давно утверждался на преступности и издѣвался надъ святыней, и разрывъ со святыней или подрывъ святыни можетъ стать уже общимъ явленіемъ. Революціи не повторяются, но мощное, безоглядное, безстыдное, безсовѣстное и гордое *преступленіе*—развѣ оно уже не рокочетъ отдаленнымъ громомъ, и развѣ ты не видишь, какъ небеса притихли и омрачились въ роковомъ предчувствіи грядущаго»?!

Что касается спеціально случая Занда, то очевидно, что аргументація Штирнера въ его защиту не серьезна. Онъ приписываетъ своему оппоненту (моралисту) лишь такіе аргументы, которые легко опровергнуть, и обходитъ молчаніемъ нѣкоторые пункты, которые необходимо было бы освѣтить, напр., вопросъ о возможности существованія общества, въ которомъ было бы признано право убійства по политическимъ мотивамъ. Для анархистовъ, конечно, это соображеніе не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ для нихъ и самое общество, какова бы ни была его организація, подлежитъ полному упраздненію. Однако, пока еще анархическіе идеалы не раздѣляются большинствомъ и нигдѣ не находятъ своего осуществленія, небезполезно считаться и съ аргументами лицъ, желающихъ жить подъ охраной опредѣленныхъ нравственныхъ нормъ и законовъ. Понятно, что для мирныхъ гражданъ и въ мирное время желательны и могутъ быть признаны нормальными только законы мира, а не войны. Война есть прямое отрицаніе нравственности, inter arma silent leges [2]), говорили римляне, великіе знатоки и по части войны и по части законовъ. Характерно то, что Штирнеръ по поводу политическихъ убійствъ вспоминаетъ объ испанскихъ гверильясахъ (въ эпоху нашествія Наполеона I на Испанію). Дѣйствительно, если народное возстаніе, всеобщую стачку и т. п. массовыя выступленія можно сравнить съ болѣе или менѣе правильной войной большихъ армій, то отдѣльные террористическіе акты напоминаютъ методы гверильи, мел-

[1]) Тамъ же, стр. 162.
[2]) Во время войны молчатъ законы.

кой партизанской войны. И результаты ихъ дѣйствій приблизительно одинаковы: какъ герильясы не въ состояніи одержать рѣшительной побѣды надъ правильно организованными войсками, имѣя возможность только утомлять и ослаблять ихъ безпрестанными передвиженіями, мелкими стычками, засадами и т. д., такъ и подпольный терроръ обыкновенно не можетъ достигнуть существеннаго успѣха въ родѣ государственнаго переворота или перемѣны конституціи, но можетъ быть достаточенъ для того, чтобы разстроить общественную жизнь страны и частью парализовать ея правительство. Въ политикѣ, какъ и на войнѣ, по выраженію Наполеона I, les gros bataillons ont toujours raison [1]).

Если бы для сравненія съ настоящимъ положеніемъ Россіи мы привели нѣсколько примѣровъ изъ исторіи другихъ народовъ, то во всѣхъ случаяхъ можно было бы убѣдиться, что убійства отдѣльныхъ, хотя бы и высокопоставленныхъ лицъ, сами по себѣ, не будучи поддержаны общенароднымъ движеніемъ, не производили особыхъ измѣненій въ политическомъ строѣ государствъ, оставляя, однако послѣ себя самыя тяжелыя воспоминанія. Періоды, когда подобнаго рода убійства бывали особенно часты, совпадали съ общимъ разстройствомъ и упадкомъ общественной нравственности, за которымъ слѣдовало паденіе и матеріальнаго благосостоянія. Такъ было, напр., въ Италіи XVI в. Безчисленныя политическія убійства въ этой странѣ, соединенныя съ постоянными интригами и междоусобіями отдѣльныхъ республикъ и князей, привели къ такой деморализаціи и упадку, что Италія стала легкой добычей Испаніи, а затѣмъ Австріи и на долгое время обречена была на застой и обнищаніе. Здѣсь, конечно, имѣли мѣсто и другія причины, между прочимъ, крайній эгоизмъ и развращенность высшихъ классовъ, начиная съ самаго папства, но развитіе политическихъ убійствъ и было главнымъ симптомомъ этого нравственнаго вырожденія. Во Франціи той же эпохи убійства королей Генриха III и Генриха IV, публично одобренныя представителями духовенства, все-таки сами по себѣ не имѣли вліянія на дальнѣйшую политику французской монархіи, и уже, конечно, какого-либо измѣненія въ политическій строй Франціи не внесли [2]).

Нѣкоторое сходство съ терроризмомъ подпольныхъ партій представляетъ еще одно средневѣковое германское учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ «фемгерихтъ» или судилище тайной (священной) фемы. Въ сущности это былъ остатокъ древне-германскаго вольнаго суда всѣхъ свободныхъ гражданъ,

---

[1]) Беретъ верхъ численность войска.

[2]) Аналогичный примѣръ къ нашей исторіи—періодъ 1879—81 гг., закончившійся смертью Александра II, за которой послѣдовала реакціонная эпоха Александра III. О болѣе раннихъ цареубійствахъ Петра III и Павла I мы уже и не говоримъ, такъ какъ то было дѣло придворныхъ заговорщиковъ, не ставившихъ себѣ цѣлью измѣненіе политическаго строя.

отчего онъ и назывался иногда фрейгерихтъ, предсѣдатели его—фрейграфами, а члены—вольными шеффенами. Но этотъ вольный судъ въ XIV и XV вв. ввелъ въ свою практику негласный разборъ дѣлъ и тайные смертные приговоры (суду фемы подлежали только преступленія, караемыя смертью) относительно лицъ, не явившихся къ судебному разбирательству. Являться же на судъ фемы было довольно рискованно, ибо приговоры ея были безапелляціонны и приводились въ исполненіе немедленно послѣ привозглашенія. Тайные приговоры этого оригинальнаго суда исполнялись надъ осужденными посредствомъ подосланныхъ убійцъ, при романической обстановкѣ, съ кинжалами, отмѣченными таинственными буквами S. S. G. G. Все это навело такой ужасъ на всѣхъ, что фемгерихты должны были закрыться, и о нихъ сохранились только смутныя легенды, какъ о чемъ-то зловѣщемъ и безпощадномъ; создались уголовные романы, гдѣ фемгерихты были смѣшаны съ инквизиціей и тайными организаціями злоумышленниковъ, хотя они и не были ни тѣмъ, ни другимъ. Они выходили изъ извѣстныхъ моральныхъ соображеній, имѣя въ виду поражать преступность въ ея наиболѣе недоступныхъ позиціяхъ—въ высшихъ и обезпеченныхъ классахъ, но жизненныя противорѣчія отвлекли ихъ далеко въ сторону и сдѣлали проводниками произвола и беззаконія.

Не менѣе темную славу оставила по себѣ мусульманская секта измаэлитовъ или ассассиновъ[1]) (откуда французское assassin—предумышленный убійца). Измаэлиты по религіознымъ мотивамъ практиковали убійства отдѣльныхъ (болѣе или менѣе высокопоставленныхъ) лицъ и тѣмъ вызвали къ себѣ всеобщее озлобленіе и ненависть. Французскіе крестоносцы считали ихъ служителями самого сатаны, и названіе ихъ шейха «горный старикъ» (Le Vieux de la Montagne) возбуждало суевѣрный ужасъ и трепетъ. Между тѣмъ, дѣятельность этихъ фанатиковъ такъ же, какъ и фемгерихта въ Германіи, въ сущности не имѣла особо серьезныхъ результатовъ, и страшныя легенды, создавшіяся вокругъ ихъ имени, далеко не соотвѣтствовали ихъ дѣйствительной исторической роли.

Явленія, подобныя вышеописаннымъ, свидѣтельствуютъ о глубокой общественной дезорганизаціи, тяжкомъ кризисѣ, переживаемомъ обществомъ, послѣдствія котораго, при его продолжительности, могутъ быть крайне опасными. Дѣло въ томъ, что незамѣтно къ тайнымъ политическимъ организаціямъ, дѣйствующимъ терроромъ[2]), начинаютъ примыкать или подражать имъ въ борьбѣ съ общественнымъ порядкомъ самыя заурядныя

---

[1]) Собственно гашишимъ, отъ гашиша, которымъ опьяняли себя измаэлиты передъ совершеніемъ убійства. Наибольшаго развитія ихъ дѣятельность достигла въ XII ст.

[2]) Какъ противъ, такъ и въ защиту существующаго правительства. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ личный составъ бандъ болѣе низкопробенъ, въ виду его малоидейности и вліянія подкупа.

шайки преступниковъ, воровъ и грабителей, убивающихъ и грабящихъ уже не во имя какихъ-либо отвлеченныхъ принциповъ, а въ своихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣляхъ. Всѣмъ извѣстны тайныя полуразбойничьи, полуполитическія организаціи: камо́рры (въ южн. Италіи) и мафіи (въ Сициліи). Интересно, что каморра образовалась, главнымъ образомъ, изъ «черносотенныхъ» элементовъ бывшаго королевства обѣихъ Сицилій, которые въ началѣ XIX в. были организованы полиціей Бурбоновъ для борьбы съ тайными обществами карбонаріевъ [1]). Эти черносотенныя банды, извѣстныя тогда подъ названіемъ calderagi («котельщики», въ противоположность «угольщикамъ», т.-е. карбонаріямъ), пережили тотъ режимъ, который вызвалъ ихъ къ жизни. Противники ихъ, либералы или карбонаріи, какъ опредѣленная партія, давно уже исчезли, а каморристы и mafiosi (правда, утративъ прежнее названіе calderagi) продолжаютъ существовать до настоящаго времени и держатъ населеніе многихъ округовъ въ своихъ рукахъ (особенно въ Сициліи), несмотря на всѣ усилія правительства покончить съ этимъ зломъ. Нѣчто подобное было и во Франціи во время великой революціи. Послѣ подавленія возстанія въ Вандеѣ, разбитыя и разсѣянныя банды роялистовъ мало-по-малу превратились въ обыкновенныя разбойничьи шайки, извѣстныя подъ названіемъ «шуановъ». Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они грабили по дорогамъ сѣверо-западной Франціи, не различая уже строго роялистовъ отъ республиканцевъ. Теперь явленія того же порядка воспроизводятся, при аналогичныхъ условіяхъ, и у насъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ революціонный терроръ и цѣлый потокъ политическихъ убійствъ, а съ другой—организацію «истинно-русскихъ» людей, союза русскаго народа и пр.—совершенно по образцу санъ-федистовъ [2]) и кальдераріевъ въ Италіи начала XIX вѣка. И нравственно-интеллектуальный уровень массы у насъ не безъ аналогіи съ итальянскимъ назадъ тому сто лѣтъ, такъ что вполнѣ возможны и аналогичныя послѣдствія.

Такимъ образомъ, уже изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что революція и борьба съ нею (контръ-революція), на ряду со свѣтлыми идеальными порывами къ справедливости и общему благу, вызываютъ самыя противоположныя и нерѣдко низменныя чувства самаго разнузданнаго и звѣрскаго характера. Таковы условія всякой вооруженной борьбы, въ особенности, если эта борьба пріобрѣтаетъ затяжный характеръ, перевѣсъ долгое время не можетъ склониться на одну какую-нибудь сторону, успѣхи чередуются съ пораженіями. Стремленіе къ окончательной побѣдѣ при упорствѣ врага, защищающаго пядь за пядью свои позиціи, сожалѣніе и чувство

---

[1]) Мафія была также организована монархическимъ правительствомъ изъ сициліанскихъ разбойниковъ для противодѣйствія вліянію французской революціи.

[2]) Санъ-федисты (защитники вѣры)—партія, организованная католическимъ духовенствомъ противъ карбонаріевъ.

мести за понесенныя потери—все это разжигаетъ страсти до крайняго предѣла, и скромный голосъ нравственности совершенно умолкаетъ. Inter arma silent leges. Положеніе моралиста вдвойнѣ тяжело при подобныхъ мучительныхъ кризисахъ; нельзя произнести ни осуждающаго, ни оправдывающаго приговора ни одной изъ сторонъ: каждая дѣйствуетъ согласно своему внутреннему убѣжденію, ни одна не хочетъ поступать иначе, какъ она поступаетъ, и ни одной не могутъ помочь или заставить измѣнить тактику какіе-либо добрые совѣты благоразумія или морали. Qui veut la fin—veut les moyens [1]), и только опытъ, купленный дорогой цѣною, можетъ убѣдить въ непригодности или пригодности избранныхъ средствъ. Пока же идетъ страшный судъ меча, всякія увѣщанія и морализированія имѣютъ характеръ безполезнаго и безсильнаго нытья. Можно, конечно, сожалѣть о глубокомъ несовершенствѣ и неразвитости человѣческой природы, заставляющей людей истреблять другъ друга съ ожесточеніемъ дикихъ звѣрей, но отъ этого никому не легче. Можно вспомнить и старика Цицерона, который еще за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени сказалъ: Trux decet ira feras, candida pax homines [2]). Но, увы, правящіе классы, можетъ-быть, и любятъ миръ, но еще больше любятъ наслажденія, власть, роскошь, и тотъ, кто угрожаетъ ихъ отнятіемъ, для нихъ самый страшный врагъ, для того уже нѣтъ пощады, а есть въ запасѣ только «свирѣпый гнѣвъ». Но именно своекорыстный характеръ защиты привилегій и матеріальныхъ благъ со стороны высшихъ классовъ и отнимаетъ у нихъ моральную силу. Они не могутъ опереться на какую-либо широкую, съ заманчивыми горизонтами идею въ родѣ общаго блага, человѣческаго счастья, высшей справедливости и пр. Имъ остается только выдвигать соображенія о необходимости ихъ существованія въ данное время, о неподготовленности народа къ свободѣ и пр., указывать на историческое происхожденіе ихъ правъ и на необходимость относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Всѣ эти соображенія не совсѣмъ лишены всякаго значенія, но въ минуту общаго возбужденія и натиска они звучатъ слишкомъ неувѣренно и слабо; въ нихъ нѣтъ энтузіазма, который увлекаетъ народныя массы на пути къ завоеванію правъ человѣка и гражданина.

Моральная сторона революціи всегда именно и заключается въ расширеніи все большаго круга общегражданскихъ правъ на всю массу населенія. То, что было вначалѣ лишь привилегіею немногихъ, становится всеобщимъ, равнымъ для всѣхъ правомъ. Такъ было съ началомъ личной свободы, правомъ участія въ управленіи государствомъ и пр. Однако, то, что, разсматриваемое схематично, помимо бытовыхъ, жизненныхъ подробно-

[1]) Кто стремится къ цѣли—не разбираетъ средствъ.

[2]) Свирѣпый гнѣвъ приличествуетъ звѣрямъ, чистосердечный миръ—людямъ.

стей, представляется простымъ и яснымъ, на дѣлѣ достигается лишь путемъ долгой и упорной борьбы, послѣ ряда насилій съ обѣихъ сторонъ, иногда долго спустя послѣ первоначальнаго движенія. Запутанная и сложная организація современнаго (а также дореформеннаго) общества такова, что въ немъ долгое время не можетъ образоваться и упрочиться какое-либо общее теченіе мыслей, настроенія и чувствъ; наконецъ, образовавшись, оно быстро распадается вновь на отдѣльные ручьи, изъ которыхъ нѣкоторые вновь уходятъ подъ землю, другіе безсильно изсякаютъ. Даже такія, массовыя, казалось бы, движенія, какъ рабочее, съ теченіемъ времени, далеко не обнаруживаютъ стремленія къ объединенію. Соціалъ-демократическая, напр., партія въ Германіи, несмотря на свое долговременное существованіе и сравнительно блестящіе успѣхи, на дѣлѣ, какъ оказывается, успѣла объединить подъ своимъ знаменемъ [1]) лишь незначительную часть германскихъ рабочихъ (12—15%) и по численности далеко уступаетъ профессіональнымъ союзамъ рабочихъ (Gewerkvereine), не имѣющихъ опредѣленной партійной окраски.

Равнымъ образомъ и нравственные идеалы современной эпохи, какъ уже было указано, далеко не отличаются однородностью, даже при внѣшней одинаковой формулировкѣ. Одно и то же слово имѣетъ различное значеніе, смотря по характеру тѣхъ лицъ, которыя имъ пользуются. Индивидуальныя же различія нашего времени безконечно больше и разнообразнѣе, чѣмъ въ предшествовавшія эпохи, напр., западнаго средневѣковья или у насъ, хотя бы до Петра I. Различіе между высшими по культурѣ и низшими классами достигло максимума. Раньше, напр., въ московскомъ царствѣ бояринъ, помѣщикъ или даже самъ царь по складу своей жизни, духовному облику, вѣрованіямъ и пр. въ сущности мало отличался отъ рядового крестьянина или мѣщанина, члена какой-нибудь «суконной сотни» и т. п. Отношеніе къ религіи было приблизительно одинаковое: то же соблюденіе обрядовъ, постовъ и т. д.; нравственные взгляды, семейный бытъ были организованы на одинаковыхъ приблизительно началахъ. Умственная культура не приводила никакой непереходимой грани между правителями и управляемыми. Многіе бояре, которые сидѣли въ думѣ, «брады свои уставя», были неграмотны или малограмотны, какъ и крестьяне [2]). Даже внѣшній образъ жизни, костюмъ, расположеніе и убранство комнатъ отличались у бояръ только богатствомъ и дороговизной матеріала, но по характеру своему мало отличались отъ крестьянскихъ. Ничего подобнаго, конечно, не было ни въ XVIII, ни въ XIX ст. Разрывъ высшихъ классовъ отъ народа былъ у

[1]) Въ качествѣ организованныхъ членовъ партіи.

[2]) Въ средніе вѣка въ Зап. Европѣ неграмотность также нерѣдко встрѣчалась въ высшихъ классахъ. Даже императоръ германскій Оттонъ I не умѣлъ читать и писать. Карлъ Великій научился этому искусству только подъ конецъ своей жизни.

насъ глубже и полнѣе, чѣмъ въ Зап. Европѣ, такъ какъ цивилизація наша была заимствованной, не вырабатывалась самостоятельно всѣмъ народомъ въ различныхъ его слояхъ, а копировалась съ большими или меньшими измѣненіями съ западныхъ образцовъ, причемъ сами эти копіи приспособливались только къ обиходу интеллигентныхъ классовъ, народъ же оставался при старыхъ формахъ быта. Въ концѣ концовъ, оказалось, что русская интеллигенція въ ея цѣломъ и народъ, за малыми исключеніями, говорятъ на разныхъ языкахъ и съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Понятно, горячее стремленіе интеллигенціи вывести народъ, т.-е., главнымъ образомъ, крестьянство, изъ его замкнутости и умственной отсталости и ввести въ водоворотъ политическаго движенія, но понятно также, что долгое время эти усилія не могутъ давать особенно значительныхъ результатовъ, такъ какъ прочное политическое воспитаніе народа, прививка въ народной средѣ опредѣленныхъ устойчивыхъ идеаловъ и убѣжденій не можетъ быть дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже нѣсколькихъ лѣтъ, а вырабатывается только путемъ долговременной практики и неоднократныхъ кризисовъ и переворотовъ.

Идеологическія построенія, какого бы то ни было порядка (религіозныя, политическія и т. д.), тѣмъ неустойчивѣе и эфемернѣе, чѣмъ меньше они соотвѣтствуютъ или опираются на дѣйствительныя, засвидѣтельствованныя самой жизнью потребности и стремленія массы населенія, изъ кого бы она ни состояла. Этотъ фактъ въ достаточной мѣрѣ выясненъ и подчеркнутъ школой экономическаго матеріализма. Но при этомъ она впала въ противоположную крайность, совершенно отрицая за идеологическими системами всякое значеніе въ смыслѣ вліянія на историческія событія. Весьма трудно подыскать опредѣленныя экономическія основанія къ такому, напр., событію, какъ крестовые походы, не впадая въ очевидную натяжку и тенденціозность. Равно и реформацію не такъ легко свести къ развитію торговаго и ростовщическаго капитализма въ Германіи, обезцѣненію денегъ или чему-нибудь въ этомъ родѣ. Всѣ эти моменты могли имѣть свою долю вліянія, но, во всякомъ случаѣ, весьма ограниченную. Роль экономическаго фактора уже явственнѣе выступаетъ во французской революціи, но и здѣсь извѣстныя философскія и политическія теоріи, во всякомъ случаѣ, мало зависимыя отъ «способа производства», оказывали такое сильное вліяніе на ходъ событій, давали такую опредѣленную окраску характерамъ и лицамъ, что игнорировать ихъ или отводить имъ только второстепенное значеніе — значитъ совершать умышленно историческую ошибку. Но нѣкоторые изъ этихъ теорій и системъ оказались недолговѣчными и несвоевременными, не подходящими къ данному умственному и нравственному уровню массы, другія пустили корни и принялись, такъ какъ соотвѣтствовали болѣе общему настроенію, отчасти создаваемому и экономической обстановкой, но также и факторами иного порядка.

Мы оставимъ на время область отвлеченныхъ разсужденій и познакомимся нѣсколько съ наиболѣе характерными фактами и лицами революціонной эпохи, чтобы получить болѣе опредѣленное представленіе о тѣхъ измѣненіяхъ и превращеніяхъ, которыя вносятся въ коллективную и индивидуальную жизнь революціонными потрясеніями.

IV.

Борьба революціонныхъ партій между собою.—Жирондисты и якобинцы.—Терроръ.—Государственная и религіозная политика якобинцевъ.—Культъ разума и Верховнаго Существа.

Мы остановимся теперь на нѣкоторыхъ событіяхъ и характерахъ великой французской революціи, какъ наиболѣе извѣстной и обыкновенно (хотя и невѣрно) пріурочиваемой къ современнымъ событіямъ въ Россіи. Отъ насъ далека всякая мысль возражать или оспаривать принципы, провозглашенные этой революціей. Въ равной мѣрѣ безспорной представляется и благотворность въ общемъ достигнутыхъ въ ту эпоху результатовъ, какъ, напр., паденіе абсолютизма, полная отмѣна остатковъ феодальнаго режима, демократизація политическихъ учрежденій и пр. Все это факты общеизвѣстные и общепризнанные, хотя несомнѣнно также, что достигнуты они были не столько во время самой революціи, сколько уже спустя извѣстное время, послѣ промежуточной эпохи Цезаризма, реставраціи Бурбоновъ и пр. Революція 1789—93 г.г. была по существу своему буржуазной революціей и могла привести только къ буржуазной республикѣ. Однако, этотъ основной результатъ французской революціи окончательно упрочился и принялъ устойчивую форму только черезъ сто лѣтъ со времени первой республики.

Насъ интересуютъ здѣсь только нѣкоторыя психологическія особенности той эпохи, особенности, характерныя для всякой революціи, приводящей къ совершенному паденію стараго режима и замѣнѣ его новымъ, при общемъ замѣшательствѣ, въ разгарѣ страстной борьбы старыхъ и новыхъ теченій въ обществѣ. Особенно интересны здѣсь борьба партій и шансы каждой изъ нихъ на успѣхъ при обостреніи политическаго положенія, въ періодъ захвата власти, выскользнувшей изъ рукъ прежней власти. До революціи и даже первое время въ учредительномъ и законодательномъ собраніи во Франціи не существовало рѣзко разграниченныхъ между собою опозиціонныхъ партій. Можно сказать, что огромное большинство интеллигенціи (буржуазной) сходилось въ одномъ пунктѣ — ненависти къ старому режиму. Ненависть эта все усиливалась по мѣрѣ разгара борьбы и прогрессивнаго развитія демократическихъ идей. Но здѣсь-то и начали обнаруживаться несогласія и партійныя различія, ранѣе мало замѣтныя; по

мѣрѣ обостренія положенія, онѣ выступили наружу. Обнаружилось различіе не столько принциповъ, которые номинально были болѣе или менѣе общи антимонархическому теченію, сколько степени боеспособности, нравственной рѣшимости довести борьбу до конца, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Особенно характерны постепенное распаденіе и расколъ между жирондистами и якобинцами, вначалѣ дѣйствовавшими вполнѣ солидарно, но затѣмъ обратившимися въ смертельныхъ враговъ, борьба которыхъ могла закончиться только совершеннымъ пораженіемъ и гибелью одного изъ противниковъ.

Жирондисты, какъ и якобинцы, были республиканцами; они выходили изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ естественнаго права и общественнаго договора. Но различіе обнаружилось на почвѣ борьбы за республику. Установившаяся во Франціи 1792 г. республика была въ сущности навязана странѣ энергичнымъ меньшинствомъ [1]), а не являлась исполненіемъ сознательнаго требованія всей націи или даже ея большинства [2]). Это была республика безъ республиканцевъ. Громадное большинство націи устранилось отъ политической жизни: на выборы не являлось три четверти, въ нѣкоторыхъ округахъ не являлось даже девять десятыхъ правоспособныхъ гражданъ. При такомъ положеніи дѣлъ никоимъ образомъ нельзя было быть увѣреннымъ въ прочности новаго государственнаго строя. Между тѣмъ враги его были многочисленны, внутри и внѣ Франціи. Роялисты волновались въ провинціи и открыто возставали въ Вандеѣ и др. мѣстахъ, австрійскія и прусскіе войска перешли французскую границу. Единственнымъ выходомъ изъ такого критическаго положенія было провозглашеніе революціонной диктатуры, т.-е. въ сущности принятіе той же системы абсолютизма, которая существовала и ранѣе, но во имя новыхъ идей и началъ. Въ концѣ концовъ, этотъ республиканскій деспотизмъ оказался даже рѣшительнѣе и безпощаднѣе королевскаго абсолютизма, но таковы были условія борьбы, которыя логически привели къ неизбѣжному результату. Французская республика въ 1792—93 г.г. могла быть спасена только путемъ террора.

Но именно къ этой политикѣ террора или революціонной диктатуры жирондисты и не были способны. Они превосходили своихъ противниковъ—якобинцевъ—гуманностью своихъ воззрѣній, уваженіемъ къ правамъ личности, большей терпимостью и широтой взглядовъ, наконецъ, чтобы все сказать, большей порядочностью и сдержанностью. Жирондисты стояли вообще за легальность, закономѣрность политики и потому были противъ произвола, на которомъ основывалась якобинская система, хотѣли правильныхъ нало-

---

[1]) См. «Исторія Зап. Европы», проф. Н. Карѣева. Т. III, стр. 566 и слѣд.
[2]) Низверженіе монархіи и прозозглашеніе республики было въ сущности дѣломъ парижскаго пролетаріата (революціонной его части). Народъ въ его цѣломъ игралъ пассивную роль.

говъ вмѣсто произвольныхъ конфискацій, требовали судебной процедуры съ гарантіями для обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, вмѣсто революціонныхъ трибуналовъ, указывали на необходимость свободы выборовъ, которой не допускали якобинцы. Жирондисты были противъ преобладанія Парижа въ дѣлѣ управленія страною, настаивая на томъ, что Парижъ (округъ Сены) только одинъ изъ 83 французскихъ департаментовъ. Признавая освященное декларацією правъ право сопротивленія угнетенію, жирондисты стремились все-таки заключить его въ опредѣленныя законныя формы. Понятно, что они были противъ явно незаконныхъ и насильственныхъ мѣръ или просто злодѣйствъ, которыя практиковали якобинцы «для устрашенія роялистовъ», какъ, напр., знаменитыя сентябрьскія убійства (1792), когда были избиты въ Парижѣ, Версали и др. городахъ всѣ арестованные по политическимъ дѣламъ (за сочувствіе монархіи), причемъ погибли многіе, даже и не имѣвшіе никакого отношенія къ политикѣ.

Однако, эта самая умѣренность и широта взглядовъ и погубила жирондистовъ. При нормальномъ теченіи государственной жизни, при наличности правильно организованной администраціи, опираясь на вооруженную силу и на сочувствіе большинства націи, жирондисты несомнѣнно имѣли бы успѣхъ и оказались бы, въ концѣ концовъ, лучшими государственными дѣятелями, чѣмъ якобинцы, съ ихъ необузданнымъ и кровожаднымъ фанатизмомъ. Но Франція, послѣ неожиданнаго паденія монархіи, переживала періодъ анархіи, крайняго разстройства всей государственной системы. Парламентская жизнь существовала въ Конвентѣ лишь наружнымъ образомъ. На дѣлѣ господствовало состояніе войны, хаотическое столкновеніе разнородныхъ элементовъ общества. При такомъ положеніи дѣлъ, побѣда должна была достаться не нравственно щепетильнымъ и разборчивымъ въ средствахъ людямъ, а, наоборотъ,—группѣ лицъ,—хотя и менѣе образованныхъ и талантливыхъ, но зато болѣе рѣшительныхъ, не знающихъ нравственныхъ сомнѣній и колебаній при достиженіи завѣтныхъ идеаловъ. Таковы и были именно якобинцы. Ихъ политическіе идеалы были очень не сложны. Исходя изъ общепризнанныхъ въ то время идей «Contrat social», они въ особенности останавливались на идеѣ государства, родственной античному пониманію городской общины. Такимъ идеальнымъ государствомъ, въ глазахъ якобинцевъ, «была единая и нераздѣльная республика», осуществленію и защитѣ которой они посвящали всѣ свои помыслы и всю свою жизнь. Идея народнаго самодержавія обращалась, при якобинской системѣ, въ идею отвлеченнаго государственнаго суверенитета, мало отличающагося отъ просвѣщеннаго абсолютизма той же эпохи. Якобинцевъ нисколько не смущало то обстоятельство, что они вовсе не являются выразителями всенародной воли, и что за нихъ подаетъ голоса лишь слабое меньшинство населенія. Они противопоставляли этому факту свою теорію удѣльнаго вѣса голосовъ, утверждая, что голосъ патріота-монтаньяра

долженъ перевѣшивать сто тысячъ голосовъ «бриссотинцевъ» (жирондистовъ) и тѣмъ болѣе какихъ-либо конституціоналистовъ или роялистовъ.

Якобинцы взяли верхъ надъ жирондистами и всѣми другими умѣренными партіями не вслѣдствіе перевѣса въ численности и всеобщаго сочувствія къ нимъ населенія. Наоборотъ, какъ число самихъ якобинцевъ, такъ и поданныхъ за нихъ при выборахъ голосовъ (если только выборы не происходили подъ прямымъ давленіемъ и угрозами) составляетъ лишь незначительное меньшинство. По вычисленіямъ Малуэ, Грегуара и Шинье якобинцевъ во всей Франціи было отъ 300 до 400000 на приблизительно 6 милліоновъ избирателей, т.-е. менѣе 10% правоспособныхъ гражданъ. Однакоже, они управляли страной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Какимъ образомъ могло это произойти? Разгадка заключается именно въ фанатической вѣрѣ якобинцевъ въ свои принципы. Вѣра, какъ извѣстно, всегда, двигаетъ горами, будетъ-ли то вѣра въ Іегову, Аллаха, таинство Евхаристіи или вѣра въ народный суверенитетъ. Сомнѣніе, неувѣренность въ своей правотѣ, въ истинѣ своихъ знаній есть источникъ нерѣшительности и, слѣдовательно, слабости. Человѣкъ самоувѣренный, въ чемъ бы ни заключались его убѣжденія, всегда импонируетъ массѣ, обыкновенно не отличающейся твердостью и ясностью своихъ мнѣній. Затѣмъ, якобинцы, въ противоположность другимъ партіямъ и особенно жирондистамъ, отличались строгой партійной дисциплиной, что было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ принципіальной сплоченности и стѣсненія индивидуальной иниціативы. Всякая новая религія (каковы бы ни были ея догматы) не допускаетъ ереси и вольнодумства среди вѣрующихъ. Организація якобинской партіи была образцовой: ихъ парижскій клубъ былъ центральнымъ правительствомъ для сотенъ подобныхъ же клубовъ въ провинціальныхъ городахъ, и резолюціи центральнаго органа немедленно приводились въ исполненіе всѣми мѣстными организаціями. У якобинцевъ однихъ въ рукахъ была своего рода инсуррекціонная армія, организованный ими пролетаріатъ (преимущественно въ Парижѣ), которымъ они и пользовались для низверженія своихъ противниковъ. Хотя въ ту эпоху идеи соціализма были мало извѣстны, и якобинцы могутъ быть названы только политическими радикалами, а не соціалистами, но все же сочувствіе городского пролетаріата было на ихъ сторонѣ. Это давало имъ большое преимущество въ политической борьбѣ, такъ какъ, хотя городской пролетаріатъ въ то время былъ малочисленъ и самый составъ его, при слабомъ еще развитіи крупной индустріи, былъ пестрый и даже случайный, но все-таки это былъ наиболѣе дѣятельный и наиболѣе революціонизированный классъ населенія. Другіе же классы, и въ особенности многочисленное, но невѣжественное крестьянство, по политической неопытности или равнодушію къ общественнымъ дѣламъ, оставались пассивными или только мало участвующими зрителями разыгравшейся на ихъ глазахъ грандіозной исторической драмы.

Такимъ образомъ, непоколебимая вѣра въ абсолютную непогрѣшимость ихъ политическихъ идеаловъ, воля, напряженная до крайнихъ предѣловъ и переходящая въ полумистическій фанатизмъ, стремленіе къ побѣдѣ, во что бы то ни стало, и неразборчивость средствъ въ достиженіи побѣды — вотъ что гарантировало успѣхъ дѣлу якобинцевъ въ ихъ борьбѣ за власть съ жирондистами и другими партіями. Эти условія успѣха являются общими для всякой партіи, не располагающей абсолютнымъ большинствомъ населенія, въ эпоху анархическаго состоянія общества, когда старое правительство болѣе не существуетъ, а новое еще не успѣло сорганизоваться и упрочиться. Тактика якобинцевъ можетъ быть усвоена и проведена въ случаѣ внезапнаго соціальнаго переворота и въ нашу эпоху какою-либо изъ революціонныхъ партій, если не въ Зап. Европѣ, гдѣ психологія народныхъ массъ отклонилась въ сторону отъ «святого насилія» (выраженіе Маблп), то у насъ, въ Россіи, гдѣ принципъ «сила создаетъ право» или «въ борьбѣ обрѣтешь ты свое право» можетъ разсчитывать на большее число энергичныхъ и беззавѣтно преданныхъ приверженцевъ. Конечно, мы не дѣлаемъ никакихъ предсказаній, а высказываемъ только извѣстныя предположенія, которыя легко могутъ быть и ошибочными. Но, во всякомъ случаѣ, при аналогичномъ общественномъ состояніи происходятъ или могутъ произойти и аналогичныя общественныя явленія. Условія возникновенія революціоннаго террора во Франціи XVIII в. были: паденіе абсолютной монархіи, дезорганизація управленія страной, одновременное возникновеніе внѣшней опасности и анархическаго броженія внутри государства, политическая неопытность массъ, отсутствіе долговременныхъ и прочно организованныхъ союзовъ и партій за исключеніемъ только одной. Эти условія могутъ повториться и въ другой странѣ [1]).

Правда, въ самой Франціи условія 1793 г. болѣе не повторялись, хотя страна и пережила нѣсколько революцій съ тѣхъ поръ. Однако же, повтореніе смутнаго времени избѣгалось обыкновенно только путемъ заблаговременныхъ и притомъ достаточно жестокихъ предупрежденій и репрессій со стороны партіи, такъ или иначе завладѣвшей властью. Такъ, въ 1848 г. буржуазія, отнявшая власть у іюльской монархіи, удержала ее за собою только путемъ кроваваго подавленія іюньскаго возстанія рабочихъ. Равнымъ образомъ, та же буржуазія въ 1871 г. поспѣшила самымъ безпощаднымъ образомъ расправиться съ парижской коммуной. Если бы этого не случилось, то, вѣроятно, Франція превратилась бы въ федеративную республику, которая, можетъ быть, открыла бы новую эру въ человѣческой исторіи, но,

---

[1]) Въ настоящее время Россія находится подъ гнетомъ реакціи, которая можетъ на извѣстное время заглушить революціонное движеніе. Но «будущность темна, какъ ночь», и въ этой ночи скрыты различныя возможности и неожиданности.

скорѣе всего, была бы все-таки подавлена реакціоннымъ движеніемъ, какъ это случилось вскорѣ затѣмъ въ Испаніи.

Возвращаясь къ революціонной эпохѣ XVIII в., какъ наиболѣе характерной и давшей наиболѣе пышный расцвѣтъ революціонныхъ положеній и конфликтовъ, мы не можемъ, конечно, пройти молчаніемъ знаменитой эпохи террора. Не то, чтобы мы имѣли своей задачей рисовать «ужасы революціи» и вздыхать по случаю совершенныхъ въ то время жестокостей. Мы не преслѣдуемъ никакой тенденціи, не желаемъ никого оправдывать и никого не намѣреваемся обвинять. Мы признаемъ, что абсолютная монархія должна была пасть, и хорошо, что она пала. Грѣхи ея и преступленія передъ народомъ были велики, и она за нихъ поплатилась — «въ мѣру или свыше мѣры содѣяннаго» — опредѣлить трудно, да и не въ этомъ дѣло. Историческіе факты и дѣятели сами по себѣ не суть предметы нашего восторга или осужденія, безусловнаго преклоненія или безусловнаго отрицанія, — такое отношеніе къ исторіи обнаруживаетъ только наивную вѣру и наивное представленіе о характерѣ дѣятелей прошлаго, какъ-будто одни изъ нихъ «жестокіе и кровожадные тираны», другіе же «пламенные и доблестные герои» безъ страха и безъ упрека. Ко временамъ, столь давно минувшимъ, возможно спокойное, безпристрастное отношеніе. Однако, до сихъ поръ партійные взгляды на эпоху великой революціи сказываются въ большинствѣ изслѣдованій по этому періоду. Если Тэнъ тенденціозно подбираетъ факты въ обличеніе и укоръ ея дѣятелей, то не менѣе тенденціозно Луи Бланъ, напр., или Жорэсъ стремятся оправдать или затушевать всѣ ихъ промахи и насилія. Понятно, что и тотъ и другой пріемъ одинаково невѣренъ и одинаково долженъ привести къ одностороннимъ и несогласнымъ съ дѣйствительностью выводамъ.

Съ своей стороны, мы не претендуемъ дать сколько-нибудь полную характеристику или психологическій анализъ революціоннаго періода; это потребовало бы совершенно спеціальнаго и обширнаго изслѣдованія. Ограничимся только самымъ бѣглымъ обзоромъ общеизвѣстныхъ событій террора [1]), чтобы выяснить самыя его выдающіяся черты, которыя можно назвать типичными и которыя могутъ отчасти повториться (хотя и въ другой формѣ и при другой обстановкѣ) и во время другихъ революцій. Мы уже знаемъ характеристику жирондистовъ и якобинцевъ и условія побѣды послѣднихъ. Надо замѣтить, однако, что борьба велась долго и упорно. Жирондисты засѣдали вмѣстѣ съ монтаньярами въ Конвентѣ съ сентября 1792 по іюнь 1793 г., т.-е., въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ. Они пали вслѣдствіе искусно подстроеннаго якобы народнаго возстанія въ Парижѣ (собственно

---

[1]) Дальнѣйшее изложеніе революціонныхъ событій мы заимствуемъ, главнымъ образомъ, изъ «Всеобщей Исторіи» Лависса и Рамбо, т. VIII, обработанной относительно революціи извѣстнымъ историкомъ Оляромъ.

революціоннаго пролетаріата, организованнаго якобинцами). Этотъ маневръ давленія на Конвентъ посредствомъ «галлерей», публики, собиравшейся на засѣданія собранія представителей, практиковался неуклонно въ теченіе всей революціи и всегда давалъ благопріятные результаты для крайнихъ лѣвыхъ, которые стояли въ тѣсной связи съ парижскимъ пролетаріатомъ (парижской коммуной). Процессъ жирондистовъ былъ верхомъ беззаконія и грубаго произвола, едва прикрытаго внѣшними формами судебнаго церемонiала. Формулированныя противъ нихъ обвиненія были самыя непредѣленныя и бездоказательныя. Веденіе процесса вначалѣ затянулось, въ теченіе шести дней было выслушано только 9 свидѣтелей; якобинцамъ показалось, что общественное мнѣніе начинаетъ колебаться. Клубъ ихъ потребовалъ отъ Конвента, «чтобы судъ былъ освобожденъ отъ формъ, подавляющихъ совѣсть и затрудняющихъ образованіе внутренняго убѣжденія»., т.-е, главнымъ образомъ, чтобы Верньо и другіе обвиняемые (ораторскихъ талантовъ которыхъ опасались) были лишены возможности защиты. Конвентъ согласился выдать декретъ, дозволявшій президенту революціоннаго трибунала, послѣ трехъ дней судебнаго разбирательства, предложить присяжнымъ вопросъ: не достаточно ли они освѣдомлены по дѣлу? Дѣйствительно, прежде чѣмъ обвиняемые начали свои защитительныя рѣчи, присяжные объявили, что больше не нуждаются ни въ какихъ объясненіяхъ, и признали доказаннымъ обвиненіе въ «заговорѣ противъ единства и нераздѣльности республики, а также противъ блага и безопасности французскаго народа». Смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на слѣдующій же день послѣ его постановленія. Но незаконность этого приговора была далеко превзойдена послѣдующими казнями. Такъ, напр., Байльи и Барнавъ были казнены черезъ мѣсяцъ послѣ жирондистовъ за «политическія преступленія», совершенныя ими до изданія закона, по которому они были привлечены къ суду.

Вообще, система террора, принятая якобинцами, проводилась ими съ непоколебимой послѣдовательностью и безъ неумѣстныхъ сожалѣній или сомнѣній. Принципъ безпощадной борьбы съ врагами, кто бы они ни были, и каковы бы ни были ихъ цѣли, былъ ими вполнѣ усвоенъ и примѣнялся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ, напр., городъ Ліонъ возсталъ (отчасти въ защиту жирондистовъ). Послѣ подавленія его возстанія Конвентъ 12 октября 1793 г. издалъ такой декретъ: «Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ. Всѣ зданія, служившія помѣщеніемъ для богатыхъ, будутъ снесены. Останутся въ цѣлости, только дома бѣдныхъ, жилища убитыхъ или изгнанныхъ (возставшими) патріотовъ, зданія, спеціально предназначенныя для промышленныхъ цѣлей, а также посвященныя благотворительности (Hôpitaux) и народному образованію. Имя Ліона будетъ вычеркнуто изъ списка городовъ республики. Группа неразрушенныхъ домовъ отнынѣ будетъ называться Ville-Affranchie». Къ счастью, этотъ грозный приказъ не былъ приведенъ въ исполненіе, были разрушены только нѣкоторые дома. Зато

сотни повстанцевъ были разстрѣлены безъ всякаго суда. Съ неменьшей жестокостью было подавлено возстаніе въ Вандеѣ и Тулонѣ. Въ Нантѣ свирѣпый Каррье разстрѣливалъ и топилъ въ Луарѣ (знаменитыя «наяды») тысячи людей по простому подозрѣнію, безъ тѣни какихъ-либо доказательствъ. Одной изъ самыхъ страшныхъ мѣръ террора было изданіе (17 сент. 1793 г.) закона о «подозрительныхъ»; по этому закону во всей Франціи подлежали аресту лица, «которыя по своему поведенію или по характеру ихъ знакомствъ или по ихъ рѣчамъ или писаніямъ выказываютъ себя сторонниками тиранніи (монархіи) или федерализма и врагами свободы». Примѣненіе этого неопредѣленнаго закона, составленіе списковъ подозрительныхъ лицъ и производство арестовъ было возложено на мѣстные комитеты «наблюденія» или революціонные комитеты. Конечно, о какой-либо свободѣ собраній, слова, печати, вѣроисповѣданія въ эпоху террора не могло быть и рѣчи.

Но эта система постояннаго террора, взаимнаго подозрѣнія и недовѣрія, выслѣживанія несогласно мыслящихъ и не сочувствующихъ якобинскому режиму, въ концѣ концовъ, обрушилась на голову самого Конвента. Большинство его членовъ, такъ называемая «равнина» или «болото», не принадлежавшіе къ опредѣленной партіи (центръ), были до крайности обезличены и запуганы терроромъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный аббатъ Сійэсъ, не мало послужившій дѣлу революціи въ ея первый періодъ, въ Конвентѣ не проронилъ ни слова и только вотировалъ вмѣстѣ съ большинствомъ. На вопросъ, заданный ему впослѣдствіи, что же онъ дѣлалъ во время террора, Сійэсъ лаконически отвѣтилъ: «я жилъ», давая тѣмъ понять, что въ такую страшную эпоху можно было только заботиться о сохраненіи своей жизни, а не о защитѣ своихъ убѣжденій или оспариваніи принциповъ господствующей партіи. Такая деморализація большинства членовъ Конвента приводила къ тому, что распорядителями судебъ Франціи оказывались въ сущности нѣсколько человѣкъ, и борьба между ними за власть пріобрѣтала характеръ личныхъ столкновеній, а не борьбы принциповъ или классовъ. И сами партіи, еще существовавшія въ Конвентѣ послѣ паденія жирондистовъ, эбертисты, дантонисты, робеспьеристы, носятъ уже свое названіе по имени своего главы, подчеркивая тѣмъ значеніе личнаго начала въ ихъ организаціи, а не то или иное идейное содержаніе.

Первыми изъ террористовъ пали эбертисты. Ихъ судебный процессъ, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ судъ надъ жирондистами, былъ пародіей судебнаго разбирательства. Обвинительный актъ взводилъ на эбертистовъ обвиненіе въ заговорѣ съ цѣлью произвести голодовку въ Парижѣ и установить тираническій образъ правленія, послѣ поголовнаго избіенія членовъ Конвента. Однако, во время самаго процесса, объ этихъ обвинительныхъ пунктахъ почти не было рѣчи. Свидѣтели давали показанія только относительно безнравственности для политической неблагонадежности обви-

няемыхъ (съ якобинской точки зрѣнія). Эбера, между прочимъ, обвиняли за напечатаніе въ его газетѣ («Père Duchesne») воззваній къ возстанію. Но въ то время, когда были напечатаны инкриминируемыя мѣста, «Père Duchesne» былъ полуоффиціознымъ органомъ якобинскаго правительства, которое выдавало ему субсидію и покупало отдѣльные нумера для разсылки въ армію. Несмотря, однако, на такую «убѣдительность и обоснованность» обвиненія, присяжные, черезъ 4 дня, объявили себя достаточно освѣдомленными и, не выслушавъ рѣчей защитниковъ, приговорили къ смертной казни всѣхъ обвиняемыхъ.

За эбертистами послѣдовали дантонисты. Противъ нихъ выставить какое-либо обвиненіе даже съ точки зрѣнія самаго яркаго радикализма было очень трудно. Дантонъ низвергъ монархію 10 августа 1792 г., организовалъ національную оборону противъ пруссаковъ; это былъ безспорно самый талантливый изъ якобинцевъ. Ничто не помогло. Террористское безуміе овладѣло якобинцами и больше всѣхъ Робеспьеромъ, о которомъ мы поговоримъ особо. Дантонистовъ обвиняли въ «заговорѣ съ цѣлью возстановить монархію (!), уничтожить народное представительство и отмѣнить республиканскій режимъ». Это было какое-то наглое издѣвательство надъ правосудіемъ, хотя бы и революціоннымъ. По обыкновенію, приговоръ хотѣли постановить, не выслушавъ защитительной рѣчи обвиняемыхъ. Но Дантонъ заставилъ себя выслушать, и его энергичная рѣчь, его импозантная фигура произвели впечатлѣніе на аудиторію. Онъ требовалъ вызова свидѣтелей для своей защиты, и судъ не зналъ, какъ ему отказать. Тогда Сенъ-Жюстъ убѣдилъ Конвентъ, что обвиняемые оказываютъ явное сопротивленіе власти; было постановлено, что судъ можетъ удалить ихъ изъ зала засѣданія. Присяжные долго, однако, колебались признать виновность подсудимыхъ и сдѣлали это только подъ давленіемъ членовъ Комитета общественнаго спасенія. Обвиняемые гнѣвно протестовали и были удалены изъ залы засѣданія; смертный приговоръ былъ объявленъ въ ихъ отсутствіи и приведенъ немедленно въ исполненіе.

Казалось бы, трудно идти дальше по пути истребленія политическихъ противниковъ, но и дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ такъ называемымъ закономъ 22 преріаля (10 іюня) 1794 г. Этотъ законъ устанавливалъ еще болѣе ужасную простоту революціоннаго трибунала: обвиняемые въ политическихъ преступленіяхъ лишались права имѣть защитниковъ, вызовъ и допросъ свидѣтелей объявлялся излишнимъ, матеріальныя доказательства замѣнялись «моральными», т.-е. просто личнымъ усмотрѣніемъ судей; объявлялась смертная казнь за всякую оппозицію правительству; Комитету общественнаго спасенія предоставлялось право привлекать къ суду членовъ Конвента, помимо согласія самого Конвента. Конвентъ былъ пораженъ ужасомъ, однакоже, изъ страха передъ Робеспьеромъ вотировалъ законъ, направленный на его собственную голову. Гильотина заработала во-всю. Въ

Парижѣ за 13 мѣсяцевъ до 22 прэріаля было 1220 казней, послѣ 22 прэріаля, въ теченіе 49 дней (до паденія Робеспьера)—1376 или, по разсчету на 1 день, въ первый періодъ—3 казни, во второй—28 казней ежедневно. Это только въ одномъ Парижѣ. Общее число казненныхъ по всей Франціи за время революціи или даже одного террора до сихъ поръ точно не установлено, такъ какъ не имѣется достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ. Гильотинировано было всего около 17000, помимо разстрѣлянныхъ, утопленныхъ или иначе лишенныхъ жизни во время подавленія возстаній, безъ слѣдствія и суда. Относительно 12000 гильотинированныхъ имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Замѣчательно то, что большинство изъ нихъ не принадлежало къ привилегированнымъ классамъ: 7545, т.-е. значительно болѣе половины (около 63%), составляли крестьяне, земледѣльцы, рабочіе, мелкіе лавочники, солдаты, прислуга и пр. [1]). Терроръ обрушивался не только на верхи общества, но и на низы, если тамъ оказывались «подозрительные» элементы. Но сравнительно съ ихъ численностью (5 или 6% общаго населенія) высшіе классы пострадали несравненно больше низшихъ. Между прочимъ, пострадалъ жестоко и самъ Конвентъ: изъ 782 его членовъ за три года 76 были казнены или убиты, 9 погибло на войнѣ, 4 взяты въ плѣнъ, 126 заключены въ тюрьму. Изъ 76 лицъ, бывшихъ президентами на засѣданіяхъ Конвента, 18 были гильотинированы, 8 сосланы въ Гвіану или др. мѣста, 22 объявлены внѣ закона, 6 заключены въ тюрьму, 3 покончили самоубійствомъ, 4 сошли съ ума [2]). Слѣдовательно, только 15 изъ 76 или 1 изъ пяти остались невредимы и свободны отъ преслѣдованія. Эти немногія цифры лучше пространныхъ описаній рисуютъ намъ ту необычайно тяжелую атмосферу, ту трагическую обстановку, въ которой приходилось работать революціонному правительству.

Понятно, что такой режимъ не могъ быть сколько-нибудь долговѣчнымъ. И это тѣмъ болѣе, что къ половинѣ 1794 г. миновали и тѣ причины, которыя вызвали господства террора, именно внутреннія возстанія и гроза непріятельскаго нашествія. Возстаніе Вандеи, Ліона и др. было подавлено; на границѣ французская армія, послѣ временныхъ неудачъ, не только отразила нашествіе непріятеля, но, перенесши войну на его территорію, вела уже завоевательную кампанію, присоединила Ниццу, Савойю, лѣвый берегъ Рейна и Бельгію. При такомъ положеніи дѣлъ никакъ уже нельзя было объявить «отечество въ опасности» и поддерживать терроръ, опираясь на традиціонный патріотизмъ французовъ. Робеспьеръ это хорошо понималъ и потому всячески убѣждалъ Барера (докладчика Комитета общ. спасенія въ Конвентѣ) не муссировать успѣхи арміи въ докладахъ Конвенту. Онъ предвидѣлъ въ будущемъ возможность военной диктатуры. «Побѣды,—говорилъ

[1]) Berryat Saint-Prix, «La Justice revolutionnaire».
[2]) H. Taine, «La Revolution», t. III, p. 223.

Бареръ въ своихъ мемуарахъ, преслѣдовали Робеспьера, какъ фурію». Политика Робеспьера лишалась своего смысла, и онъ долженъ былъ пасть. Отсутствіе въ немъ настоящаго политическаго таланта не позволила ему во-время предупредить опасность крутымъ поворотомъ своей тактики въ смыслѣ отмѣны террора. Напротивъ того, наканунѣ 9 термидора, за день до смерти, онъ еще, по своему обыкновенію произносилъ неопредѣленныя, но страшныя по своей неопредѣленности угрозы противъ своихъ враговъ. Мы еще вернемся къ этому интересному моменту впослѣдствіи, теперь отмѣтимъ еще одну сторону дѣятельности террористовъ.

Весьма интересна политика Конвента по религіозному вопросу; она лучше всего характеризуетъ необыкновенную теоретичность главныхъ революціонныхъ дѣятелей и ихъ явное нежеланіе считаться съ фактами дѣйствительности, съ дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ настроеніемъ массъ. Уже тотчасъ послѣ паденія монархіи республиканское правительство стало въ явно враждебныя отношенія къ католической церкви. Партія открытыхъ атеистовъ—Эберъ, Шометтъ, Фуше, Пашъ и др.—всячески агитировала въ пользу «дехристіанизаціи» Франціи и уничтоженія католичества. Мало-по-малу, эбертисткое движеніе охватило весь Конвентъ. 6 октября 1793 г. былъ отмѣненъ христіанскій календарь и замѣненъ республиканскимъ. Празднованіе воскресенья и друг. праздниковъ было отмѣнено, и вмѣсто нихъ введены декады (десятые дни) и воспоминанія революціонныхъ событій. Парижскій епископъ Гобель, по предварительному уговору съ Шометтомъ и др., торжественно отрекся въ засѣданіи Конвента отъ католичества и сложилъ съ себя свое званіе при всеобщихъ привѣтствіяхъ якобинцевъ. Наконецъ, 20 «брюмера» (въ ноябрѣ) былъ установленъ культъ разума при торжественныхъ церемоніяхъ въ соборѣ Notre Dame. Оперная актриса въ бѣломъ платьѣ, голубомъ плащѣ и красномъ колпакѣ олицетворяла собою Свободу. Сидя въ зелени «на мѣстѣ бывшей (ci-devant) Святой Дѣвы», она принимала знаки поклоненія отъ республиканцевъ. Затѣмъ ее отнесли на рукахъ въ Конвентъ, гдѣ Шометтъ произнесъ рѣчь. Привѣтствуя паденіе фанатизма, онъ, между прочимъ, сказалъ: «одно пожеланіе одинъ крикъ раздается отовсюду. Народъ говоритъ: не надо болѣе священниковъ, не надо другихъ боговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ намъ даетъ Природа. Мы, исполнители его воли, воспріяли это народное пожеланіе и принесли его вамъ изъ храма Разума». Онъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы соборъ Notre Dame былъ посвященъ культу Разума и Свободы. Собраніе представителей привѣтствуетъ побѣду разума надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ, а президентъ и секретари братски цѣлуются съ богиней Свободы «среди аплодисментовъ».

Сцены подобнаго же характера произошли и въ провинціи, гдѣ эбертисты не дремали. Церкви повсюду были обращены въ храмы Разума или въ провіантные склады. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колокольни, «превышеніе

которыхъ надъ прочими зданіями противорѣчитъ принципамъ равенства», были разрушены. Церковная утварь, реликвіи и другіе предметы католическаго культа сожжены или перелиты. 23 ноября Шометтъ издалъ отъ имени парижской городской коммуны такой приказъ: 1) «всѣ церкви или храмы всякихъ религій и культовъ, существовавшіе до сего времени въ Парижѣ немедленно закрываются; 2) всѣ священники или служители какого бы то ни было вѣроисповѣданія отвѣчаютъ лично за всякіе безпорядки, возникающіе по религіознымъ мотивамъ; 3) лица, требующія открытія церкви или храма, подвергаются аресту, какъ подозрительныя». Этотъ приказъ былъ немедленно обращенъ къ исполненію. Отправленіе христіанской службы на время прекратилось въ Парижѣ и въ значительной части Франціи.

Однако, Робеспьеръ (и Дантонъ) былъ противъ атеизма эбертистовъ, которые за этотъ свой атеизмъ, въ концѣ концовъ, и поплатились жизнью. Были казнены не только самъ Эберъ, Шометтъ и другіе, но и свободомыслящій епископъ Гобель. Несчастный оправдывался на судѣ тѣмъ, что онъ отрекся отъ своей вѣры и званія по желанію секцій (муниципальныхъ участковъ), но предсѣдатель суда замѣтилъ ему на это, что никто не имѣетъ права вводить новшества въ дѣлѣ религіи безъ надлежащаго разрѣшенія властей. Но и Робеспьеръ вовсе не имѣлъ въ виду возстановить христіанство; ему хотѣлось только замѣнить атеистическій культъ Разума — деистическимъ поклоненіемъ Верховному Существу. Эта новая государственная религія была провозглашена и декретирована Конвентомъ 7 мая 1794 г., тоже съ различными торжественными церемоніями. Догматика новой религіи состояла изъ одной только статьи: «Народъ французскій признаетъ существованіе Верховнаго Существа и безсмертіе души». Правила нравственности заключаются также въ одной статьѣ [1]): «Народъ французскій поставляетъ въ число своихъ обязанностей — ненависть къ недобросовѣстности и тираніи, наказаніе тирановъ и предателей, помощь несчастнымъ, уваженіе къ слабымъ, защиту угнетенныхъ, оказаніе другимъ всевозможнаго добра и соблюденіе справедливости ко всѣмъ безразлично». Въ этомъ догматѣ робеспьеровской морали очень характерно поставленіе на первомъ мѣстѣ «ненависти къ тираніи и наказанія тирановъ» и только затѣмъ уже помощи, уваженія, защиты и другихъ гражданскихъ добродѣтелей. Если бы эта мораль новаго религіознаго культа серьезно привилась во Франціи, то она легко могла бы принять форму политико-религіознаго фанатизма, въ родѣ секты ассассиновъ, о которой мы говорили выше. Но культъ Верховнаго Существа не долго продержался послѣ смерти своего духовнаго главы, и уже въ 1795 г. была болѣе или менѣе возстановлена свобода вѣроисповѣданія, т.-е. для всей почти Франціи свобода отправленія католическаго богослуженія.

---

[1]) Histoire générale, Lavisse et Rambaud, t. VIII, p. 520.

Религіозная политика якобинцевъ была безусловно колоссальной ошибкой съ ихъ стороны, повредившей имъ, вѣроятно, больше даже, чѣмъ ихъ деспотизмъ и терроръ въ администраціи и государственной политикѣ. Тамъ абсолютизмъ ихъ власти оправдывался чрезвычайными обстоятельствами, нахожденіемъ «отечества въ опасности» и т. д. Но въ области религіозныхъ вѣрованій никакой опасности республикѣ не угрожало; при извѣстномъ тактѣ и умѣніи приноравляться къ обстоятельствамъ можно легко было обойтись безъ гоненій на католичество и комичныхъ культовъ разума и пр. Самъ по себѣ республиканскій образъ правленія не требовалъ непремѣнно отмѣны католичества [1]), тѣмъ болѣе, что въ то время несомнѣнно все крестьянство было глубоко привязано къ католицизму, и рѣзко нарушать его религіозное чувство было болѣе чѣмъ легкомысленно. Возстаніе въ Вандеѣ и вспыхнуло первоначально на религіозной почвѣ. Да и позже крайности якобинской антирелигіозности дали слишкомъ острое оружіе въ руки врагамъ республики, чтобы можно было надѣяться на прочное сочувствіе большинства населенія республиканскому режиму. Дѣло, конечно, не въ абсолютной истинѣ католичества или какой бы то ни было другой религіи, но въ томъ значеніи, въ томъ ореолѣ святости, который ихъ окружаетъ въ глазахъ массы, и который нельзя моментально разрушить нѣсколькими антирелигіозными декретами и церемоніями. Для этого требуется долгая работа постепеннаго умственнаго развитія массы, развитія, которое дастъ ей возможность самостоятельной оцѣнки и критики религіозныхъ ученій. Якобинцы въ этомъ отношеніи совершенно не считались съ психологіей массы, и это ихъ неосмотрительное увлеченіе теоретическими тезисами несомнѣнно пагубно отразилось на ихъ политикѣ и должно было повлечь за собою ихъ паденіе. Можно замѣтить, что ошибка первыхъ французскихъ республиканцевъ не прошла даромъ для революціонеровъ позднѣйшаго времени; въ революціонныхъ движеніяхъ XIX в. религіозный вопросъ обыкновенно совершенно игнорируется или оставляется намѣренно въ тѣни. Въ то же время произошелъ постепенный упадокъ религіознаго чувства въ народныхъ массахъ Зап. Европы, такъ что въ наши дни и крайніе революціонеры мало обращаютъ вниманія на эту сторону народной психики, занимаясь преимущественно разработкой экономическихъ и отчасти политическихъ вопросовъ. Однако, въ странахъ малокультурныхъ, какъ, напр., Россія, гдѣ религіозное сознаніе народа развито еще очень слабо, вопросъ объ отношеніи политики къ религіи можетъ получить довольно серьезное значеніе и повести къ разнаго рода осложненіямъ въ виду разнородности вѣроисповѣданій въ имперіи. Отчасти этотъ вопросъ и

[1]) Англійская республика XVII в., въ противоположность французской, находила себѣ поддержку въ религіозномъ чувствѣ пуританъ и другихъ диссидентовъ.

поднятъ; мы имѣемъ своихъ санъ-федистовъ и кальдераріевъ, о которыхъ мы упомянули выше.

Разсказывая здѣсь о деспотизмѣ и антирелигіозномъ фанатизмѣ якобинцевъ, мы снова должны заявить, что не имѣемъ вовсе въ виду какимъ-нибудь образомъ очернить или бросить тѣнь на самую идею революціи, на тѣ принципы, изъ-за которыхъ она была совершена, какъ не имѣемъ въ виду и защищать монархическій абсолютизмъ, противопоставляя ему революціонную диктатуру. «Бездна призываетъ бездну», красный терроръ или бѣлый терроръ равны между собою по ихъ моральной цѣнности. Красный терроръ имѣетъ, впрочемъ, за собою то преимущество въ глазахъ массы, что онъ, по крайней мѣрѣ, сулитъ лучшее будущее. Кровь льется теперь, но это только искупительная жертва, изъ этой крови вырастутъ въ будущемъ роскошные цвѣты народнаго счастья. Надежды эти могутъ быть обманчивы, но онѣ все-таки скрашиваютъ, оправдываютъ для многихъ дѣла насилія и жестокости. «Бѣлый» терроръ не имѣетъ за собою этихъ радужныхъ перспективъ будущей гармоніи и счастья. Онъ ничего не обѣщаетъ и ничего не говоритъ въ свое оправданіе. Онъ защищаетъ прошедшее противъ настоящаго и будущаго, защищаетъ озлобленно-тупо, встрѣчая повсюду осужденіе и отвращеніе. Мы всѣ это хорошо знаемъ, мы болѣе всего знакомы именно съ бѣлымъ террористомъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ; поэтому у насъ создался своего рода культъ революціи, преклоненіе предъ ея героями; намъ кажется дѣломъ дурного сердца или консервативнаго раздраженія отзываться критически о дѣятеляхъ революціи, подвергать осужденію хотя бы и французскихъ террористовъ. Они губили себя и другихъ во имя великой идеи народной свободы, освобожденія народа отъ абсолютной монархіи и феодальнаго дворянства. Этой широкой идеей, какъ покровомъ свѣтлаго божества, покрываются всѣ ихъ отдѣльныя увлеченія, ошибки, преступленія. Только великіе духомъ, только подвижники и герои могутъ судить борцовъ за народную свободу.

Такъ или приблизительно такъ принято отзываться о революціи и ея людяхъ, и въ этомъ настроеніи звучитъ отголосокъ тѣхъ идеальныхъ порывовъ къ справедливости, къ всеобщей гармоніи, къ всеобщему счастью, которые несомнѣнно одушевляли многихъ революціонеровъ и витали неясными, но свѣтлыми и заманчивыми призраками надъ ихъ головами. Но и разумъ человѣческій имѣетъ свои и притомъ весьма обширныя права. Нѣтъ передъ нимъ недоступнаго авторитета, неприкосновенной и неприкосновенной святыни. Ничто не можетъ укрыться отъ анализа человѣческаго разума подъ предлогомъ святости, политической или соціальной цѣнности, нравственнаго авторитета и пр. Всѣ эти аттрибуты божественнаго или человѣческаго величія и непререкаемости не могутъ быть приняты разумомъ на вѣру, безъ критики, и подлежатъ признанію только послѣ безпристрастнаго, непредвзятаго разсмотрѣнія и обсужденія. Вотъ тѣ соображенія, которыя

дают**ъ** смѣлость критически отнестись къ святынѣ революціи, какъ раньше тому же процессу анализа подвергались ореолъ религіи и «самоцвѣтная» корона монархіи. При этомъ мы не имѣемъ здѣсь въ виду вступать въ критику самихъ принциповъ великой революціи. Теперь эти принципы уже überwundener Standpunkt (пройденная точка зрѣнія). Въ наше время господствуютъ иные боги, на алтарь которыхъ возлагаются обильныя жертвы, возлагаются и еще въ большемъ количествѣ будутъ возложены. Насъ эта идейная сторона дѣла въ сущности не такъ сильно интересуетъ. Идеи суть наши представленія, умственные образы или отвлеченныя схемы, всегда наполовину иллюзіи или аберраціи. Болѣе интересны живые люди, ихъ страсти, страданія и радости. Къ нимъ мы присмотримся теперь поближе.

V.

Примѣры революціонныхъ характеровъ.—Люди идеи: Робеспьеръ.—Люди безпринципные: Фуше, Бареръ.—Значеніе личнаго начала въ партійной борьбѣ.—Взглядъ на политическое положеніе современной Европы.

Каковы бы ни были идеи, исповѣдуемыя людьми, приложеніе этихъ идей къ жизни, самая судьба ихъ, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ характера тѣхъ людей, которые этимъ идеямъ служатъ. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Христіанскія идеи добра, милосердія и кротости формально исповѣдывались и Торквемадой и Игнатіемъ Лойолой, что нисколько не помѣшало этимъ людямъ эти самыя идеи обратить въ орудія самаго жестокаго и безчеловѣчнаго деспотизма и угнетенія. Но если религіозныя идеи, какъ извѣстно, столь часто искажались ихъ, казалось бы, ревностными послѣдователями, то почему той же судьбѣ не могутъ подвергаться идеи политическія, народнаго суверенитета, напр., или демократическаго режима? Все зависитъ отъ того или другого распредѣленія общественныхъ силъ, а въ конечномъ счетѣ отъ группировки тѣхъ или другихъ личностей, завладѣвшихъ такъ или иначе властью. Конечно, группировка эта можетъ быть устойчивой при спокойномъ, нормальномъ теченіи жизни, и въ такомъ случаѣ особыхъ измѣненій въ преобладающихъ идейныхъ настроеніяхъ не происходитъ; но въ революціонную эпоху люди, стоящіе у власти, мѣняются весьма быстро. Революціонная буря особенно замѣтна на верху общественной жизни, и въ такую пору значеніе отдѣльныхъ личностей, занимающихъ высшіе посты, сильно возрастаетъ. Отъ ихъ таланта, умѣнія предугадывать, предупреждать или содѣйствовать развитію тѣхъ или иныхъ общественныхъ явленій зависитъ очень многое. Не всѣ обладаютъ въ равной мѣрѣ политическимъ талантомъ, не всѣмъ одинаково доступно сложное и трудное искусство управленія. Большинство успѣшно справляется съ тѣми или другими функціями въ мирное, спокойное время, но во время налетѣвшей бури быстро теряются, лишаются способности руководить событіями и увлекаются той или другой волной. Немногимъ удается «уловить моментъ» и дѣйствовать настолько удачно, чтобы не дать себя увлечь теченіемъ, не имѣющимъ будущности. Людямъ отвлеченной идеи, отвлеченныхъ книжныхъ принциповъ это искусство почти никогда не дается.

Намъ, впрочемъ, здѣсь не мѣсто разсуждать о политическомъ искусствѣ;

время политическихъ трактатовъ во вкусѣ Макіавелли миновало. Но мы имѣемъ въ виду отмѣтить только тотъ фактъ, что значеніе личности, обыкновенно столь умаляемое соціологами-экономистами, на самомъ дѣлѣ не можетъ быть отвергнуто и въ особенности рельефно проявляется въ критическіе моменты революціи. Здѣсь обыкновенно создаются тѣ или иные «герои», тѣ или другія лица, которые сами собою выдвигаются впередъ и становятся во главѣ движенія. Они пріобрѣтаютъ свой авторитетъ въ глазахъ массъ путемъ особыхъ заслугъ въ борьбѣ за тѣ или другіе идеалы, стремящіеся къ своему осуществленію въ данный моментъ. Авторитетъ этотъ, вначалѣ мало замѣтный, затѣмъ все болѣе возрастаетъ, создается своего рода культъ извѣстной личности, и въ рукахъ этой личности оказывается фактически огромная власть надъ толпой, власть чисто-моральнаго характера, но имѣющая совершенно реальное значеніе и могущая повести къ самымъ серьезнымъ и рѣшающимъ событіямъ. Конечно, власть эта крайне неустойчива и можетъ быть легко утрачена при первой же неудачѣ. Но иногда, при условіи нѣсколькихъ подъ-рядъ одержанныхъ успѣховъ, она можетъ дойти до всемогущества, въ смыслѣ полнаго подчиненія обаянію выдающагося лица. Такимъ образомъ, объясняются необыкновенные успѣхи пророковъ и вожаковъ религіознаго движенія. Тотъ же характеръ, хотя въ нѣсколько особенномъ видѣ, имѣетъ авторитетъ революціонныхъ вождей, хотя бы временъ Конвента. Въ наше время научнаго анализа, матеріалистическаго пониманія исторіи, вѣры въ науку и скептическаго отношенія къ идеализму, роль личности принижается, но зато мы и не видимъ болѣе широкихъ, захватывающихъ общественныхъ событій, руководимыхъ всѣмъ извѣстными общественными именами. И отсутствіе этихъ выдающихся, авторитетныхъ дѣятелей несомнѣнно печальнымъ образомъ отразилось хотя бы на ходѣ той же россійской революціи.

Нельзя сказать, чтобы и французская революція блистала особенно значительнымъ числомъ выдающихся, блестящихъ дѣятелей. Но здѣсь существовали условія, давшія возможность образованію культа массы (по крайней мѣрѣ, опредѣленной ея части) передъ извѣстными личностями. Въ Россіи этихъ условій не было и не могло быть: революціонное движеніе у насъ не одержало побѣды, его дѣятели были жертвами и въ качествѣ жертвъ возбуждали къ себѣ сожалѣніе, состраданіе, но не преклоненіе, восхищеніе и упоеніе побѣдой, олицетворенной въ главныхъ вождяхъ революціоннаго движенія. Во Франціи обстоятельства сложились счастливѣе для революціонеровъ, и мы видимъ, что въ теченіе извѣстнаго періода времени судьбами Франціи управляютъ нѣсколько лицъ, до того бывшихъ совершенно неизвѣстными и при старомъ режимѣ не имѣвшихъ никакихъ шансовъ подняться на самый верхъ общественной лѣстницы. Что же это были люди, и какова была ихъ роль въ судьбѣ революціи?

Мы не станемъ подробно останавливаться на психологическомъ анализѣ главныхъ дѣятелей революціи; это завело бы насъ въ сторону; ограничимся только бѣглымъ очеркомъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, характерныхъ фигуръ. Съ одной стороны, возьмемъ представителя людей идеи, главнаго героя французской революціи—Робеспьера, съ другой—людей противоположнаго типа, людей безпринципныхъ, переходящихъ отъ однѣхъ идей къ другимъ, смотря по обстоятельствамъ времени. За образецъ ихъ примемъ Фуше и Барера.

Робеспьеръ, какъ извѣстно, до революціи былъ скромнымъ провинціальнымъ адвокатомъ (avoué) въ маленькомъ городкѣ сѣв. Франціи Аррасѣ. Ничто не предвѣщало въ немъ будущаго всемірно-извѣстнаго революціонера. Онъ усердно занимался юриспруденціей, а также литературой: писалъ разнаго рода трактаты и разсужденія и даже стихи; былъ членомъ академіи въ Аррасѣ. Будучи избранъ депутатомъ въ учредительное собраніе (генеральные штаты), Робеспьеръ вначалѣ мало выдѣлялся среди блестящихъ ораторовъ Конституанты. Мирабо будто бы сказалъ о немъ: «Онъ пойдетъ далеко, онъ вѣритъ всему тому, что онъ говоритъ». Дѣйствительно, непоколебимая вѣрность разъ усвоеннымъ принципамъ и логическое развитіе ихъ до самыхъ крайнихъ выводовъ было отличительной чертой Робеспьера, на которой и была основана вся его политическая карьера. Въ учредительномъ собраніи онъ придерживался вначалѣ идей конституціонной монархіи, какъ и всѣ члены перваго собранія, но съ болѣе демократическимъ оттѣнкомъ, чѣмъ у большинства. Эта черта демократизма, по мѣрѣ развитія революціонныхъ событій, все болѣе и болѣе въ немъ усиливалась. Всякія мѣропріятія и проекты, направленные къ ограниченію и ослабленію монархіи, къ защитѣ интересовъ и правъ народа, находили въ Робеспьерѣ самаго горячаго и убѣжденнаго защитника. Популярности его въ особенности содѣйствовали его безупречный образъ жизни, строгая нравственность, вносимая не только въ общественныя дѣла, но и въ обиходъ домашней жизни. Разлагающійся старый режимъ крайне деморализировалъ не только высшіе слои общества—дворянство и духовенство, но также и третье сословіе—буржуазію. Подкупность, взяточничество, пьянство, развратъ—были обычными явленіями во Франціи XVIII в. Вліянія этой деморализаціи не избѣгли, какъ извѣстно, ни Мирабо, ни Дантонъ. Робеспьеръ чрезвычайно выгодно выдѣлялся въ этомъ отношеніи передъ большинствомъ своихъ современниковъ. Весьма скоро за нимъ укрѣпилось прозвище «неподкупнаго», или «безупречнаго» (Incorruptible), которое ему далъ не кто иной, какъ самъ грозный Маратъ, во всѣхъ видѣвшій только предателей и подкупленныхъ слугъ «тиранніи».

Но весьма скоро также бурное теченіе революціи поставило Робеспьера въ радикальное противорѣчіе съ его основными моральными принципами, и притомъ такъ, что онъ этого и не замѣтилъ, искренно полагая, что онъ

все время продолжаетъ бороться во имя одной и той же идеи народнаго блага. 30 мая 1791 г. Робеспьеръ высказался въ учредительномъ собраніи за отмѣну смертной казни. Это его предложеніе не имѣло практическихъ послѣдствій. Восемнадцатый вѣкъ еще сохранялъ въ себѣ настолько равнодушія или нечувствительности къ чужимъ страданіямъ, что могъ съ любопытствомъ смотрѣть на квалифицированную смертную казнь (колесованіе и т. п.). Революція ограничивалась отмѣной только мученіемъ передъ нанесеніемъ смерти. Самъ Робеспьеръ, черезъ полтора года послѣ своего предложенія, настаиваетъ на смерти Людовика XVI. Онъ долго и обстоятельно мотивируетъ необходимость смертной казни короля въ цѣляхъ общественнаго спасенія. Мало того, онъ энергично возстаетъ противъ предложенія обратиться по этому вопросу къ народу (appel au peuple), причемъ сказалъ рѣшительныя слова: «меньшинство повсюду имѣетъ вѣчное право, право провозглашенія истины или того, что оно считаетъ истиной. Добродѣтель всегда была въ меньшинствѣ на землѣ». Въ этихъ словахъ уже ясно проглядываетъ мысль, которую затѣмъ Робеспьеръ и привелъ въ исполненіе, о возможности управленія большинства меньшинствомъ во имя тѣхъ или другихъ идеаловъ нравственности или справедливости.

Конечно, дѣятельность Робеспьера можетъ быть оцѣниваема совершенно различно, смотря по точкѣ зрѣнія, раздѣляемой историкомъ. Были лица, сравнивавшія Робеспьера съ Христомъ, видѣвшія въ немъ пророка грядущихъ свѣтлыхъ идеаловъ человѣчества. Другіе, какъ, напр., Тэнъ, видятъ въ немъ только превознесеннаго волной революціи школьнаго педанта (cuistre), ограниченнаго человѣка съ непомѣрнымъ самолюбіемъ и любовью къ фразерству, лицемѣра, убѣжденнаго въ своей искренности. То и другое мнѣніе—одинаковая крайность. Робеспьеръ не былъ ни пламеннымъ апостоломъ новаго евангелія свободы, ни ограниченнымъ и лицемѣрнымъ проповѣдникомъ революціонной морали. Но несомнѣнно то, что онъ былъ теоретикомъ, человѣкомъ извѣстнаго круга идей, внѣ которыхъ для него ничего не существовало, и для которыхъ онъ готовъ былъ принести въ жертву всѣхъ не раздѣлявшихъ его убѣжденій. Онъ и самъ чувствовалъ себя не столько господиномъ, сколько рабомъ охватившихъ его идей; «я несчастный рабъ свободы»—говорилъ онъ самъ про себя [1]). Его политическій энтузіазмъ былъ весьма сродни религіозному фанатизму; уже въ 1792 г. противники якобинцевъ назвали Робеспьера верховнымъ жрецомъ революціи, учредившимъ особый культъ богини Свободы. Эти сказанныя въ насмѣшку слова оказались пророчествомъ. Незадолго до своего паденія въ 1794 г. Робеспьеръ учредилъ государственный культъ Верховнаго Существа, въ торжественныхъ

[1]) «Кто же этотъ я, котораго обвиняютъ (термидоріанцы)? Рабъ свободы, живой мученикъ республики, жертва настолько же, насколько и врагъ преступленія»! Слова изъ послѣдней рѣчи Робеспьера въ Конвентѣ.

церемоніяхъ котораго игралъ первую роль, хотя, конечно, открыто и не провозгласилъ себя первосвященникомъ.

Вліяніе Робеспьера было чисто-моральнымъ. Онъ не присваивалъ себѣ никакого оффиціальнаго званія президента, диктатора и т. п., а былъ только членомъ Конвента, какъ и всѣ другіе. Но его репутація моральной безупречности и абсолютной вѣрности революціоннымъ идеямъ создала ему фактически такую власть, какой не обладалъ никакой диктаторъ или наслѣдственный король. Его преобладающимъ стремленіемъ было очищеніе, поднятіе нравственнаго уровня Конвента, и черезъ него всей Франціи: исключеніе изъ него всѣхъ нравственно-сомнительныхъ или недоброкачественныхъ элементовъ, которые могли затмить чистоту якобинскихъ идеаловъ. Онъ былъ моральнымъ диктаторомъ, своего рода цензоромъ нравовъ или революціоннымъ инквизиторомъ, безпощадно преслѣдовавшимъ «еретиковъ», т.-е. враговъ революціи. Гибель отдѣльныхъ лицъ и даже партій на гильотинѣ не смущала его: не погибаютъ ли то контръ-революціонеры, открытые или замаскированные? Если ихъ смерть необходима для торжества республики, т.-е. для блага всего народа, то можно ли о нихъ сожалѣть и не должны ли гражданскія добродѣтели, по примѣру античныхъ героевъ Спарты и Рима, брать верхъ надъ чувствами сердца, неумѣстными въ вопросахъ государственной политики? Таковы были тѣ аргументы, въ кругу которыхъ вращался Робеспьеръ и его единомышленники въ дни террора. Это обыкновенная аргументація всѣхъ фанатиковъ идеи, каково бы ни было ея содержаніе. Мѣняются, конечно, названія, формулы, фразеологія, но общія черты настроенія служителей идеи остаются приблизительно одинаковыми. Какъ религіозно преданныхъ извѣстной идеѣ людей, Штирнеръ называетъ Робеспьера, Сенъ-Жюста и другихъ—«попами революціи». Между прочимъ, онъ приводитъ характерныя слова Сенъ-Жюста: «Есть что-то страшное въ святой любви къ отечеству; она такъ исключительна, что безжалостно, безстрашно, безчеловѣчно жертвуетъ всѣмъ ради общественнаго интереса». Тотъ же Сенъ-Жюстъ (ревностный ученикъ Робеспьера) какъ-то высказалъ, что «законы свободы въ тысячу разъ строже ига тирановъ».

Самая живая и вѣрная характеристика Робеспьера была сдѣлана уже въ 1792 г. извѣстнымъ Кондорсэ, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ жирондистовъ. «Робеспьеръ проповѣдуетъ, Робеспьеръ цензируетъ; онъ раздраженъ, но серьезенъ, меланхоличенъ, холодно экзальтированъ, послѣдователенъ въ своихъ мысляхъ и въ своемъ поведеніи. Онъ громитъ богатыхъ и знатныхъ, живетъ малымъ и не знаетъ физическихъ влеченій. У него только одна миссія—говорить, и онъ говоритъ почти безпрерывно. Онъ обладаетъ всѣми чертами если не религіознаго главы, то сектантскаго вожака. Онъ создалъ себѣ репутацію строгой нравственности, которая доходитъ чуть не до святости. Онъ говоритъ о Богѣ и Провидѣніи, называетъ себя другомъ бѣдныхъ и слабыхъ, за нимъ слѣдомъ ходятъ женщины и слабоум-

ные, онъ съ сердечнымъ видомъ принимаетъ ихъ поклоненія и привѣтствія. Робеспьеръ по натурѣ своей священникъ (un prêtre) и только этимъ и будетъ». Замѣчательно, какъ въ оцѣнкѣ характера Робеспьера сошлись жирондистскій философъ и, черезъ 50 лѣтъ послѣ него, великій философъ анархизма. Очевидно, эта черта религіозной экзальтированности, религіозной преданности извѣстному символу вѣры была выдающейся чертой въ психикѣ революціоннаго трибуна, которая одинаково бросалась въ глаза и его современникамъ и мыслителямъ позднѣйшей эпохи. Эта внутренняя религіозность натуры (не въ смыслѣ принадлежности къ какой-нибудь положительной религіи), способность видѣть въ себѣ глашатая и пророка истины, обязательной для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, и объясняетъ лучше всего всю революціонную тактику Робеспьера. Онъ былъ идеалистомъ, мечтателемъ, но не реальнымъ политикомъ, человѣкомъ практической дѣятельности.

Эта теоретичность, непрактичность его идеализма, въ концѣ концовъ, его и погубила. Ставши твердо на своей позиціи, преслѣдуя одну мечту искорененія всѣхъ контръ-революціонеровъ, кто бы они ни были и гдѣ бы ни находились, онъ не могъ замѣтить во-время, насколько такая неумолимая логика террора приводитъ въ трепетъ и тайное негодованіе весь Конвентъ, за исключеніемъ самой малочисленной группы его ближайшихъ друзей. Наканунѣ своего паденія онъ еще держалъ рѣчь, въ которой оправдывалъ дѣятельность революціоннаго трибунала (на который уже посыпались нападки за его безпощадную жестокость), и не удержался отъ произнесенія, по своему обыкновенію, неясныхъ, но тѣмъ болѣе возбуждающихъ общую тревогу угрозъ по адресу «враговъ республики». Цѣлью своей политики онъ выставилъ «наказаніе предателей, очищеніе комитета общественнаго спасенія, организацію правительства подъ контролемъ Конвента, какъ единственнаго верховнаго судьи, подавленіе всѣхъ мятежныхъ партій подъ тяжестью національнаго авторитета съ тою цѣлью, чтобы на ихъ развалинахъ воздвиглось царство справедливости и свободы». При такихъ словахъ «Безупречнаго» всѣ, не бывшіе съ нимъ въ полномъ согласіи, почувствовали у себя на шеѣ топоръ гильотины. Паденіе его было рѣшено. На слѣдующій день (9 термидора) ему уже не даютъ говорить. Среди общаго шума и крика голосъ за день передъ тѣмъ всевластнаго трибуна теряется. Однако, въ чемъ же его обвинить? Не былъ ли онъ всѣми признаннымъ вождемъ революціи, «безупречнымъ»? Какое сформировать противъ него обвиненіе? Члены Конвента шумятъ и кричатъ, но не приходятъ къ опредѣленному рѣшенію. Наконецъ, нѣкто неизвѣстный (Louchet) выражаетъ общую мысль: «Безспорно, что Робеспьеръ былъ властителемъ (dominateur); на этомъ единственномъ основаніи я предлагаю декретировать привлеченіе къ суду». Слышатся крики: «приказъ объ арестѣ—на голоса»! Робеспьеръ мертвенно блѣд-

ный, взбѣшенный, въ крайнемъ изступленіи кричитъ: «а я требую смертной казни»! Въ отвѣтъ ему раздаются возгласы: «ты ее заслужилъ тысячу разъ»!

Однако, не все еще потеряно: у Робеспьера еще многочисленные друзья. Его освобождаютъ отъ ареста, коммуна волнуется, организуется возстаніе противъ Конвента, одинъ рѣшительный ударъ—и диктатура обезпечена. Но Робеспьеръ не Наполеонъ, не человѣкъ дѣйствія, это человѣкъ отвлеченныхъ принциповъ. Онъ ищетъ во всемъ законности, согласія съ идеями справедливости. Онъ колеблется и не знаетъ на что рѣшиться: не былъ ли онъ подвергнутъ аресту и привлеченъ къ суду большинствомъ Конвента, т.-е. съ соблюденіемъ извѣстныхъ законныхъ формъ, установленныхъ республиканскими властями? И какъ онъ, «безупречный, вдругъ станетъ мятежникомъ, онъ, который всегда боролся съ мятежниками противъ республиканскаго правительства? Въ этихъ колебаніяхъ проходитъ даромъ драгоцѣнное время, и Робеспьеръ успѣваетъ подъ приказомъ о вооруженномъ сопротивленіи Конвенту подписать только три буквы: «Rob....» Его враги не проявляютъ такого преклоненія предъ идеею законности, и на слѣдующій день духовный вождь Конвента казненъ, безъ суда, на площади Революціи, при радостныхъ крикахъ толпы: долой тирана!

Такимъ образомъ, Робеспьеръ былъ столько же героемъ, сколько и жертвой революціи, какъ и самъ онъ это отчасти сознавалъ. Несомнѣнно, что въ такомъ же положеніи очутился бы и всякій другой человѣкъ, ставшій во главѣ революціоннаго движенія и безусловно преданный опредѣленнымъ идеямъ, временно восторжествовавшимъ въ его лицѣ, но раздѣляемымъ лишь меньшинствомъ народа. Самое содержаніе идей въ данномъ случаѣ не имѣетъ особаго значенія; можно допустить, что въ наше время, напр., это были бы идеи той или другой соціалистической партіи. Во всякомъ случаѣ, ни идеи республиканизма въ духѣ Руссо не были понятны народной массѣ и не были ею усвоены во Франціи XVIII в., ни идеи соціализма въ наши дни не могли бы быть восприняты большинствомъ населенія хотя бы въ Германіи, какъ своего рода символъ вѣры, одинаково обязательный для всѣхъ. Торжество этихъ идей могло бы быть только случайнымъ и временнымъ, какъ случайно и временно было торжество якобинцевъ во Франціи. Очевидно, что такое торжество могло быть достигнуто и, тѣмъ болѣе, на нѣкоторое время удержано лишь путемъ отчаянной, безпощадной борьбы съ многочисленными врагами. И эта борьба должна была страшно повліять на психику главныхъ дѣятелей, развивъ въ нихъ черты жестокости, безпощадности къ врагамъ. Произошло полное искаженіе нравственнаго облика несомнѣнно честныхъ и правдивыхъ людей. Примѣръ этого искаженія мы ясно видимъ въ личности Робеспьера. Въ мирное время это былъ бы примѣрный труженикъ, прекрасный адвокатъ и литераторъ, отличающійся вы-

соко-нравственными и гуманными тенденціями. Но вихремъ революціи онъ былъ поднятъ на недосягаемую высоту, и его въ сущности скромная фигура озарилась кровавымъ ореоломъ террора, который самъ по себѣ противорѣчилъ основнымъ чертамъ его характера, и о которомъ, конечно, онъ никогда и не мечталъ въ своемъ богоспасаемомъ Аррасѣ.

Если люди, въ родѣ Робеспьера, Сенъ-Жюста, Бабефа, многихъ жирондистовъ, какъ, напр., Верньо, Кондорсэ, Роланъ и др., являются служителями и въ то же время жертвами революціонной идеи, то не слѣдуетъ упускать изъ виду весьма многочисленный классъ людей, для которыхъ революція является своего рода аферой, удобнымъ случаемъ выдвинуться такъ или иначе впередъ, достигнуть того или другого благополучія, благодаря общей сумятицѣ и безпорядку при крушеніи стараго строя. Это люди, не служащіе той или другой идеѣ, а извлекающіе изъ нихъ личную пользу, приспособляющіеся къ условіямъ даннаго момента, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій отречься отъ своего прошлаго, разъ тѣ идеи, которыя раньше якобы исповѣдывались ренегатами, потерпѣли крушеніе. Великая революція даетъ намъ богатую коллекцію этого рода типовъ благодаря тому, что въ ней совершился полный циклъ революціонныхъ фазъ отъ постепеннаго развитія до полнаго торжества и затѣмъ обратнаго движенія вплоть до цезаризма и даже реставраціи низвергнутой династіи. Остановимся только на двухъ интересныхъ типахъ—Фуше и Барерѣ.

Фуше до революціи былъ членомъ духовной конгрегаціи и старшимъ учителемъ въ нантскомъ духовномъ училищѣ. При наступленіи революціи онъ сбросилъ съ себя сутану и вступилъ въ дружбу съ крайними атеистами Шометтомъ и Кольло д'Эрбуа. Будучи посланъ въ качествѣ революціоннаго комисара въ Неверъ, онъ принялъ тамъ всѣ мѣры для замѣны христіанства культомъ разума, запретилъ всякія религіозныя церемоніи внѣ церквей, на кладбищахъ велѣлъ снять кресты и замѣнить ихъ статуей Сна, а на воротахъ надписать: «Смерть есть вѣчный сонъ» (выраженіе Шометта). Въ Ліонѣ онъ участвовалъ въ преслѣдованіи возставшихъ вмѣстѣ съ Кольло и отличился жестокостью, которою публично хвастался. Одно время Фуше былъ даже выбранъ въ президенты клуба якобинцевъ, но честная натура Робеспьера инстинктивно не выносила будущаго сыщика, и Фуше былъ исключенъ изъ числа членовъ клуба. Чувствуя себя въ опасности, онъ принялъ дѣятельное участіе въ переворотѣ 9 термидора вмѣстѣ со своимъ другомъ Кольло. Послѣ паденія Робеспьера, ему нѣкоторое время не повезло и пришлось даже сидѣть въ тюрьмѣ. Но вскорѣ онъ блестящимъ образомъ обезпечилъ себѣ карьеру доносомъ на Бабефа, съ которымъ былъ лично знакомъ и втерся къ нему въ довѣренность. Директорія въ благодарность назначила Фуше полномочнымъ посланникомъ въ Миланъ, гдѣ онъ тотчасъ же сталъ интриговать напропалую; его пе-

ревели сперва въ Голландію, а потомъ назначили министромъ полиціи. Это мѣсто оказалось какъ-разъ по душѣ бывшему якобинцу: онъ организовалъ такую искусную систему шпіонства, создалъ себѣ такую репутацію геніальнаго сыщика, что былъ по достоинству оцѣненъ самимъ Наполеономъ, которому онъ, между прочимъ, помогалъ устроить 18 брюмера. При Наполеонѣ онъ, съ нѣкоторыми перерывами, былъ почти все время министромъ полиціи, но его интриганство и въ то же время тонкое чутье политическаго сыщика были такъ велики, что уже въ 1809 г. онъ предвидѣлъ неизбѣжность паденія Наполеона и вступилъ въ тайныя сношенія съ Бурбонами, съ одной стороны, и съ республиканцами—съ другой. Наполеонъ временно удалилъ его, но, вернувшись съ острова Эльбы, опять сдѣлалъ министромъ полиціи, хотя переговоры Фуше съ Бурбонами были ему извѣстны. Послѣ Ватерлоо Фуше немедленно перешелъ на сторону Бурбоновъ и горячо убѣждалъ Наполеона отречься, что тотъ и вынужденъ былъ сдѣлать. Затѣмъ Людовикъ XVIII, король почти «Божіею милостью», тоже принялъ Фуше на службу все въ качествѣ министра полиціи. Но тутъ дѣло вышло не совсѣмъ ловко: оказалось, что Фуше, какъ членъ Конвента, голосовалъ за смертную казнь Людовика XVI и притомъ безъ всякаго послабленія (отсрочки). По изданному въ 1816 г. закону всѣ «цареубійцы», подписавшіе смертный приговоръ королю, обязаны были оставить предѣлы Франціи; въ числѣ ихъ былъ и Фуше. Но ему отъ того было мало горя: за время своего министерства онъ сколотилъ себѣ громадное состояніе въ 12 или 15 милліоновъ франковъ, съ которымъ перебрался въ Австрію, принялъ австрійское подданство и умеръ спокойно въ Тріестѣ.

Въ Фуше мы имѣемъ типъ безпринципнаго интригана, дѣйствующаго въ своекорыстныхъ цѣляхъ. Въ этомъ отношеніи у него есть извѣстное сходство съ Наполеономъ, несмотря на все различіе ихъ исторической роли. Но Наполеонъ опирался на преданную ему армію и блестящіе военные лавры, а Фуше на свою собственную изворотливость и лукавство. Одинъ былъ левъ, а другой—лисица, но оба они преслѣдовали одинаково свой личный интересъ и приносили ему въ жертву другихъ людей, будучи оба одинаково людьми имморальными, совершенными эгоистами во вкусѣ Штирнера и Ницше. Къ другой разновидности эгоистовъ, но меньше калибромъ и съ большей дозой легкомыслія и безсодержательной жизнерадостности, относится Бареръ, извѣстный докладчикъ комитета общественнаго спасенія, «преданный» другъ Робеспьера. Въ Конвентѣ онъ сперва держался жирондистовъ, но, видя, что ихъ вліяніе падаетъ, перешелъ на сторону якобинцевъ, сталъ прислуживаться къ Робеспьеру и приходить въ восторгъ отъ политики террора. Бареръ сумѣлъ искусно добиться расположенія Робеспьера, затронувъ чувствительную въ немъ струнку литературнаго тщеславія; всѣ предложенія о напечатаніи рѣчей Робеспьера и разсылка ихъ

по департаментамъ исходили отъ Барера. Своихъ личныхъ убѣжденій у Барера не было: если ему нужно было что-нибудь говорить съ трибуны, онъ предварительно бесѣдовалъ съ Робеспьеромъ, Сенъ-Жюстомъ или другимъ вліятельнымъ членомъ конвента; затѣмъ произносилъ свою рѣчь или докладъ, и всѣ съ удивленіемъ замѣчали, что ихъ мысли отражались въ немъ какъ въ зеркалѣ. Онъ былъ прекраснымъ членомъ-докладчикомъ Конвента, такъ какъ быстро схватывалъ и резюмировалъ чужія мысли и положенія, никогда не теряя притомъ бодраго жизнерадостнаго настроенія, что французы называютъ bon enfant (славный малый). Въ то время какъ Робеспьеръ или Бильо, измученные безсонными ночами, постоянной тревогой и нервнымъ разстройствомъ, производили тягостное впечатлѣніе своимъ болѣзненнымъ и мрачнымъ видомъ, на Барера было пріятно смотрѣть, такъ онъ былъ развязенъ и веселъ въ самые критическіе моменты. Это происходило отъ того, что въ его душѣ и не происходило никакой тяжелой внутренней работы, никакихъ мучительныхъ сомнѣній и колебаній: ко всему онъ относился легко и въ сущности равнодушно, заботясь лишь о своемъ собственномъ успѣхѣ и удовольствіи. Однако, въ день 9-го термидора положеніе его было критическое: падетъ ли Робеспьеръ, или нѣтъ? Какъ быть въ этомъ увѣренымъ? Создалась легенда, что у Барера въ этотъ день были заготовлены два наброска рѣчи, одинъ за, другой противъ Робеспьера. Правда, что и весь Конвентъ колебался и долго не могъ прійти къ опредѣленному рѣшенію. Многимъ пришло въ голову крикнуть: «Бареръ на трибуну»!—съ тайной цѣлью опредѣлить по немъ, куда вѣтеръ тянетъ. Бареръ волей-неволей долженъ былъ говорить съ трибуны: онъ не высказался прямо противъ диктатора, однако, косвенно лишилъ его поддержки національной гвардіи, предложивъ упразднить должность ея главнокомандующаго (Анріо, сторонника Робеспьера). Но Робеспьеръ палъ не сразу Вечеромъ 9-го термидора Бареръ опять сильно волновался, не зная, на чью сторону стать, и нѣсколько разъ передѣлывалъ свою рѣчь, прежде чѣмъ составить докладъ объ объявленіи Робеспьера внѣ закона. Однако, термидоріанцы не были благодарны Бареру за его переходъ на ихъ сторону. Вмѣстѣ съ Кольо, д'Эрбуа и Бильо Варень былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Гвіану и «Анакреонъ гильотины», какъ называли Барера. Напрасно въ защитительной рѣчи онъ указывалъ на то, что былъ жирондистомъ, прежде чѣмъ сталъ террористомъ, и что 9-го термидора онъ предалъ Робеспьера. Это не было ему поставлено въ заслугу. Но за то онъ успѣлъ бѣжать и скрыться въ Бордо, гдѣ прожилъ пять лѣтъ въ безвѣстности, тогда какъ Кольо и Бильо были сосланы. Черезъ пять лѣтъ онъ попробовалъ заявить о себѣ, думая, что о немъ забыли, но его вспомнили, и онъ опять долженъ былъ бѣжать и скрываться у одной изъ своихъ знакомыхъ дамъ. При Наполеонѣ судьба его была жалкая: онъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ полити-

ческаго агента или шпіона по иностранной политикѣ, но Наполеону показался неспособнымъ и былъ имъ уволенъ. Въ 1816 г., какъ «цареубійца», долженъ былъ выселиться изъ Франціи, въ 1830 году вновь вернулся въ свой родной городъ Тарбъ (на югѣ Франціи) и здѣсь умеръ въ бѣдности глубокимъ 86-лѣтнимъ старикомъ, пережившъ на много лѣтъ всѣхъ великихъ дѣятелей революціи. Онъ оставилъ послѣ себя мемуары, въ общемъ мало достовѣрные, въ особенности, когда рѣчь идетъ о немъ самомъ.

Мы ограничимся только приведенными силуэтами изъ эпохи Великой революціи, но и по нимъ уже можно видѣть, какъ въ одной и той-же группѣ или партіи могутъ быть и всегда бываютъ совершенно различные нравственные типы, не имѣющіе между собою почти ничего общаго по основнымъ чертамъ своей индивидуальной морали. Исповѣданіе общаго символа вѣры, общихъ политическихъ или соціальныхъ формулъ, каковы бы они сами по себѣ ни были, вовсе не обозначаетъ однородности или даже сходства характера лицъ, исповѣдывающихъ или заявляющихъ объ исповѣдываніи той или другой теоріи. Это несходство личностей даже въ средѣ одной и той же партіи приводитъ къ тому, что дѣятельность ея никогда не можетъ быть въ точности установлена и регулирована такъ, какъ бы слѣдовало по логикѣ партійной догматики. Напротивъ того, самая эта догматика принуждена бываетъ измѣняться и приспособляться къ требованіямъ, выставленнымъ личнымъ началомъ. Обыкновенно говорится при этомъ, что требованія жизни перерастаютъ схемы догмы и требуютъ ея измѣненія. Но это измѣненіе происходитъ предварительно въ индивидуальномъ сознаніи и внѣ его не имѣетъ приложенія. Что же касается практическаго примѣненія теоріи къ жизни, то здѣсь индивидуальное начало играетъ необыкновенно важную роль. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было ожидать одинаковой практической дѣятельности (да и теоретическаго мышленія) отъ такихъ людей, какъ, напр., Робеспьеръ или Сенъ-Жюстъ, съ одной стороны, и Фуше или Вареръ—съ другой? Между тѣмъ, они принадлежали къ одной партіи и предполагались людьми одной вѣры и однихъ принциповъ. Эта разнородность состава партій, классовъ и вообще всякихъ человѣческихъ группъ и дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ предсказаніе того или иного исхода партійной борьбы, того или другого ея характера и метода. По мѣрѣ развитія индивидуализаціи въ обществѣ растетъ и неустойчивость партійныхъ образованій, ихъ быстрая разслаиваемость и разъединяемость. Но въ то же время облегчается и процессъ образованія новыхъ партійныхъ группъ благодаря ускоренному темпу жизни и быстрой смѣнѣ общественныхъ формъ и организацій.

Великая французская революція, какъ уже было замѣчено выше, дастъ намъ болѣе богатую коллекцію разнородныхъ характеровъ и типовъ, охваченныхъ однимъ общимъ революціоннымъ потокомъ. Позднѣйшія рево-

люціи значительно бѣднѣе въ этомъ отношеніи именно потому, что онѣ охватывали сравнительно менѣе обширные слои населенія, продолжались меньшее время, не проходили черезъ многія фазы великой революціи. Республика 1848 г. во Франціи не знала режима краснаго террора; сопротивленіе іюльской монархіи было ничтожнымъ, движеніе крайнихъ лѣвыхъ (соціалистовъ) было заблаговременно подавлено, но зато и представители буржуазныхъ партій не проявили той энергіи и напряженности воли и таланта (за исключеніемъ развѣ Ламартина), которыя имъ пришлось бы употребить въ томъ случаѣ, если бы побѣда стала колебаться, и положеніе ихъ оказалось критическимъ. Въ концѣ концовъ, оно и стало таковымъ, благодаря политикѣ Луи-Наполеона; но его успѣхъ былъ на половину созданъ самими республиканцами, не сумѣвшими или не могшими ему противоставить ни одной личности, достаточно сильной или популярной, чтобы разсѣять тотъ ореолъ призрачнаго величія, который окружалъ племянника «великаго» императора. Достаточно было этой тѣни императора, чтобы побѣдить и затмить всю буржуазную республику со всѣми ея поэтами и ораторами. Вообще исторія 1848—1851 гг. во Франціи представляется какою-то блѣдной и уменьшенной копіей великаго десятилѣтія 1789—1799. На исторической сценѣ главную роль играютъ тѣни и воспоминанія минувшаго, а живые люди, въ которыхъ воскресаетъ это великое прошлое, въ большинствѣ случаевъ, лишь пародіи или мало удачныя копіи. Новымъ жизненнымъ фактомъ было появленіе соціализма, его первое боевое выступленіе, но оно было быстро подавлено, и тѣни минувшаго восторжествовали. Для средней Европы 1848 г. далъ, пожалуй, даже больше, чѣмъ для Франціи, ибо здѣсь впервые были сдвинуты съ мѣста незыблемые дотолѣ устои прошлаго, которые были лишь слабо затронуты первой революціей, слишкомъ непонятной и чуждой для темныхъ народныхъ массъ отъ Рейна до Вислы (объ еще болѣе темныхъ массахъ на востокъ отъ Вислы не могло быть и рѣчи). Но и въ средней Европѣ скоро восторжествовала реакція, и само революціонное движеніе, за исключеніемъ только Венгріи, гдѣ оно слилось съ національнымъ вопросомъ, проявилось въ сравнительно блѣдной и умѣренной формѣ. Дальнѣйшее политическое развитіе Германіи и Австріи шло уже путемъ реформаціоннымъ, а не революціоннымъ. Всеобщая подача голосовъ въ Германіи, напр., была введена не революціоннымъ правительствомъ, какъ во Франціи, а по почину высокоименитаго рейхсканцлера и многихъ орденовъ кавалера. Революціонные типы и характеры въ Германіи не могли получить настоящаго развитія и выпуклости въ сферѣ дѣйствія, какъ во Франціи. Во многихъ случаяхъ они довольствовались тѣмъ, что революціонировали науку и публицистику, какъ, напр., Лассаль или Карлъ Марксъ. Конечно, въ Германіи создалась, въ концѣ концовъ, могущественная соціалъ-демократическая партія, но ея революціонность находится подъ большимъ

сомнѣніемъ, и до сихъ поръ ея воздѣйствіе на политику ограничивалось посильнымъ участіемъ въ парламентской жизни страны.

Въ революціонной Франціи установленіе Третьей республики едва не повело къ общему взрыву антибуржуазныхъ элементовъ, но дѣло ограничилось возстаніемъ парижской коммуны, сравнительно скоро подавленнымъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 37 лѣтъ Франція какъ бы заснула въ утомленіи отъ пережитаго ею бурнаго періода съ 1789 по 1871 гг., когда она одиннадцать разъ перемѣнила конституцію и низвергла столько правительствъ. Признаки утомленія сказываются и въ той осторожности внѣшней политики, съ которою Франція избѣгаетъ всякихъ международныхъ столкновеній, и которая заставила ее вступить въ дружбу съ имперіей, строй которой, казалось бы, долженъ былъ быть глубоко антипатиченъ потомкамъ жирондистовъ и якобинцевъ, когда-то мечтавшихъ пронести свѣточъ свободы по всей Европѣ. Правда, имперія эта, огромная и импозантная въ своей суровой неподвижности, казалась столь могущественнымъ, столь цѣннымъ союзникомъ. Увы, наступила эпоха разочарованія и, конечно, еще большей осторожности въ международныхъ дѣлахъ.

Эта осторожность внѣшней политики, нежеланіе и прямо-таки страхъ передъ возможностью войны явленіе довольно общее въ исторіи Европы за послѣднія 25—30 лѣтъ. Замѣчательно то, что почти всѣ послѣднія войны, веденныя европейцами внѣ ихъ материка или противъ не-европейскихъ противниковъ, были неудачны для европейцевъ. Итальянцы потерпѣли пораженіе въ Абиссиніи, греки были разбиты турками, испанцы—американцами, англичане, какъ военная сила, были унижены и развѣнчаны бурами, русскіе—японцами. Это показываетъ, что чувство антимилитаризма растетъ въ Европѣ и приноситъ свои плоды. Но есть, конечно, и многія другія причины, заставляющія европейскія правительства относиться съ опасеніемъ къ вопросу о войнѣ, помимо соображеній этическаго характера. Здѣсь на одномъ изъ первыхъ мѣстъ является вопросъ о связи революціонныхъ движеній съ внѣшними войнами, въ особенности неудачными, вопросъ, для Россіи получившій въ наши дни довольно существенный интересъ. Мы разсмотримъ его въ общихъ чертахъ, кстати отмѣтивъ и роль арміи въ эпоху революціонныхъ кризисовъ.

VI.

Война и революція.—Роль арміи въ революціонныхъ кризисахъ.—Пронунціаменто.—Примѣры изъ исторіи Испаніи и республики Гаити.

Причины революцій могутъ быть различны, и мы не имѣемъ въ виду подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Общимъ мотивомъ во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, является, конечно, недовольство существующимъ положеніемъ вещей, стремленіе свергнуть господство опредѣленнаго класса или извѣстной правительственной организаціи и замѣнить ихъ новымъ распредѣленіемъ общественныхъ силъ. Но въ каждый данный историческій моментъ частныя причины инсуррекціонныхъ явленій могутъ быть различны, и свести ихъ въ точно разграниченныя рамки было бы трудно. Несомнѣнно, что экономическія условія играютъ здѣсь огромную роль, но несомнѣнно, тоже, что этими условіями не все еще объясняется. Эти условія, т.-е. экономическое положеніе массъ, является только фономъ или фундаментомъ, на которомъ могутъ быть построены «надстройки» совершенно различнаго стиля и вкуса, въ зависимости отъ намѣреній и взглядовъ архитекторовъ. Архитекторами же въ данномъ случаѣ являются тѣ идеологическія стремленія, которыя имѣютъ наибольшее распространеніе и наибольшую силу въ данный моментъ, защитники которыхъ наиболѣе многочисленны, вліятельны или вообще лучше вооружены для борьбы. Но мы не станемъ разсматривать подробно этіологію революціи; для насъ въ настоящее время интересенъ только вопросъ о значеніи внѣшнихъ осложненій при внутреннихъ кризисахъ и о роли вооруженныхъ силъ государства.

Нерѣдко неудачная внѣшняя война ведетъ за собою революціонный взрывъ въ побѣжденномъ государствѣ и иногда вызываетъ паденіе правительства или даже раньше существовавшаго политическаго строя. Такимъ образомъ пала Вторая имперія во Франціи, политическій строй въ Россіи отчасти измѣнился послѣ маньчжурской кампаніи. Наконецъ, если не было революціи, то были произведены широкія либеральныя реформы—въ Австріи послѣ Садовой, въ Россіи послѣ крымской кампаніи, въ Пруссіи послѣ Іены. Однакоже, на основаніи этихъ примѣровъ еще нельзя сдѣлать общаго вывода, что неудачныя войны непремѣнно влекутъ за собою революціи или реформы, или что революціи происходятъ только послѣ войнъ. Великой революціи во Франціи не предшествовала неудачная война. Напротивъ того, война за независимость Соед. Американскихъ Штатовъ противъ Англіи, въ которой Франція принимала участіе незадолго до революціи (1777—83 гг.), была для Франціи сравнительно удачной и окончилась временнымъ осла-

бленіемъ Англіи. Если ранѣе Семилѣтняя кампанія (1757—1763) привела къ потерѣ Франціей ея колоній въ Америкѣ и Индіи, то, во всякомъ случаѣ, говорить о вліяніи этой войны на развитіе революціоннаго настроенія во Франціи можно съ такимъ же приблизительно основаніемъ, какъ о вліяніи, напр., крымской кампаніи на русскую революцію. Далѣе, 1848 г. точно также прокатился по всей Западной Европѣ, отнюдь не будучи вызванъ какими-либо международными столкновеніями. Такая либеральная реформа, какъ введеніе всеобщаго голосованія, была произведена въ Германіи не послѣ пораженія, а послѣ побѣдъ надъ Даніей и Австріей. Съ другой стороны, есть примѣры и неудачныхъ войнъ, за которыми не послѣдовало особыхъ измѣненій въ строѣ побѣжденныхъ государствъ. Такъ, въ Австріи, побѣды Наполеона далеко не привели къ тому реформаціонному движенію, какъ въ Пруссіи, несмотря на то, что Австрія была неоднократно разгромлена и унижена (въ 1797, 1800, 1805 и 1809 гг.). Турція, въ теченіе почти двухъ столѣтій подъ-рядъ, терпѣла жесточайшія пораженія на сушѣ и на морѣ и все-таки попрежнему осталась деспотически управляемой державой. Потеря Испаніей послѣднихъ ея колоній (Кубы и Филиппинъ) вызвала только мѣстное броженіе (въ Каталоніи), не имѣвшее никакихъ существенныхъ результатовъ.

Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что международныя столкновенія имѣютъ существенное значеніе для революціонныхъ движеній, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наличныя революціонныя силы въ странѣ недостаточны для серьезнаго давленія на правительство при обычномъ, мирномъ теченіи дѣлъ. Внѣшнія неудачи естественно вызываютъ недовольство и даже негодованіе въ народѣ, и это негодованіе всѣми оппозиціонными элементами обыкновенно направляется на непопулярное правительство и тѣ классы, интересы которыхъ оно преимущественно поддерживаетъ. Понятно, что и ранѣе, до войны, должны существовать серьезныя причины недовольства существующимъ режимомъ у многочисленныхъ слоевъ населенія, иначе военныя пораженія сами по себѣ не могутъ внезапно создать революціонное настроеніе въ массахъ. Не всякая война и не при всякихъ обстоятельствахъ можетъ служить мѣриломъ годности, цѣлесообразности или нравственной цѣнности того или другого государственнаго строя. Вообще неправильно было бы думать, что успѣхъ на войнѣ зависитъ, напр., отъ степени развитія демократическихъ учрежденій или отъ либеральности правительственнаго режима вообще. Обыкновенно при этомъ указываютъ на большее развитіе патріотическаго чувства въ гражданахъ свободныхъ странъ, на ихъ большую готовность защищать отечество, дающее имъ комфортъ и свободу, а также на развитіе техническихъ усовершенствованій въ культурныхъ (т.-е. преимущественно свободныхъ) странахъ, а развитіе техники даетъ преимущество и въ военномъ дѣлѣ, отсюда и успѣхи европейцевъ въ борьбѣ съ некультурными и несвободными азіатами и т. д.

Эти соображенія имѣютъ, конечно, свое значеніе, но нельзя придавать имъ характера всеобщихъ и абсолютныхъ истинъ. Превосходство политическаго строя не всегда служитъ вѣрной гарантіей военной удачи. Развитіе демократіи, либерализмъ государственнаго управленія имѣетъ своимъ послѣдствіемъ развитіе индивидуализма въ массахъ, любовь къ комфорту, спокойной и удобной жизни, развиваетъ чувство антимилитаризма, отвращенія къ войнѣ съ ея тягостями, лишеніями и жестокостями. У народовъ высоко-культурныхъ постепенно отмираетъ «воинственный духъ», интересъ къ войнѣ, къ военному дѣлу вообще. Попрежнему еще продолжаютъ содержаться грозные съ виду арміи и флоты, высоко развитая техника еще обезпечиваетъ шансы успѣха въ борьбѣ слабо вооруженными и малокультурными противниками. Но другое дѣло, если приходится миролюбивымъ и избѣгающимъ войны гражданамъ либеральныхъ государствъ столкнуться съ противникомъ столь же хорошо вооруженнымъ и, кромѣ того, по воспитанію своему и общему строю жизни лучше подготовленнымъ къ военному режиму, не избѣгающимъ войны, а идущимъ на нее охотно какъ на высшее служеніе національной идеѣ. Но изъ области теоріи перейдемъ къ историческимъ фактамъ: мы видимъ, что, напр., греческія республики, столь культурныя и политически развитыя, были безъ труда покорены македонской монархіей, по своему полу-феодальному и полу-деспотическому строю стоявшей много ниже Эллады, не говоря уже о колоссальномъ различіи въ культурномъ уровнѣ. Позже, если еще можно говорить о большемъ развитіи личнаго начала и народной свободы у древнихъ германцевъ по сравненію съ римлянами временъ упадка имперіи, что якобы давало перевѣсъ въ дѣлѣ войны первымъ несмотря на культурное превосходство вторыхъ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы гунны отличались свободнымъ политическимъ бытомъ; однако, они были грозной военной силой какъ для германцевъ, такъ и для римлянъ. Точно также нельзя сказать, чтобы монголы, разгромившіе удѣльно-вѣчевую Русь на ряду съ Польшей и Венгріей, не говоря уже объ азіатскихъ государствахъ, по своему политическому строю стояли выше покоренныхъ ими народовъ. Въ военномъ отношеніи они несомнѣнно стояли выше, что и доказали на дѣлѣ, но именно военная организація всего ихъ общественнаго быта и дала имъ возможность создать деспотическую, военную имперію Чингисъ-хана. Равнымъ образомъ и другіе азіатскіе завоеватели—турки, Тимуръ и тимуриды и пр.—никоимъ образомъ не отличались либеральностью и гуманностью своихъ политическихъ учрежденій [1]). Наконецъ, и европейскій завоеватель—Наполеонъ, какъ извѣстно,

[1]) Современные японцы хотя и заимствовали довольно-таки ограниченную конституцію у европейцевъ, но общій строй ихъ жизни неблагопріятенъ для развитія свободной личности. Особенно характерна холодная суровость или даже

завелъ во Франціи такой режимъ, который врядъ ли былъ демократичнѣе и свободнѣе, чѣмъ у его противниковъ, несмотря на то, что ему пришлось дѣйствовать на не остывшемъ еще пожарищѣ революціи.

Обыкновенно въ примѣръ того, какъ замѣна обветшалаго монархическаго строя демократическимъ (республикой) повышаетъ боевую энергію народа, приводятъ Францію 1792—94 гг., побѣдоносно отразившую монархическую коалицію австрійцевъ и пруссаковъ. Однако, при этомъ упускаютъ изъ виду различныя обстоятельства, способствовавшія успѣху французской республики, но которыя легко могутъ оказаться отсутствующими при аналогичныхъ событіяхъ въ жизни другого народа. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить національное единство французовъ, отсутствіе на территоріи Франціи рѣзко разграниченныхъ и несходныхъ между собою народностей (какъ, напр., въ Россіи) и вслѣдствіе этого болѣе сильное національное чувство у французовъ, существовавшее у нихъ и при старомъ режимѣ. Далѣе, необходимо помнить, что и во Франціи, при всемъ ея націонализмѣ, особенно живучемъ въ XVIII в., побѣда надъ непріятелемъ была организована путемъ террора. Первыя столкновенія республиканцевъ, плохо обученныхъ и не дисциплинированныхъ, съ вымуштрованными солдатами школы Фридриха II были неудачны, были случаи паники и бѣгства. Тогда-то на городской ратушѣ Парижа распустился черный флагъ съ зловѣщей надписью: «Отечество въ опасности». Тогда Конвентъ потребовалъ отъ своихъ генераловъ: «побѣда или смерть»! За короткое время было казнено нѣсколько извѣстныхъ генераловъ, какъ, напр: Кюстинъ, Бирон, Богарне, Ушаръ, и притомъ за неудачи, не имѣвшія сами по себѣ ничего позорнаго для французскаго оружія. Ушаръ (Houchard) былъ казненъ даже послѣ побѣды (при Гондшутенѣ) за то только, что не добился окончательнаго разгрома и уничтоженія противника. Не всякая республика можетъ предъявить къ своимъ полководцамъ такую требовательность и непреклонность. Не у всякой затѣмъ республики непремѣнно появится такой талантливый военный министръ, какъ Карно, такая многочисленная плеяда талантливыхъ генераловъ, какъ Гошъ, Журданъ, Моро, Жуберъ, Массена и другіе. Появленіе военныхъ талантовъ такъ же, какъ и всякихъ другихъ, вовсе не можетъ быть пріурочено къ тому или другому политическому или экономическому режиму. Нельзя, напр., утверждать, что способные полководцы могутъ сдѣлать себѣ карьеру только при республиканскомъ режимѣ. Явнымъ противорѣчіемъ являются примѣры Суворова, ранѣе Морица Саксонскаго, Евгенія Савойскаго, Тюренна, Валленштейна и проч. Можно только сказать, что вообще у на-

---

жестокость уголовной репрессіи японцевъ. На о. Формозѣ за 7 лѣтъ японцами было казнено 3443 осужденныхъ; въ самой Японіи за 9 лѣтъ было казнено 384 осужденныхъ. И это въ совершенно мирное, не революціонное время.

родовъ малокультурныхъ, отсталыхъ въ техническомъ и умственномъ отношеніи, военныя силы плохо организованы, низкопробны по своему составу и подготовкѣ, причемъ войска эти могутъ быть и республиканскія (Южная Америка) и императорскія (Китай и др.).

Организація арміи, ея вооруженіе и характеръ находятся, конечно, въ извѣстной зависимости отъ общаго положенія дѣлъ въ странѣ, отъ ея развитія въ экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніи. Но затѣмъ необходимо помнить, что какъ война сама по себѣ, такъ и постоянная армія, есть явленіе регрессивнаго порядка съ этической жизни народовъ. Поэтому-то съ развитіемъ демократіи постоянно связано стремленіе къ замѣнѣ постоянной арміи—милиціей, къ ограниченію и уменьшенію по возможности численности вооруженныхъ силъ. Величайшая демократія нашего времени—С.-Американская республика—въ мирное время содержитъ лишь ничтожную армію и фактически перешла къ милиціонной или волонтерной системѣ. Страна наиболѣе старинной политической свободы—Англія—никогда не имѣла и теперь не вводитъ системы общей воинской повинности, несмотря на доказанную недостаточность и малонадежность ея вербовочной или наемной арміи. Только континентальныя государства Европы, подъ вліяніемъ милитаристской Пруссіи, стонутъ подъ бременемъ огромныхъ народныхъ армій, которыя они сами, однако, боятся пустить въ дѣло, опасаясь самыхъ неожиданныхъ и непріятныхъ сюрпризовъ. Эти огромныя арміи лежатъ мертвымъ грузомъ не только на экономическомъ развитіи народовъ, но и еще болѣе на возможности ихъ политической трансформаціи, такъ какъ понятно, что постоянная армія является превосходнымъ оружіемъ въ рукахъ всякаго правительства для подавленія «внутреннихъ враговъ». Эти полицейскія функціи арміи имѣютъ очень серьезное историческое значеніе, и ихъ нельзя игнорировать при изученіи исторіи революціонныхъ движеній. Нерѣдко вооруженныя силы одной страны играютъ роль «блюстителя порядка» не только въ своей, но даже и въ чужой странѣ, какъ, напр., русскія войска въ Венгріи 1849 г., австрійскія въ Италіи или французскія войска въ Испаніи 1823 г. Послѣдній случай особенно поразителенъ: французская армія, незадолго передъ тѣмъ проходившая съ побѣднымъ кличемъ свободы по всѣмъ европейскимъ столицамъ, при реставраціи Бурбоновъ служила гасильникомъ освободительнаго движенія въ родственной Испаніи, куда и теоріи либерализма были занесены изъ Франціи же.

Что касается самой Франціи, то въ ея революціонной исторіи роль арміи несомнѣнно выдающаяся, какъ видно изъ самаго бѣглаго обзора общеизвѣстныхъ фактовъ. Сочувственное отношеніе арміи къ инсуррекціонному движенію въ началѣ революціи (напр., при взятіи Бастиліи, которая и была взята благодаря участію въ осадѣ регулярныхъ войскъ) имѣло величайшее значеніе для всего дальнѣйшаго хода событій. Далѣе, созданіе

національной гвардіи, организація городской милиціи, давъ вооруженныя силы въ руки оппозиціонныхъ партій, обусловило окончательное паденіе монархіи и переходъ власти въ руки республиканцевъ. Затѣмъ реформированная Конвентомъ армія спасла Францію отъ иноземнаго нашествія и даже далеко раздвинула предѣлы прежней монархіи, заставивъ признать «естественной границей» Франціи лѣвый берегъ Рейна. Какъ извѣстно, республика, начавъ съ оборонительной, перешла затѣмъ въ наступательную войну, уже не вызывавшуюся необходимостью защиты. Система реквизицій (всеобщаго набора) взамѣнъ дореформенной вербовки или рекрутчины дала въ руки Конвента сравнительно огромную армію, превосходившую числомъ австрійскую и прусскую арміи, вербовавшіяся по старой системѣ. Въ концѣ 1793 г. у французовъ было подъ ружьемъ 642000 чел. [1]). Хотя не всѣ эти силы могли быть сразу употреблены въ дѣло, но, во всякомъ случаѣ, Австрія и Пруссія, вмѣстѣ взятыя, не могли выставить большей арміи. Этимъ численнымъ превосходствомъ въ значительной мѣрѣ и объясняются первоначальные успѣхи республиканскихъ войскъ. Республиканскіе генералы, подгоняемые страхомъ передъ грознымъ Конвентомъ, не жалѣли своихъ солдатъ, и тѣ, въ свою очередь, воодушевляемые французскимъ entrain, не останавливались передъ непріятельскими укрѣпленіями. За 1792—800 г., т.-е. за годы республиканскаго управленія, было призвано подъ ружье 2080000 чел., изъ нихъ погибло на войнѣ—720000 или больше трети [2]). Въ то же время вожди Конвента инстинктивно не довѣряли арміи и опасались растущаго престижа отдѣльныхъ генераловъ. Измѣна Дюмурье естественно поддерживала это недовѣріе и опасеніе. Сенъ-Жюстъ говорилъ Бареру: «не муссирой такъ побѣды арміи, слѣдуетъ опасаться ея вмѣшательства во внутреннюю политику». И Конвентъ, и Директорія принимали соотвѣтственныя мѣры, чтобы ослабить эту возможность вмѣшательства арміи въ политику. За генералами строго слѣдили особые комиссары; назначеніе одного главнокомандующаго надъ всѣми французскими арміями (бельгійской, рейнской, итальянской, и т. д.) старательно избѣгалось; но, какъ извѣстно всѣ эти мѣры не отвратили неизбѣжнаго.

Дѣйствительно, огромная армія, при наличности не окрѣпшаго и не пользующагося особымъ авторитетомъ правительства, каковымъ была, напр., Директорія въ концѣ XVIII в., представляетъ величайшую политическую опасность въ смыслѣ возможности неожиданнаго переворота, французскаго coup d'état или испанскаго пронунціаменто. Хотя армія и составляетъ часть

---

[1]) Позже это число было доведено до 850000. Для того времени это была громадная цифра. Королевская армія XVIII вѣка не превышала 150—200000 даже на военномъ положеніи, притомъ же разбросанная по всей французской территоріи.

[2]) Lavisse et Rambaud, «Histoire générale», t. VIII.

того же народа, противъ котораго ее нерѣдко направляютъ, но, во всякомъ случаѣ, это часть, совершенно обособленная, находящаяся въ исключительной обстановкѣ крайней іерархической подчиненности и дисциплины, неизвѣстной остальному населенію. При мало-мальской популярности ея вождей (преимущественно, конечно, послѣ внѣшнихъ побѣдъ, но иногда и помимо нихъ), имъ не трудно, въ случаѣ замѣшательства и ослабленія центральнаго правительства, воспользоваться своей популярностью для водворенія военной диктатуры въ своихъ личныхъ цѣляхъ или въ цѣляхъ поддержки желательнаго имъ лица или партіи. Конечно, внѣшніе успѣхи создаютъ наилучшую для военнаго переворота обстановку, подготовляя благопріятную почву не только въ арміи, но и въ менѣе культурной части народа. Такимъ образомъ, побѣдъ Наполеона хватило не только на созданіе имперіи для него самого, но и для его племянника, который не выдавался никакими личными заслугами. Конечно, наше время далеко не такъ благопріятно для преклоненія передъ милитаризмомъ, какъ то было назадъ тому сто лѣтъ, но все-таки нельзя сказать, чтобы роль арміи, въ томъ видѣ какъ она теперь существуетъ, существенно измѣнилась за послѣднее время, несмотря на растущее нерасположеніе къ милитаризму. Въ случаѣ тяжелыхъ внѣшнихъ или междоусобныхъ войнъ армія и ея вожди могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ рѣшающее значеніе въ судьбахъ того или другого государства.

Есть страны, въ которыхъ долгое время почти вся политическая жизнь народа находилась въ зависимости или въ связи съ тѣми или другими движеніями въ арміи. Наиболѣе извѣстный примѣръ представляетъ Испанія, а равно почти всѣ испано-американскія или латинскія республики, бывшія испанскія колоніи. Въ самой Испаніи роль войска какъ политическаго фактора страны настолько общеизвѣстна, что испанское слово pronunciamiento (провозглашеніе) стало нарицательнымъ именемъ всякаго вообще политическаго переворота, производимаго арміей или при ея главномъ участіи. Говоря о воздѣйствіи арміи на внутреннюю политику, мы могли бы коснуться преторіанскихъ заговоровъ или дворцовыхъ переворотовъ русской имперіи XVIII в., но они происходили въ замкнутомъ кругѣ приближенныхъ ко двору тѣлохранителей. Испанскія пронунціаменто интереснѣе, потому что происходятъ хотя и въ малокультурной странѣ, но въ сравнительно уже недавнюю эпоху (XIX в.) и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ политическихъ идей, въ связи съ общими политическими движеніями въ народѣ. Съ другой стороны, и французскіе перевороты (coups d'état) Наполеона I и Наполеона III можно разсматривать какъ пронунціаменто, хотя французы и избѣгаютъ этого названія въ своей исторіи. Въ самой Испаніи преобладающая роль арміи въ политической жизни страны создалась благодаря тому, что, во время наполеоновскихъ войнъ, испанская армія была

почти единственнымъ слоемъ населенія, тѣсно соприкасавшимся съ представителями болѣе культурныхъ и политически-развитыхъ странъ, каковыми были французы въ качествѣ враговъ и англичане — въ качествѣ союзниковъ. Это общеніе съ французами и англичанами поставило испанскую армію въ болѣе благопріятныя условія умственнаго развитія по сравненію съ остальнымъ, въ особенности сельскимъ населеніемъ, прозябавшимъ подъ гнетомъ абсолютизма и суевѣрнаго католичества въ нищетѣ и невѣжествѣ. Исключеніе составляли только болѣе промышленныя и сравнительно болѣе зажиточныя приморскія, окраинныя провинціи—Каталонія, Валенція, Андалузія и Галиція. Обыкновенно революціонное броженіе и охватывало эти провинціи вмѣстѣ съ движеніемъ въ арміи. Внутреннія провинціи (объ Кастиліи, Эстремадура и пр.) обыкновенно участія въ возстаніяхъ не принимали. Баски въ горахъ, опасаясь, что либеральное правительство отниметъ у нихъ средневѣковые фуэросы (льготы или привилегіи), стояли на сторонѣ претендента, обѣщавшаго возстановленіе стараго режима (карлисты).

Эра пронунціаменто продолжалась въ Испаніи болѣе 50 лѣтъ съ 1820 до половины семидесятыхъ годовъ. Было бы, конечно, утомительно передавать всѣ подробности этихъ безпрерывныхъ взрывовъ, возстаній, междоусобныхъ войнъ и настоящихъ революцій, перемежавшихся длительными періодами реакціи, военной диктатуры или господства камарильи (также характерное испанское словечко) и духовенства. Стоитъ, однако, остановиться на революціонномъ періодѣ 1868—1874 г., какъ наиболѣе характерномъ и давшемъ всѣ фазы спеціально испанской революціи, въ параллель великой французской. Испанія представляетъ для насъ интересъ еще и въ томъ отношеніи, что по условіямъ своего культурнаго и политическаго развитія ближе подходитъ къ Россіи, чѣмъ Франція даже конца XVIII ст. Франція и до революціи уже играла выдающуюся роль въ Европѣ не по военному своему могуществу (какъ Россія), а какъ культурная сила перваго ранга, стоявшая по умственному, напр., развитію значительно выше тогдашней Германіи. Россія такой роли никогда не играла. Какъ въ умственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи мы всегда шли за Европой, а не впереди нея. Но такова же была и роль Испаніи въ послѣдніе два вѣка. Разница только въ томъ, что мы живемъ надеждами на будущее, а испанцы—воспоминаніями о славномъ прошломъ, но настоящее у обоихъ одинаково плохо. Правда, испанцы—второстепенная держава, но вѣдь если бы ихъ было не 19, а 100 милліоновъ, они тоже представляли бы собою внушательную величину, можетъ-быть, даже болѣе могущественную, чѣмъ современная Россія, такъ какъ матеріальные ихъ рессурсы все-таки лучше нашихъ.

Шестидесятые годы въ Испаніи были періодомъ реакціи [1]), Прави-

[1]) Подробности см., между прочимъ, у Сеньобоса, «Политич. исторія Европы»

тельство королевы Изабеллы стремилось отвлечь вниманіе испанцевъ отъ состоянія внутреннихъ дѣлъ въ сторону внѣшней политики (обычный пріемъ реакціонныхъ и бездарныхъ правительствъ). Были затѣяны рискованыя авантюры въ родѣ войны съ Марокко, обратнаго завоеванія о. Санъ-Доминго и пр. Всѣ эти авантюры окончились неудачно для Испаніи, дефицитъ возросъ въ ужасающемъ размѣрѣ, а вмѣстѣ съ нимъ возросло и народное негодованіе. Образовались демократическія республиканскія партіи въ Каталоніи, Валенціи и Андалузіи. Въ войскахъ началось обычное броженіе. Первыя попытки пронунціаменто были неудачны. Правительство объявило осадное положеніе и фактически прибѣгло къ военной диктатурѣ. Это было масло въ огонь. Адмиралъ Топете, генералы Примъ и Серрано въ 1868 г. объявили пронунціаменто при общихъ крикахъ: долой Бурбоновъ! да здравствуетъ народный суверенитетъ! Правительственныя войска были разбиты, Изабелла бѣжала во Францію. Были созваны учредительные кортесы, которые составили конституцію (1869), вводившую въ Испаніи демократическую или парламентарную монархію. Въ первый разъ въ Испаніи была провозглашена свобода вѣроисповѣданія. Однакоже, Арагонія, Каталонія и Валенція высказались за федеральную республику. Съ своей стороны, духовенство и приверженцы стараго режима (карлисты) объявили жестокую войну временному правительству (подъ предсѣдательствомъ Прима и Серрано). Примъ цѣлый годъ отыскивалъ короля для Испаніи, предлагалъ корону сыну португальскаго короля, старшему сыну итальянскаго короля, принцу Гогенцоллернъ-Зигмарингену (изъ-за чего, между прочимъ, вспыхнула франко-прусская война): всѣ отказались. Наконецъ, второй сынъ Виктора-Эмануила—Амедей—согласился принять малособлазнительную корону. Но, когда онъ явился въ Испанію, Примъ былъ убитъ, и, такимъ образомъ, молодой король лишился поддержки вліятельнаго человѣка. Противъ Амедея были и республиканцы, и двѣ монархическихъ партіи—карлисты и уніонисты. Вообще всѣ патріоты были недовольны иностраннымъ происхожденіемъ короля. Въ кортесахъ (парламентѣ) не могло образоваться правительственнаго большинства, въ полгода смѣнилось три министерства. Образовалась еще новая партія — альфонистовъ, въ пользу сына Изабеллы Альфонса.

Амедей, видя безвыходность своего положенія, отрекся отъ престола. Кортесы провозгласили республику (1873 г.). Республиканцы раскололись на двѣ партіи—централистовъ и федералистовъ. Послѣдніе одержали верхъ: Испанія была раздѣлена на автономные штаты. Радикалы-испанцы при встрѣчѣ говорили другъ другу: Salud y republica federal! (Поздравляю, федеральная республика). Однакоже, федеральный режимъ повелъ къ анархическому броженію. Федерализмъ переходилъ въ кантонализмъ и полную обособленность отдѣльныхъ коммунъ. Противъ союзнаго правительства

вспыхнуло возстаніе въ Севильѣ, Малагѣ, Кадиксѣ, Алькоѣ, Картагенѣ. Центральное правительство провозгласило военную диктатуру. Генералъ Павіа, мадридскій губернаторъ, разогналъ кортесы, затѣмъ передалъ власть генералу Серрано, какъ президенту исполнительной власти, проще сказать, военному диктатору. Возставшіе города, одинъ за другимъ, были покорены тѣмъ же генераломъ Павіа, причемъ Картагена сдалась только послѣ формальной осады. Между тѣмъ, военная диктатура Серрано не пришлась никому особенно по вкусу. Большинство генераловъ и офицеровъ рѣшило примкнуть къ альфонистамъ. Пронунціаменто въ Мурвіедро (генералъ Мартинецъ Кампосъ) провозгласило королемъ Испаніи Альфонса XII. Такимъ образомъ, окончилось существованіе эфемерной испанской республики, и вновь вернулось конституціонное королевство умѣреннаго типа, правда съ большими конституціонными гарантіями, чѣмъ во времена Изабеллы, но все-таки представляющее довольно неустойчивый компромиссъ между разнородными теченіями. Свобода вѣроисповѣданія, напр., не была гарантирована конституціей 1876 г., и открывшіяся-было протестантскія церкви и школы, по настоянію католическаго духовенства, были закрыты, такъ какъ право общественнаго богослуженія было признано за однимъ католичествомъ.

Изъ этого бѣглаго обзора испанскихъ событій 1868—74 гг. мы ясно видимъ, какую политическую роль играла армія въ революціонномъ движеніи этой эпохи; революція была начата и закончена военнымъ пронунціаменто. Хотя отдѣльные классы населенія и принимали живѣйшее участіе за или противъ революціи, и борьба партій достигала высокой степени напряженія, но хозяевами положенія, въ концѣ-концовъ, оказались военные, и послѣднее слово осталось за военной диктатурой. Но каждому шагу встрѣчаются только имена генераловъ: Примъ, Серрано, Павіа, Мартинесъ Кампосъ. Исторія испанской революціи оказывается въ сущности исторіей испанскихъ генераловъ. На это можно замѣтить, что это явленіе мѣстное, не имѣющее общаго значенія. Но замѣчаніе это вѣрно только отчасти. Въ Испаніи значеніе вооруженныхъ силъ страны выступаетъ только въ наиболѣе обнаженномъ видѣ, какъ обнажаются, напр., мѣловые или юрскіе пласты только по обрывамъ вдоль рѣкъ, хотя пласты эти простираются на огромное пространство вглубь страны подъ верхними наносными слоями. Не даромъ Паульсенъ [1]) говоритъ: «Въ Пруссіи армія составляетъ существенную часть (ein wichtiges Stück) государственнаго цѣлаго. Вѣрность армій—есть основной столпъ, на которомъ держится зданіе государственнаго устройства». Но то же самое можно сказать и про другія европейскія государства, помимо Пруссіи. Отличіе Испаніи состоитъ только въ томъ, что тамъ этотъ «основной столпъ государственнаго зданія» оказывается

[1]) «System der Ethik. Staatsform».

мало устойчивымъ, болѣе подвижнымъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Поэтому-то конституція 1876 г. въ ст. 13 устанавливаетъ особыя правила для военныхъ, очевидно въ цѣляхъ предупрежденія пронунціаменто: «Право петицій не можетъ быть коллективно осуществляемо ни одной военной частью. Входящіе въ составъ вооруженныхъ силъ могутъ лично осуществлять право петицій лишь въ согласіи со спеціальными военными законами». Дѣйствительно, съ 1876 г. въ Испаніи не было больше пронунціаменто, но зато не было и вообще серьезныхъ общественныхъ движеній. Даже несчастная война съ Америкой и потери колоніальныхъ владѣній не вызвали особыхъ измѣненій въ государственной жизни страны, если не считать мѣстныхъ волненій въ Каталоніи на сепаратистской почвѣ. Крайнія партіи соціалистическаго и анархическаго характера въ Испаніи довольно многочисленны, но о дѣятельности ихъ сравнительно мало извѣстно. Во всякомъ случаѣ, осуществить какой-либо государственный переворотъ эти партіи, повидимому, не въ состояніи.

Что касается Россіи, то здѣсь мы имѣемъ типичный случай пронунціаменто [1]) — это 14 декабря 1825 г. И по времени это движеніе близко подходитъ къ испанскому освободительному движенію, начатому въ войскахъ (1820—23), и по однородности условій, которыя вызвали попытку либеральной инсуррекціи именно въ войскахъ. Именно какъ испанскія, такъ и русскія войска, въ лицѣ наиболѣе образованныхъ своихъ офицеровъ, благодаря эпохѣ наполеоновскихъ войнъ, ближе всего имѣли случай ознакомиться и воочію убѣдиться въ превосходствѣ конституціоннаго режима надъ автократическимъ. Правда, что затѣмъ Испанія и Россія пошли разными дорогами, и пронунціаменто послѣ 1825 г. у насъ не повторялись. Армія стала у насъ, какъ и въ Пруссіи, тѣмъ Grundpfeiler, на которомъ держится государственное зданіе. Но это, конечно, только подчеркиваетъ ея значеніе. Пронунціаменто не всегда имѣетъ оппозиціонный характеръ: провозглашеніе абсолютной вѣрности данному режиму есть тоже своего рода пронунціаменто, извѣстное исповѣданіе вѣры. Наконецъ, въ послѣднемъ движеніи 1905 г. передъ нашими глазами прошелъ цѣлый рядъ, правда, неудачныхъ, но весьма характерныхъ попытокъ пронунціаменто, имѣющихъ большую аналогію съ испанскими. Главное отличіе состоитъ, однако, въ томъ, что въ Испаніи пронунціаменто совершаются обыкновенно при участіи генераловъ или старшихъ офицеровъ, у насъ же только рядовыми при незначительномъ участіи младшихъ офицеровъ и отчасти пришлаго невоеннаго элемента.

---

[1]) Возстанія Разина и Пугачева можно также разсматривать какъ своеобразныя казачьи пронунціаменто, увлекшіе за собою и народныя массы. Къ типу пронунціаменто относятся также стрѣлецкіе бунты XVII и дворцовые перевороты XVIII вв.

Это отличіе существенно въ томъ отношеніи, что отъ него зависѣла и неудача всѣхъ инсуррекціонныхъ попытокъ. Дѣйствія военныхъ инсургентовъ тогда только могутъ быть успѣшны, когда направляются опытной, привычной въ командованіи силой, организованы вообще по типу правильнаго веденія формальной войны. Безпорядочныя выступленія хаотическихъ кучекъ солдатъ, безъ опредѣленной организаціи и командующаго состава, заранѣе обречены на неудачу. То же можетъ быть сказано и относительно инсуррекцій націоналистическихъ съ цѣлью освобожденія отъ чужого владычества. Онѣ имѣютъ шансы на успѣхъ при наличности правильно организованныхъ вооруженныхъ силъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда силы центральнаго правительства отвлечены въ сторону неудачной войны или ослаблены внутренними смутами. Возстаніе Польши въ 1831 г. имѣло крайне серьезный характеръ и, при болѣе благопріятной для Польши политикѣ европейскихъ державъ, имѣло бы извѣстные шансы на успѣхъ, такъ какъ у поляковъ была хорошо вооруженная и дисциплинированная армія. Но возстаніе 1863 г. было безнадежнымъ предпріятіямъ: отдѣльныя банды повстанцевъ, плохо вооруженныя, лишенныя единства, были легко разсѣяны и уничтожены.

Говоря о пронунціаменто и военныхъ возстаніяхъ, нельзя пройти молчаніемъ южно-американскія республики: это рай честолюбивыхъ генераловъ, ихъ постоянныя революціи и волненія вошли въ поговорку. Мы остановимся только на одномъ примѣрѣ, но очень характерномъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь идетъ рѣчь не объ испано-американскомъ, а о негритянскомъ населеніи, стоящемъ, слѣдовательно, на еще низшемъ культурномъ уровнѣ, но, тѣмъ не менѣе, пользующемся преимуществами республиканскаго режима. Мы имѣемъ въ виду республику чернокожихъ—Гаити на островѣ того же имени или Санъ-Доминго. На островѣ двѣ республики — негритянская (Гаити) и мулатская (С.-Доминго). Насъ болѣе интересуетъ первая, такъ какъ здѣсь именно мы встрѣчаемъ рѣдкій примѣръ чрезвычайно быстраго и рѣзкаго перехода отъ рабовладѣльческаго режима къ республиканскому строю среди бывшихъ рабовъ. Между тѣмъ, исторія этихъ интересныхъ рабовъ-республиканцевъ у насъ очень мало извѣстна.

Исторія республики Гаити уже довольно давняя. Освободительное движеніе среди негровъ началось еще въ эпоху великой французской революціи. До революціи въ населеніи французской (западной) части острова [1]) различались три основныхъ класса: плантаторы (grands blancs), мелкая буржуазія, городскіе ремесленники и пр. (petits blancs), къ нимъ примыкали и мулаты въ качествѣ слугъ, смотрителей и т. д., и, наконецъ, негры-

[1]) Восточная половина принадлежала испанцамъ; теперь она образуетъ республику Санъ-Доминго.

рабы, составлявшіе до семи восьмыхъ населенія острова. Освободительныя идеи революціи были занесены въ колоніи черезъ посредство «малыхъ» бѣлыхъ, т.-е. мелкой буржуазіи, революціонно настроенной противъ плантаторовъ. Благодаря имъ и при помощи мулатовъ, зашевелились и негры. Политическая борьба вскорѣ приняла соціальный и расовый характеръ. Черные начали вырѣзать бѣлыхъ поголовно [1]), безъ различія ихъ политическихъ убѣжденій. Мулаты присоединились къ чернокожимъ. Такъ какъ наиболѣе вліятельная группа бѣлыхъ (плантаторы) была противъ республики, то конвентъ принялъ сторону негровъ. Притомъ же, конечно, и принципы политической свободы не позволяли членамъ конвента сохранять рабство въ колоніяхъ. Именно по этому поводу Ребеспьеръ замѣтилъ: «пусть лучше мы лишимся колоній, если ихъ удержаніе связано съ ущербомъ для нашей чести, нашего достоинства и нашей свободы». Негры были освобождены и получили политическія права. Номинально они числились католиками, и общепринятый языкъ былъ французскій. Ихъ главный вождь Туссянъ-Лувертюръ былъ признанъ Директоріей главнокомандующимъ войсками С.-Доминго (т.-е. чернокожей милиціей). Плантаторы бѣжали, однакоже, Т.-Лувертюръ выказалъ себя искуснымъ администраторомъ и успокоилъ колонію, бывшую въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣстомъ погромовъ и пожаровъ. Возможно было еще поддержаніе связи съ метрополіей на условіяхъ автономіи острова, но Наполеонъ рѣшилъ подавить возстаніе негровъ и возстановить рабство. Былъ посланъ цѣлый корпусъ для обратнаго завоеванія колоніи. Негры защищались отчаянно. Желтая лихорадка помогла имъ, равно и англичане, бывшіе въ войнѣ съ Франціей. Въ 1803 г. изъ 35000 французскаго экспедиціоннаго отряда осталось только 8000, которые и сдались англичанамъ. Наполеонъ, потерявъ господство на морѣ, не могъ уже мечтать о реваншѣ надъ чернокожими. Въ 1804 г. негры провозгласили свою независимость и учредили республику (причемъ и было возстановлено туземное названіе острова—Гаити).

Вновь образовавшаяся республика бывшихъ рабовъ въ своей исторіи представляетъ иногда курьезныя черты внѣшняго сходства съ исторіей Франціи. Очевидно, примѣръ бывшей метрополіи все еще продолжалъ обаятельно дѣйствовать на воображеніе освободившихся негровъ. Первый же президентъ новой республики, черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ ея основанія, провозгласилъ себя «императоромъ», очевидно, въ подражаніе Наполеону I. Этотъ чернокожій императоръ былъ вскорѣ убитъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ появился новый, подъ именемъ Анри (Henri), который, въ подражаніе кодексу Наполеона, издалъ и свой Code Henri и удржалъ, между прочимъ,

[1]) На о. Гаити смѣнились три расы: бѣлые (испанцы) вырѣзали желтыхъ, черные истребили и изгнали бѣлыхъ.

въ своихъ владѣніяхъ рабство. Однако, и этому императору пришлось покончить самоубійствомъ. Еще курьезнѣе исторія третьяго гаитянскаго императора—Фостена Сулукъ (Soulouque). Онъ былъ современникомъ Наполеона III, и его карьера представляетъ какую-то до странности похожую пародію или каррикатуру на Наполеона «малаго», тѣмъ болѣе, что Сулукъ началъ и окончилъ раньше французскаго императора. Въ свое время оппозиціонные бульварные листки въ Парижѣ такъ именно и называли Наполеона III—Soulouque. Фостенъ Сулукъ былъ выбранъ въ президенты гаитянской республики почти одновременно съ Луи-Наполеономъ, послѣ бурнаго, анархическаго періода, но императоромъ онъ объявилъ себя раньше Наполеона еще въ 1849 и тотчасъ же сталъ преслѣдовать «имперіалистскую» политику, стремясь завоевать, во что бы то ни стало, восточную республику Санъ-Доминго, Однако, мулаты три раза въ трехъ войнахъ на голову разбили «императорскія» войска. Противъ неудачнаго императора (который уже успѣлъ окружить себя «роскошнымъ» дворомъ и пр.) вспыхнуло возстаніе. Сулукъ долженъ былъ бѣжать къ англичанамъ на Ямайку (1859) и умеръ въ изгнаніи.

Вообще, исторія республики Гаити—грѣха таить нечего—есть сплошной разсказъ о безконечныхъ возстаніяхъ, междоусобныхъ войнахъ, убійствахъ и т. д. «Конституція» въ теченіе столѣтія измѣнялась 16 разъ (во Франціи съ цезаристскими измѣненіями—15 разъ). Пронунціаменто были необыкновенно часты. Армія, хотя немногочисленная, конечно, но, по испанскому образу, полная генераловъ (на 650 чел. гвардіи, напр., приходится десять генераловъ), была главною зачинщицею революцій и возстаній. Роковое значеніе для республики имѣло то обстоятельство, что, еще въ эпоху освобожденія острова отъ французскаго владычества, политическая власть сосредоточилась въ рукахъ военныхъ вождей, предводителей милиціи черножихъ отчаянно боровшихся за свою свободу противъ бѣлыхъ, но не сумѣвшихъ гарантировать себя отъ послѣдствій захвата власти ихъ же собственными генералами. Въ особенности печально отразилось это положеніе вещей на земельномъ вопросѣ, неудовлетворительное разрѣшеніе котораго и составило главную причину смутъ и волненій, наполняющихъ всю исторію негритянской республики.

До революціи на островѣ существовала только крупная земельная собственность—плантаторская. Послѣ насильственной экспропріаціи плантаторовъ и ихъ бѣгства—вожди тѣхъ милиціонныхъ группъ, которыя естественно формировались изъ рабовъ каждой плантаціи, сумѣли повернуть дѣло такъ, что конфискованныя земли были признаны ихъ собственностью. Республиканское (или «императорское») правительство, состоящее изъ тѣхъ же милиціонныхъ предводителей или «генераловъ», выдало имъ концессіи на право владѣнія бывшими плантаціями, и, такимъ образомъ, режимъ крупной

земельной собственности остался неприкосновеннымъ. Негры, превратившись изъ рабовъ въ политическихъ гражданъ-республиканцевъ, очутились на дѣлѣ безземельными рабочими и должны были идти въ кабалу къ своимъ же братьямъ-мулатамъ и чернокожимъ «генераламъ». Новая земельная аристократія оказалась чрезвычайно ревнивой къ сохраненію своихъ привилегій и запретила даже продажу земли участками менѣе 25 гекторовъ съ цѣлью предупредить развитіе мелкаго землевладѣнія. Только въ 1883 г. вышелъ законъ о надѣленіи $1^1/_2$ гекторами казенной земли отдѣльныхъ фермеровъ съ обязательствомъ воздѣлывать растенія, составляющія предметъ вывоза (кофе). Но частныя земли крупныхъ собственниковъ остаются неприкосновенными.

Понятно, что при такомъ положеніи вещей большинство негровъ въ сущности мало выиграло отъ учрежденія республики и сельскіе рабочіе и половники, находящіеся въ условіяхъ эксплуатаціи и нищеты, немногимъ отличающихся отъ эпохи рабства, представляютъ всегда готовый революціонный матеріалъ для всѣхъ, кто желаетъ имъ воспользоваться. Гаити находится въ состояніи длящагося соціальнаго кризиса. Жакеріи (возстаніе сельскихъ рабочихъ)—эндемическое явленіе. Страна постоянно наводнена «пикетами»—бандами крестьянъ, вооруженными пиками, которые нападаютъ на крупныхъ помѣщиковъ и, въ свою очередь, разстрѣливаются регулярными войсками. Небольшимъ утѣшеніемъ для безземельныхъ негровъ является изданное правительствомъ запрещеніе бѣлымъ владѣть землею, покупать и пріобрѣтать земельные участки въ предѣлахъ республики Гаити. Это исключеніе бѣлаго элемента изъ класса землевладѣльцевъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только то, что сельская культура на островѣ находится въ застоѣ и не прогрессируетъ.

Вообще, экономическое положеніе негритянской республики, при ея соціальной неурядицѣ и постоянныхъ политическихъ смутахъ, довольно печально. До революціи это была богатѣйшая французская колонія, одна доставлявшая Европѣ все то количество сахара и хлопка, которое потреблялось въ то время. Теперь вывозная торговля Гаити не составляетъ и четвертой части ея вывоза въ XVII в. Плантаціи сахарнаго тростника, хлопка и индиго, какъ напоминающія ненавистныя времена рабства, заброшены. Только въ послѣднее время стали воздѣлывать кофе для вывоза въ виду большей легкости работъ на кофейныхъ плантаціяхъ; но и то обработка его ведется плохо, нѣтъ хорошихъ машинъ и ирригаціи. Вообще земледѣльческая техника самая жалкая. Обрабатывающей промышленности почти не существуетъ, желѣзныхъ дорогъ нѣтъ (территорія Гаити почти равна Бельгіи, жителей около $1^1/_2$ милліона), пути сообщенія примитивны, мосты не чинятся, дома даже въ городахъ выстроены кое-какъ, улицы всюду немощеныя, грязныя и кривыя. Конечно, и умственное развитіе населенія под[illegible]

его культурной отсталости. Двѣ трети населенія неграмотны (это напоминаетъ что-то родное), на каждаго жителя приходится въ среднемъ одно письмо въ 2 года. Благодатный климатъ, легкость добыванія пищи (достаточно полчаса работы въ день чтобы добыть нужное для личнаго потребленія количество муки маніока [1]), не развиваютъ особаго трудолюбія среди негровъ, отъ природы безпечныхъ. Номинально они католики, имѣются архіепископъ и 3 епископа, но сельское населеніе практикуетъ и полузабытые африканскіе обряды шаманства и фетишизма. Одно время возстановился даже древній культъ поклоненія змѣямъ (культъ Воду), которымъ приносили въ жертву не только животныхъ, но иногда и дѣтей. Однако, республиканскіе «генералы», узнавъ про такое отступленіе отъ европейской цивилизаціи, строго запретили змѣиный культъ, причемъ для примѣра немалое число поклонниковъ Воду было предано смертной казни.

Надо отдать справедливость негритянскимъ генераламъ и гаитянской интеллигенціи вообще: они изъ силъ выбиваются, чтобы показать бѣлымъ, что они «не лыкомъ шиты», и все у нихъ «какъ у людей». Послѣдняя гаитянская конституція (1889) скопирована (какъ, впрочемъ, и предыдущія) съ С.-Американской конституціи. Населенію гарантированы всѣ политическія свободы. Введена всеобщая подача голосовъ. Страна управляется палатой общинъ и сенатомъ, избираемымъ изъ депутатовъ нижней палаты. Имущественныя отношенія нормируются по французскому гражданскому кодексу. Въ городскихъ классахъ и земельной аристократіи ясно замѣчается стремленіе блеснуть европейскимъ образованіемъ. Имѣются пять гимназій и даже въ 1846 г. былъ открытъ университетъ, о дѣятельности котораго, впрочемъ, мало что извѣстно. Молодые люди изъ мѣстныхъ аристократовъ нерѣдко ѣздятъ во Францію набраться хорошихъ манеръ и свѣтскаго лоска. Имѣется и гаитянская литература (на французскомъ языкѣ), къ которой французы относятся съ покровительственнымъ одобреніемъ. Однимъ словомъ, негры въ общемъ показали все-таки, что они могутъ образовать самостоятельное свободное государство и управляться въ немъ, пожалуй, не хуже испано-американцевъ. Но главнымъ зломъ ихъ республики является чудовищный перевѣсъ военнаго элемента и тѣсно связанной съ нимъ земельной аристократіи. До сихъ поръ въ Гаити преобладали политическіе мотивы революціи, борьба генераловъ изъ-за власти, но теперь, при возможности проникновенія и развитія среди негровъ соціализма, республикѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстоитъ грандіозный соціальный кризисъ.

Мы остановились такъ долго на маленькой негритянской республикѣ, потому, что на ея примѣрѣ ясно виденъ отрицательный характеръ военныхъ пронунціаменто и захвата власти военнымъ элементомъ. При этомъ не-

[1]) Мѣстное растеніе, изъ котораго приготовляется мука для хлѣба.

избѣжно изъ вождей арміи формируется аристократическій классъ, который всею своей тяжестью обрушивается на плечи рабочихъ классовъ, играющихъ роль пьедестала для возникновенія изъ ихъ же собственной среды новаго класса господъ. Нѣчто подобное было и въ Россіи, именно въ средѣ малорусскаго казачества. Послѣ сверженія польскаго владычества и присоединенія къ Москвѣ, казацкіе эсаулы и сотники не замедлили возвести себя въ дворянское сословіе (какъ этого они всячески домогались и при польскихъ королякъ) и добились права владѣть крѣпостными наравнѣ съ русскими помѣщиками. На Украйнѣ создался крѣпкій классъ помѣщиковъ-рабовладѣльцевъ изъ служилаго сословія, ранѣе не имѣвшаго правъ собственности ни на землю, ни на рабочія руки. Конечно, это фактъ отдаленнаго прошлаго, и въ будущемъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи врядъ ли можетъ повториться подобное явленіе. Но, во всякомъ случаѣ, преобладаніе военнаго элемента въ политической жизни страны въ томъ или другомъ отношеніи непремѣнно вноситъ дисгармонію, разладъ во внутреннія отношенія общества, создавая тѣ или иныя привилегіи въ пользу тѣхъ лицъ, въ распоряженіи которыхъ находится военная сила. Вотъ почему правительства всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, при мирномъ теченіи жизни, насколько возможно, хотя бы для вида, стараются держать армію вдали отъ политики, сдѣлать изъ нея «la Grande Muette» (нѣмую силу). Но далеко не всегда эта политика удается, и почти всегда она проводится не искренно. Пока насиліе является ultima ratio [1]) правительствъ и народовъ — до тѣхъ поръ вооруженная сила, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, будетъ составлять орудіе для угнетенія слабыхъ, устрашенія непокорныхъ, поддержанія соціальной несправедливости. Только общая нравственная эволюція, только торжество нравственныхъ идеаловъ мира и отвращенія къ насилію (какимъ бы путемъ это торжество ни наступило) можетъ освободить человѣчество отъ постоянно тяготѣющаго надъ нимъ кошмара кровавыхъ возстаній, кровавыхъ расправъ съ ними, постояннаго лязганья оружіемъ и возмущающей нравственное чувство побѣды не лучшаго, но сильнѣйшаго.

---

[1]) Послѣдній доводъ.

VII.

Заключеніе.—Нравственная оцѣнка революціонныхъ кризисовъ.—Значеніе мирной эволюціи.—Отмѣна рабства и крѣпостного права. Возможныя перспективы будущаго.—Нѣсколько словъ о современномъ положеніи Россіи.

Каковы же наши заключительные выводы на основаніи тѣхъ фактовъ и теоретическихъ соображеній, которые нами выше разсмотрѣны? Какъ мы должны смотрѣть на революцію, есть ли это благо или зло?

Прежде всего, и мы это до извѣстной степени устанавливали и въ предыдущемъ изложеніи, категорическій, рѣзко опредѣленный отвѣтъ на поставленные такимъ образомъ вопросы дать нельзя. Всякое соціальное явленіе, а тѣмъ болѣе такое сложное, какъ революціонное движеніе, слишкомъ развѣтвлено, слишкомъ много имѣетъ различныхъ сторонъ и влечетъ за собою такія разнообразныя и часто неожиданныя послѣдствія, что дать сразу положительный или отрицательный отвѣтъ съ точки зрѣнія нравственной оцѣнки можно только подъ вліяніемъ опредѣленнаго чувства, подъ вліяніемъ той или иной вѣры, а не разума. Конечно, вѣра, въ чемъ бы ни заключался предметъ вѣрованія, есть сильнѣйшій двигатель человѣческой жизни, но о достоинствѣ той или другой вѣры можно судить лишь по ея результатамъ, согласно евангельскому изреченію «по плодамъ познается дерево». Апріорныя сужденія въ каждомъ данномъ случаѣ могутъ быть подсказаны, даже безсознательно для судящаго, тѣми или иными его симпатіями или антипатіями. Конечно, освободиться отъ нихъ совершенно врядъ ли возможно такъ какъ и самый безпристрастный научный анализъ не можетъ быть совершенно изолированъ отъ вліянія мѣстной исторической среды. Но, тѣмъ не менѣе, именно въ бурныя критическія эпохи, когда разыгрываются страсти, и роль объективнаго наблюдателя становится необыкновенно трудной,—въ это-то время сохраненіе внутренняго духовнаго равновѣсія можетъ быть особенно цѣннымъ преимуществомъ въ цѣляхъ спокойной оцѣнки фактовъ и возможности предвидѣть ихъ дальнѣйшее развитіе.

Обыкновенно пророческій даръ приписывается особому состоянію экстаза, пламеннаго вдохновенія, дающаго способность предвидѣть грядущее. Не отрицая значенія экзальтированности какъ состоянія особенно повышенной чувствительности, обостряющей, между прочимъ, и умственныя силы экстатика, все-таки нельзя не придти къ тому заключенію, что единственно вѣрнымъ фундаментомъ для нашихъ сужденій о вѣроятномъ будущемъ, какъ и о настоящемъ, является наше знаніе, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи точныя свѣдѣнія о томъ предметѣ, относительно котораго мы на-

мѣреваемся высказаться. Никакое вдохновеніе и никакая экзальтированность не могутъ предсказать самаго обыкновеннаго луннаго или солнечнаго затменія, а наука дѣлаетъ эти предсказанія безъ малѣйшаго затрудненія и съ величайшей точностью. Конечно, положеніе науки объ обществѣ не находится въ такомъ блестящемъ по точности и разсчитанности всѣхъ деталей состояніи, какъ астрономія или другія естественныя науки, но все-таки и въ этомъ темномъ водоворотѣ страстей, скрытыхъ желаній и замаскированныхъ тенденцій человѣку науки легче разобраться, чѣмъ узко-партійному дѣятелю, тѣсно связанному своей партійной программой и оцѣнивающему всѣ событія лишь подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Это преимущество знанія, научности вообще, сознано, впрочемъ, и партійными дѣятелями настоящаго времени, и каждый изъ нихъ стремится залучить науку въ свой станъ и говорить отъ имени «науки», какъ прежде говорили отъ имени правой вѣры. Не всегда, конечно, такое пользованіе наукой въ цѣляхъ доказать правильность и безошибочность партійныхъ цѣлей и взглядовъ бывало удачнымъ, но само по себѣ оно очень характерно для психологіи современныхъ общественныхъ движеній. Мы имѣемъ случаи и якобы научныхъ предсказаній соціальныхъ катастрофъ, напр., Маркса объ Англіи въ сороковыхъ годахъ (по поводу чартистскаго движенія) и Энгельса относительно соціальной революціи въ Германіи. Правда, предсказанія эти были неудачны, но, во всякомъ случаѣ, они вытекали не изъ состоянія полубезсознательнаго экстаза, а по соображеніямъ обычной логики, опирающейся на тѣ или другіе общественные симптомы и факты.

Со своей стороны, мы должны заявить, что никакихъ предсказаній или пророчествъ дѣлать не собираемся, ибо слишкомъ сознаемъ всю недостаточность нашихъ свѣдѣній по соціальнымъ наукамъ вообще, чтобы имѣть увѣренность, необходимую для желающаго пророчествовать. Всякая революція имѣетъ своей цѣлью увеличить сумму человѣческаго счастья, возстановить соціальную справедливость, дать участіе въ благахъ жизни обездоленнымъ и униженнымъ, ограничить произволъ и насиліе захватившихъ въ свои руки власть и богатство. Такимъ образомъ, цѣли всякой революціи (въ томъ числѣ и русской), идеалы, побуждающіе къ революціоннымъ дѣйствіямъ, высоки и гуманны; но для приведенія ихъ въ исполненіе оказываются необходимыми насиліе и кровь, захватъ власти и пораженіе противниковъ, т.-е. какъ разъ тѣ пріемы, которые съ успѣхомъ практиковались и практикуются лицами и классами, стоящими у власти. Какъ же согласовать это противорѣчіе, и кто можетъ убѣдить насъ, что, въ случаѣ захвата власти революціонерами, они не воспользуются ею въ своихъ цѣляхъ съ такою же суровостью и прямолинейностью, какъ и правительство стараго режима или печальной памяти національный Конвентъ? Напрасно было бы говорить о чистотѣ намѣреній, о высокой нрав-

ственности революціонеровъ, объ ихъ преданности народнымъ интересамъ. Чѣмъ больше «преданность» какой-либо группы той или другой идеѣ, тѣмъ больше, стало быть, ея фанатичность, непримиримость по отношенію къ несогласно-мыслящимъ, тѣмъ скорѣе можно ожидать отъ этой группы, въ случаѣ ея успѣха, насильственныхъ мѣръ и дѣйствій, оправдываемыхъ «святостью идеи». Господство религіозныхъ фанатиковъ, какъ, напр., анабаптистовъ или пуританъ, или политическихъ сектантовъ, какъ, напр., якобинцевъ, по необходимости влечетъ за собою систему террора.

Революція, какъ мы уже говорили, есть явленіе крайняго общественнаго распаденія, состояніе войны, перенесенное внутрь общества, которое въ обычное нормальное время должно быть спаяно узами тѣсной солидарности и взаимопомощи. Слѣдовательно, революція сама по себѣ, какъ и война, есть явленіе патологическое, ненормальное, свидѣтельствующее о низкомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ того общества, гдѣ она происходитъ. Конечно, бо́льшая часть вины, если не вся вина, во всякой революціи падаетъ на правящіе классы, которые своей близорукой эгоистической политикой доводятъ дѣло до взрыва, до насильственнаго переворота, Но отъ этого наше сужденіе не мѣняется. Если умственно неразвито и нравственно низкопробно правительство и тѣ классы, изъ рядовъ которыхъ оно выходитъ, то очевидно, что не только въ этихъ классахъ, но и во всемъ народѣ, въ его массѣ мало дѣйствительно живыхъ, дѣятельныхъ силъ, которыя могли бы проявиться и ранѣе, не давая развиться общему упадку и омертвѣнію. Конечно, разъ положеніе становится критическимъ, когда гнетъ бездарнаго и бездушнаго консерватизма грозитъ погубить все живое въ данномъ народѣ,—нѣтъ другого выхода, кромѣ насильственнаго разрыва съ прошлымъ, какою бы то ни было цѣною. Но это есть лишь печальная необходимость, которая можетъ наводить на грустныя размышленія, а не служить предметомъ особаго ликованія и торжества. Оптимизмъ есть, правда, одно изъ условій бодрости и самоувѣренности въ народной жизни, но онъ долженъ все-таки опираться на извѣстные положительные, а не отрицательные факты. Плохо зарекомендовалъ бы себя тотъ народъ, который, потерпѣвъ рѣшительную неудачу въ борьбѣ съ конкурентами въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, въ припадкѣ озлобленія низвергъ бы свое правительство путемъ безчисленныхъ кровавыхъ возстаній и убійствъ, чтобы затѣмъ впасть въ состояніе длящейся анархіи и ожесточенной борьбы партій за власть. Какіе бы высокіе идеалы добра и справедливости ни вывѣшивали на своемъ знамени представители этого народа, весьма трудно себѣ представить, чтобы эти идеалы дѣйствительно воплотились въ жизни путемъ насилія и истребленія противниковъ.

Насиліе есть тотъ элементъ безнравственности, отъ котораго человѣчество болѣе или менѣе сознательно стремится освободиться уже въ

теченіе долгаго времени. Элементъ принужденія, устрашенія, угрозы все болѣе и болѣе исчезаетъ въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Современное антимилитаристское или пасифистское движеніе служитъ этому довольно яркимъ примѣромъ. Если мы вмѣстѣ съ бар. Зутнеръ готовы кричать: долой оружіе!, то этотъ возгласъ относится не только къ случаямъ вооруженныхъ столкновеній между политическими державами, но и ко всѣмъ случаямъ примѣненія силы въ какихъ бы то ни было столкновеніяхъ противоположныхъ интересовъ. Не будемъ становиться на религіозную точку зрѣнія, хотя для многихъ она еще сохранила все свое прежнее обаяніе. Будемъ прислушиваться только къ голосу непосредственной жизни. Не слышимъ ли мы въ самихъ себѣ молчаливое утвержденіе, что жизнь есть величайшее благо, что сохраненіе жизни и есть наша основная задача (если вообще можно говорить о «задачѣ» для всего человѣчества). Служить «идеѣ», конечно, хорошо, но все-таки и въ этомъ дѣлѣ небезполезна бываетъ нѣкоторая оглядка и хотя малая доля человѣческаго разсудка. Дѣло идетъ, конечно, не о сохраненіи только своей личной жизни, но и объ уваженіи къ чужой жизни, и это одинаково относится какъ къ революціонной, такъ и консервативной дѣятельности. «Не убій» имѣетъ одинаковое значеніе и силу для всѣхъ и при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Если же мы, кто бы мы ни были и какъ бы мы ни назывались, эту основную, древнюю заповѣдь всякаго человѣческаго общежитія не только нарушаемъ, но и считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ именно убивать, если, такимъ образомъ, нашимъ нравственнымъ девизомъ является homo hominі lupus [1]), то ясно, что никакого общежитія мы, при такомъ нашемъ настроеніи, создать не можемъ, и передъ нами лежитъ лишь дѣло разрушенія и уничтоженія. Послѣ нашихъ дѣяній исторія скажетъ, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Калевала: «только пыль одна осталась, да остались камни на печкѣ, да рябина у забора»...

Однако, въ наше время мы слышимъ не мало призывовъ къ силѣ, восхваленій силы, идущихъ съ разныхъ сторонъ, отъ совершенно различныхъ партій. Очевидно, что это и есть знаменитая палка о двухъ концахъ, за которую каждый хочетъ схватиться. «Сила выше права или предшествуетъ праву» — говорилъ въ свое время высокопревосходительный князь Бисмаркъ. «Сила есть разрѣшительница всѣхъ экономически запутанныхъ положеній, это—акушерка всякаго нарождающагося новаго строя» говорятъ, съ другой стороны, соціалисты. Сравненія насилія съ акушеркой, вынимающей ребенка изъ роженицы не безъ усилія, особенно посчастливилось, почти такъ же, какъ пресловутой «надстройкѣ». Но comparaison n'est pas raison [2]), говорятъ французы. Акушерка, можетъ-быть, и употребляетъ

[1]) Человѣкъ человѣку волкъ.

[2]) Сравненіе не есть доказательство.

извѣстное насиліе надъ роженицей, чтобы помочь младенцу появиться на свѣтъ Божій, но, во всямъ случаѣ, это дѣлается не часто, не при всякихъ родахъ и дѣлается по извѣстнымъ предписаніямъ и правиламъ науки, съ цѣлью сберечь жизнь и ребенка и матери. Убійство матери не входитъ въ планы акушерки ни въ какомъ случаѣ. Вообще сравненіе къ дѣлу не относится. Новый общественный строй не выходитъ изъ стараго такъ, какъ ребенокъ изъ утробы матери, и аналогія тутъ не можетъ быть примѣнима. Но если даже и отбросить неудачную аналогію, какъ не имѣющую серьезнаго значенія, то остается еще спорнымъ, всегда ли сила содѣйствовала замѣнѣ стараго порядка новымъ. Бывали, и очень часто, случаи примѣненія силы въ цѣляхъ созданія новаго уклада экономическихъ или политическихъ отношеній, которые оставались безрезультатными или приводили совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ стремились возставшіе. Бывали случаи и безкровнаго измѣненія существующихъ соціальныхъ отношеній на новыя. Самая поверхностная историческая справка можетъ убѣдить въ этомъ.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣ два великихъ состоянія принудительной организаціи рабочихъ силъ, которыя намъ извѣстны изъ исторіи—рабство и крѣпостное право — какъ они были отмѣнены? Не слѣдствіе ли жестокаго сопротивленія и кровавыхъ возстаній рабовъ и крѣпостныхъ? Увы, нѣтъ, самыя кровопролитныя возстанія и жакеріи оказывались въ сущности безрезультатными, и отмѣна рабства и крѣпостного права произошла большею частью путемъ эволюціоннымъ, а не революціоннымъ, путемъ законодательныхъ реформъ, а не захвата власти возмутившимися рабами или крѣпостными. Возстаніе рабовъ въ древнемъ Римѣ (Спартака и друг.) привели только къ колоссальнымъ избіеніямъ и казнямъ возставшихъ. Послѣ возстанія Спартака всѣ дороги въ Италію были уставлены крестами съ распятыми на нихъ рабами. Между тѣмъ ни малѣйшаго облегченія въ положеніи рабовъ за этимъ послѣднимъ возстаніемъ не послѣдовало. Ближайшія по времени законодательныя новеллы (l. Aelia Sentia и Fufia Caninia) содержатъ въ себѣ даже нѣкоторыя ограниченія правъ вольноотпущенниковъ и ставятъ извѣстныя препятствія къ выходу изъ рабства. Только во II вѣкѣ послѣ Р. Хр., т.-е. приблизительно черезъ 150 или 200 лѣтъ послѣ Спартака (73 — 71 г. до Р. Хр.), положеніе рабовъ въ Римѣ стало постепенно улучшаться, хотя именно въ это время рабы и не возставали на разу (возстаніе Спартака было послѣднимъ). И причины законодательныхъ облегченій института рабства заключались въ явленіяхъ постороннихъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ сопротивленіемъ самихъ рабовъ. Дѣло въ томъ, что при имперіи число рабовъ перестало увеличиваться, притокъ ихъ со стороны, изъ вновь завоеванныхъ странъ прекратился, такъ какъ новыхъ завоеваній со II вѣка христіан-

ской эры Римъ почти не производилъ. Понятно, слабой рождаемости рабовъ, число ихъ стало даже уменьшаться. Понятно, что хозяевамъ стало необходимо обращаться съ ними бережнѣе, чѣмъ было раньше. Послѣдовали различные императорскіе эдикты въ этомъ смыслѣ. Наконецъ, экономическія измѣненія въ жизни Римской имперіи повели къ системѣ колоната, переходу отъ рабства къ прикрѣпленію къ землѣ. Но юридически институтъ рабства продолжалъ существовать и не былъ формально отмѣненъ, несмотря на принятіе христіанства въ качествѣ господствующей религіи. Христіанство открыто не выступало противъ рабовладѣльческаго строя, даже и въ то время, когда еще было религіей угнетенныхъ и гонимыхъ. Кодексъ Юстиніана и позднѣйшихъ византійскихъ императоровъ принимаетъ институтъ рабства какъ нормальное правовое явленіе и только ограничиваетъ произволъ и безчеловѣчное обращеніе рабовладѣльцевъ. Въ средневѣковой Европѣ рабство въ особенности военноплѣнныхъ изъ менѣе культурныхъ или иновѣрныхъ народностей было обычнымъ явленіемъ. У средневѣковыхъ германцевъ было много рабовъ-славянъ. Только въ XIII вѣкѣ прекратилась на Балтикѣ торговля рабами-славянами, такъ какъ всѣ славяне были или покорены, т.-е. вошли въ составъ германскихъ государствъ, или сами составили достаточно сильныя и притомъ христіанскія государства. Но «невѣрные» мавры и другіе все еще служили предметомъ торговли. Въ Испаніи эта торговля процвѣтала еще въ XVI в. Христоферъ Колумбъ, при открытіи Америки, радовался, что открылъ богатѣйшій невольничій рынокъ. И дѣйствительно, въ Америкѣ развилась колоссальнѣйшая торговля неграми, и рабовладѣніе приняло грандіозные размѣры. Здѣсь, однако, могутъ замѣтить, режимъ рабства былъ прекращенъ насиліемъ, междоусобной войной, а не законодательнымъ путемъ. Совершенно вѣрно, но кто воевалъ? Негры съ бѣлыми? Отнюдь нѣтъ; не было даже и общаго возстанія рабовъ;—воевали бѣлые съ бѣлыми же, а негры почти не принимали участія въ вооруженной борьбѣ. Правда, были черные батальоны въ федеральной арміи, но были черные въ качествѣ обозной прислуги и пр. и въ южной арміи рабовладѣльцевъ. Эта была война «господъ» по поводу вопроса объ освобожденіи негровъ, а сами негры ограничивались пассивною ролью подчиненнаго элемента. Въ другихъ американскихъ государствахъ, напр., въ Бразиліи, рабство было отмѣнено законодательнымъ путемъ.

Крѣпостное право точно также пало не вслѣдствіе какого-либо грандіознаго возстанія крѣпостныхъ, не вслѣдствіе крестьянской революціи. Французскія жакеріи XIV ст. имѣли своимъ результатомъ только сожженіе нѣсколькихъ замковъ и избіеніе массы крестьянъ; какихъ-либо законодательныхъ измѣненій въ пользу крестьянъ непосредственно вслѣдъ за жакеріей не послѣдовало, крѣпостныя сеньеріальныя права остались во всей

своей непосредственности. Нѣсколько большій, но совершенно эфемерный успѣхъ имѣло возстаніе Уота Тайлера въ Англіи (конецъ XIV в.). Ему удалось добиться обѣщанія короля исполнить требованія крестьянъ, и многимъ изъ нихъ были выданы освободительныя грамоты. Но вслѣдъ затѣмъ и самъ Уотъ Тайлеръ былъ предательски убитъ, и всѣ выданныя крестьянамъ льготныя и освободительныя грамоты были у нихъ отняты и разорваны, а владѣльцы ихъ подвергнуты жестокимъ казнямъ. Правда, что затѣмъ все-таки наступили существенныя измѣненія въ юридическомъ и экономическомъ положеніи англійскихъ крестьянъ, но не вслѣдствіе возстанія Уота Тайлера, а по другимъ причинамъ. Въ концѣ XIV и въ теченіе XV вв. въ Англіи развилось производство шерсти для вывоза во Фландрію. Для развитія пастбищъ для овецъ сеньеры стали обращать пахотныя земли въ луга и тѣмъ самымъ сгоняли сидѣвшихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, давая имъ взамѣнъ земли личную свободу. Въ то же время вмѣсто барщины на господской землѣ повсюду водворилась система денежныхъ повинностей въ пользу сеньера. Такимъ образомъ, прикрѣпленіе къ землѣ постепенно ослабѣло и, наконецъ, совершенно исчезло изъ Англіи, оставивъ землю цѣликомъ въ рукахъ сеньеровъ. Понятно, что такого рода «освобожденіе» не особенно входило въ разсчеты самихъ крестьянъ, но, очевидно, ихъ мнѣніе по данному вопросу не было принято во вниманіе.

Въ Германіи мы видимъ въ началѣ XVI в. уже цѣлую «крестьянскую войну». Здѣсь крестьяне могли разсчитывать на большій успѣхъ, чѣмъ во Франціи или Англіи, такъ какъ въ Германіи имъ не противостояла централизованная королевская власть, а отдѣльные мелкіе сеньеры и князья, зачастую враждовавшіе между собою, и, кромѣ того, вся страна была охвачена религіознымъ движеніемъ, часть котораго (Ѳома Мюнцеръ, анабаптисты и др.) была благопріятно настроена для крестьянъ. Однако, и въ Германіи крестьянскую революцію постигла такая же, если не бо́льшая неудача, какъ и въ другихъ странахъ. Около 100000 крестьянъ погибло во время войны и въ послѣдовавшихъ за нею казняхъ, и никакого измѣненія въ крѣпостномъ правѣ не произошло. Оно было удержано во всей своей силѣ и продолжалось въ Германіи, какъ сѣверной, такъ и южной (гдѣ былъ главный очагъ революціи) еще около трехъ столѣтій. Отмѣна крѣпостничества въ началѣ XIX ст. произошла, конечно, подъ вліяніемъ французской революціи и изъ опасенія могущаго вспыхнуть крестьянскаго возстанія, но фактически возстанія этого не произошло. Германскіе правящіе классы во-время сумѣли предотвратить грозившую имъ опасность, и свобода нѣмецкимъ крестьянамъ была пожалована свыше, и не завоевана ими самыми съ оружіемъ въ рукахъ.

Достаточно, конечно, извѣстно, что и въ Россіи крѣпостное право было отмѣнено не вслѣдъ за бунтами Разина или Пугачева, а спустя почти

сто лѣтъ послѣ пугачевщины, по причинамъ, среди которыхъ страхъ передъ возможностью общаго бунта крестьянъ не игралъ особенно видной роли. Конечно, крестьяне не несли безропотно иго крѣпостничества, и ихъ глухое недовольство и броженіе, прорывавшееся то здѣсь, то тамъ частными вспышками и убійствами помѣщиковъ, давало себя чувствовать. Но все же нельзя сказать, чтобы крестьянскія реформы были вызваны непосредственнымъ страхомъ предъ угрозами крестьянъ. Это чувство страха передъ крѣпостными могло быть гораздо острѣе и живѣе послѣ грозной пугачевщины, и, однако, ни малѣйшей попытки не только къ отмѣнѣ, но даже къ смягченію крѣпостного права въ то время не было сдѣлано. Дѣло въ томъ, что неудачная революція, подавленіе освободительнаго движенія обыкновенно ведетъ къ усиленію реакціи, хотя и принимающей иногда иныя формы. Побѣжденные, подавленные своими неудачами и потерями, падаютъ духомъ и соглашаются на всѣ условія побѣдителей, лишь бы покончить безнадежную для нихъ борьбу. Побѣдители, въ свою очередь, упоенные торжествомъ побѣды, и не думаютъ ни о какихъ уступкахъ; въ отместку за пережитые страхъ и тревогу они стараются сломить всякую возможность дальнѣйшаго сопротивленія побѣжденныхъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, которыя имъ дозволяетъ минимумъ современной житейской этики. Эти элементарныя условія борьбы общественныхъ силъ всегда полезно помнить революціоннымъ партіямъ, призывающимъ къ «прямому воздѣйствію» (action directe) или пропагандѣ дѣйствіемъ. Даже въ Евангеліи, вообще далекомъ отъ политики, есть упоминаніе о царѣ, который старательно соображаетъ и взвѣшиваетъ свои силы, прежде чѣмъ рискнуть борьбой съ болѣе могущественнымъ сосѣдомъ [1]). Политику этого царя нельзя не признать цѣлесообразной и рекомендовать не только царямъ, но и народамъ или революціоннымъ партіямъ.

Въ революціи, какъ и на войнѣ, успѣхъ зависитъ не столько отъ численности [2]) борющихся, сколько отъ ихъ организаціи, подготовленности къ борьбѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, т.-е. знаніи всѣхъ наилучшихъ пріемовъ борьбы, умѣніи ими пользоваться на дѣлѣ и твердой рѣшимости настоять на своемъ, поразить противника. Конечно, все это условія успѣха при наличности достаточныхъ средствъ для веденія борьбы. При ничтожномъ численномъ составѣ или при неимѣніи оружія и неумѣніи владѣть имъ нельзя добиться никакого успѣха. Правда, во время революціи элементарныя правила стратегіи и тактики легче нарушаются и проходятъ безнаказанно для обѣихъ сторонъ именно потому,

---

[1]) Луки, гл. XIV.

[2]) Слова Наполеона относительно gros bataillons предполагаютъ приблизительно одинаковое вооруженіе и организацію сражающихся.

эта борьба ведется путемъ неожиданностей, нечаянныхъ нападеній и пр. Элементъ случайностей здѣсь гораздо больше, чѣмъ во время войны между двумя правильно организованными арміями. Но, въ концѣ концовъ, общія условія вооруженной борьбы должны сказаться и здѣсь. Неорганизованная, плохо вооруженная и непривыкшая къ употребленію оружія толпа, хотя бы и превосходящая числомъ, не можетъ побѣдить армію. Съ другой стороны, небольшая кучка хотя бы лично и храбрыхъ людей не можетъ взять верхъ надъ многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ отрядомъ. Другое дѣло, если революціонныя идеи въ той или иной формѣ проникнутъ въ армію, и солдаты откажутъ въ повиновеніи своимъ начальникамъ. Но въ такомъ случаѣ на сцену выступаетъ моральный элементъ, дѣйствіе котораго предусмотрѣть и учесть довольно трудно и во время регулярной войны, а не только въ эпоху революціи. Здѣсь капитальное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, насколько идеи, вдохновляющія революціонеровъ, могутъ быть восприняты и усвоены правительственными войсками, или насколько недовольство нижнихъ чиновъ своимъ положеніемъ можетъ ихъ сдѣлать воспріимчивыми къ революціонной пропагандѣ или къ ясно выраженному сочувствію возставшимъ. Степень этой воспріимчивости и сочувствія не можетъ быть установлена заранѣе, и здѣсь обыкновенно происходили и происходятъ заранѣе серьезныя ошибки.

Моральный элементъ играетъ, конечно, огромную роль на войнѣ, какъ и въ революціи. Прекрасный примѣръ представляетъ минувшая маньчжурская кампанія. Японцы побѣдили русскихъ не благодаря лучшему вооруженію или численному перевѣсу: въ рѣшительномъ сраженіи подъ Мукденомъ японцы имѣли войска на 60000 меньше русскихъ (320 противъ 380 тысячъ), и противъ 1200 полевыхъ орудій они могли выставить только 900 [1]). Однако, побѣда и притомъ въ наступленіи, а не при оборонѣ осталась за ними, несмотря на крѣпость позицій, занятыхъ русской арміей. Таково значеніе моральныхъ качествъ въ вооруженной борьбѣ, въ смыслѣ большей психической подготовленности, рѣшимости, энергіи, находчивости, общемъ настроеніи комбативности или боеспособности. Но эта комбативность или боеготовность сама по себѣ есть наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, находящееся въ противорѣчіи съ условіями современной жизни цивилизованныхъ народовъ. Поэтому мы видимъ, что у европейцевъ, какъ уже было упомянуто, духъ милитаризма постепенно угасаетъ и поддерживается только искусственно стараніями нѣкоторыхъ заинтересованныхъ круговъ. Но, вмѣстѣ съ ослабленіемъ милитаризма, исчезновеніемъ преклоненія передъ военными подвигами и военной славой современной Европы, ослабѣваетъ и вообще

---

[1]) По свѣдѣніямъ «Militär-Wochenblatt», а также извѣстнаго французскаго генерала Negrier.

стремленіе разрѣшать всякіе споры и конфликты путемъ насилія, примѣненіемъ оружія. Правда, на разные голоса раздаются призывы къ соціальной революціи, къ вооруженному захвату власти, къ диктатурѣ пролетаріата. Но эти голоса до сего времени не оказали существеннаго вліянія на массу рабочихъ классовъ (за исключеніемъ, можетъ-быть, только Россіи). Довольно долго, напр., существуетъ соціалъ-демократическая партія въ Германіи, и, однако, до сихъ поръ въ Германіи не только не было попытки вооруженнаго возстанія, но даже и предложеніе всеобщей забастовки, по русскому образцу, было отвергнуто большинствомъ германскихъ рабочихъ. Очевидно, настроеніе этого большинства безусловно мирное, не только не допускающее мысли о революціи путемъ оружія, но не желающее и менѣе опасныхъ пріемовъ борьбы, если только эти пріемы грозятъ существенными матеріальными лишеніями. Въ этомъ явленіи нельзя не видѣть вліянія культуры, пріучающей людей цѣнить какъ свою, такъ и чужую жизнь. Средневѣковые варвары хватались за оружіе по всякому поводу, по такимъ мотивамъ, которые намъ теперь представляются малопонятными и странными, въ родѣ освобожденія гроба Господня, изгнанія «невѣрныхъ» изъ Европы, истребленія еретиковъ и т. п. Всѣ эти мотивы утратили надъ нами всякую власть. Нигдѣ народъ не соберется больше на площадяхъ слушать проповѣдь крестоваго похода и не будетъ кричать, въ изступленіи махая мечами: «такъ хочетъ Богъ». Такого рода сцены мы можемъ теперь видѣть только на сценѣ, въ оперѣ или фееріи.

Но не только проповѣдь крестнаго похода не имѣла бы теперь ни малѣйшаго успѣха, среди цивилизованныхъ народовъ не имѣетъ въ сущности успѣха и проповѣдь крестоваго похода противъ буржуазіи для водворенія «царствія Божія» послѣ насильственной экспропріаціи экспропріаторовъ. Конечно, классовая борьба въ наше время существуетъ такъ же, какъ и ранѣе, и даже принимаетъ болѣе широкіе размѣры, благодаря концентраціи производства и скопленія рабочихъ массъ въ индустріальныхъ центрахъ; но формы этой борьбы сравнительно рѣдко принимаютъ характеръ открытаго насилія. Современные представители борющихся силъ, прежде чѣмъ приступить къ фактической борьбѣ, весьма долго и пространно аргументируютъ, теоризируютъ, дебатируютъ спорные вопросы со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. И въ результатѣ этихъ дебатовъ нерѣдко появляется компромиссъ, извѣстная возможность примиренія враждующихъ. Какъ гомеровскіе герои— Главкъ и Діомедъ — современные борцы передъ схваткой вступаютъ въ переговоры, изъ которыхъ выясняется, что они родственники другъ другу, и вмѣсто того, чтобы метать другъ въ друга смертоносныя копья, враги мирно обмѣниваются подарками.

Конечно, не всегда возможенъ такой идиллическій исходъ борьбы противоположныхъ интересовъ, но онъ всегда желателенъ, и онъ является

единственно достойнымъ нравственнаго сознанія человѣчества. Всегда будетъ прекрасна роль Ифигеніи [1]), становящейся между Тоасомъ и Орестомъ, готовыми вступить въ смертный бой. Всегда будутъ помниться слова Того, Кто сказалъ апостолу Петру: «вложи мечъ твой въ ножны». Если когда-либо въ будущемъ и наступитъ царство гармоніи, ненарушаемаго мира и солидарности между людьми, то это свѣтлое царство не будетъ учреждено среди грома орудій, подъ звуки набата и вопли избиваемыхъ. Если рабство и крѣпостничество пали не вслѣдствіе революцій рабовъ и крестьянъ, то допустимо предположеніе, что и саларіатъ (наемный трудъ) не исчезнетъ въ одинъ день, послѣ удачной Варѳоломеевской ночи буржуазіи, когда пролетаріатъ, обагренный ея кровью, раздѣлитъ по себѣ ея одежды. Конечно, попытки къ устройству подобныхъ Варѳоломеевщинъ возможны, но онѣ не приведутъ къ рѣшительнымъ результатамъ; не благодаря имъ наступитъ эра свободнаго ненаемнаго труда и гармоніи въ отношеніяхъ индивида къ обществу. Гораздо бо́льшую роль сыграетъ медленная, но безповоротная эволюція нравовъ, чувствъ, мысли, отмираніе отжившихъ, обветшавшихъ формъ, постепенное зарожденіе и укрѣпленіе новыхъ. Не то чтобы природа «не любила скачковъ», въ извѣстныхъ случаяхъ бываютъ необходимы и скачки, но общій ритмъ міросданія несомнѣнно не прыгающій, не прерывистый и судорожный (staccato), а скорѣе связный и плавный (legato e andante). По выраженію Гете: тихая или незамѣтно дѣйствующая сила велика (die gelinde Kraft ist gross). Бурныя вулканическія явленія, землетрясенія и пр. поражаютъ наше воображеніе и надолго остаются въ памяти; однако, ихъ вліяніе на измѣненіе земной коры и ея рельефа менѣе значительно, чѣмъ дѣйствіе медлительныхъ, но постоянно дѣйствующихъ процессовъ, какъ, напр., размываніе почвы, вывѣтриваніе горныхъ породъ, наслоиваніе геологическихъ пластовъ и пр. Подобныя же явленія происходятъ и въ жизни человѣческихъ обществъ. Катаклизмы и катастрофы имѣютъ и здѣсь свою роль, но большее значеніе имѣютъ процессы постепеннаго развитія культуры, медленное измѣненіе психической жизни массъ, смѣна вѣрованій и идеаловъ, развитіе знаній, усиленіе и развитіе интеллектуальной жизни, постепенный ростъ личности. Это все процессы, не всегда бросающіеся въ глаза, иногда малозамѣтные, но тѣмъ не менѣе, опредѣляющіе собою характеръ исторической жизни народовъ, ихъ устойчивость и энергію или, наоборотъ, шаткость и безволіе въ критическіе моменты.

Спеціально по отношенію къ Россіи является крайне желательнымъ развитіе въ ней правильной конституціонной жизни по образцу западно-европейскихъ парламентарныхъ порядковъ. Одинаковую опасность для насъ представляетъ и возвращеніе (хотя бы замаскированное) къ старому ре-

[1]) Въ драмѣ Гете.

жиму, захватъ власти крайними партіями. Между этой Сциллой реакціи и Харибдой революціи нужно обладать большимъ искусствомъ и политическимъ опытомъ, чтобы провести громоздкій русскій корабль. Опасность усиливается именно тѣмъ, что никакого политическаго опыта наша народная масса, по условіямъ своего существованія, не имѣла и не могла имѣть. Безполезно было бы приводить примѣръ Франціи 1789 г.: за 120 лѣтъ жизненныя условія значительно измѣнились и осложнились такими, напр., вопросами какъ соціальный, который въ до-революціонной Франціи былъ почти неизвѣстенъ, да и самой революціей не былъ открыто поставленъ на очередь. Эта неопредѣленность соціальныхъ отношеній и отсутствіе ясно выраженной классовой борьбы и создала возможность совмѣстнаго дѣйствія французской буржуазіи и народа, не только городского пролетаріата, но и крестьянъ. Этимъ же объясняется и слабость французской монархіи, не сумѣвшей заинтересовать въ своемъ существованіи ни одного сколько-нибудь значительнаго класса или опредѣленной соціальной группы, хотя бы, напр., арміи. Современныя русскія условія представляютъ лишь отдаленное сходство съ французскими порядками XVIII ст., и, очевидно, ходъ революціонныхъ событій у насъ долженъ быть инымъ, чѣмъ во Франціи, и на самомъ дѣлѣ этотъ ходъ—какъ это теперь всѣмъ видно—совершенно иной. Весьма характернымъ фактомъ является то, напр., обстоятельство, что до послѣдняго времени существенную денежную поддержку русское правительство получило отъ республиканской Франціи. Подобнаго рода фактъ былъ бы, конечно, совершенно невозможенъ въ XVIII ст. Онъ показываетъ, насколько въ наше время соціальные и экономическіе интересы перевѣшиваютъ чисто-политическіе. Между тѣмъ для Россіи, въ современномъ ея состояніи, одновременное и притомъ насильственное разрѣшеніе и политическаго и соціальнаго вопроса было бы совершенно непосильнымъ.

Россія въ общемъ—отставшій ученикъ Западной Европы. Нельзя ей надѣяться перейти вдругъ изъ положенія ученика въ званіе «учителя». Если это не удалось сдѣлать даже по такому сравнительно простому и опирающемуся на тысячелѣтнюю практику дѣлу, каково военное, то тѣмъ меньше возможно подобнаго рода сальто-мортале въ сложномъ и малоизвѣданномъ искусствѣ соціальной политики. Во всякомъ случаѣ, необходима предварительно долгая подготовка, выслушаніе аргументаціи за и противъ, установленіе твердыхъ, незыблемыхъ убѣжденій. Предпочитать кулаки логическимъ аргументамъ—давнишняя наша привычка, выработанная въ насъ вѣками грубаго абсолютизма и произвола. Мы должны всѣми силами избавиться отъ этой привычки, иначе намъ не могутъ помочь никакія конституціи и режимы, хотя бы даже республиканскій. Конечно, о томъ, что могло бы быть въ Россіи въ случаѣ установленія республиканскаго режима, говорить особенно не приходится, такъ какъ, очевидно, шансы появленія такого

режима въ близкомъ будущемъ совершенно ничтожны. Однако, тѣ или другія предположенія въ этомъ смыслѣ возможны.

Но, впрочемъ, мы не имѣемъ права говорить о будущемъ: мы сами ранѣе отрѣзали себѣ этотъ путь, принявъ основное правило Ньютона—hypotheses non fingo (я не измышляю гипотезъ). Гипотезы въ общественныхъ вопросахъ могутъ быть чрезвычайно разнообразны, и каждая изъ нихъ можетъ найти для себя болѣе или менѣе подходящіе аргументы. При этомъ гипотезы оптимистическаго характера всегда пріятнѣе для большинства и пользуются наибольшимъ успѣхомъ; пессимисты обыкновенно не встрѣчаютъ себѣ сочувствія. Достоинство же аргументовъ въ пользу или не въ пользу, напр., гипотезы о будущемъ величіи русскаго народа по совершенномъ его политическомъ освобожденіи въ сущности одинаково цѣнно или малоцѣнно, такъ какъ провѣрки самой гипотезы на опытѣ въ данное время произвести нельзя. Поэтому мы и отказываемся отъ произнесенія окончательнаго сужденія по данному вопросу, пока не соберемъ, по крайней мѣрѣ, достаточнаго числа фактовъ. Теперь можно сказать только одно: всякій народъ такъ или иначе проходитъ извѣстныя фазы политическаго развитія (хотя не въ одинаковомъ порядкѣ и не въ одинаковыхъ формахъ). Русскій народъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Хотя до сихъ поръ его политическое развитіе происходило при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и въ общемъ давало отрицательные, а не положительные результаты, но нельзя, конечно, утверждать, что тѣ же результаты будутъ получаться и впредь, по измѣненіи политическихъ отношеній. Съ другой стороны, сомнительно и даже наивно ожиданіе скорыхъ блестящихъ успѣховъ, внезапнаго расцвѣта русской культуры, искусства, науки и т. д. Такія вещи сразу и вдругъ не происходятъ; для этого нужна долгая подготовительная работа цѣлаго ряда поколѣній. Но несомнѣнно, что если бы Россіи удалось обезпечить себѣ болѣе или менѣе правильную, приближающуюся къ европейской нормѣ, политическую жизнь,—ея развитіе могло бы пойти впередъ гигантскими шагами. Въ этомъ трагическій элементъ настоящаго историческаго момента для Россіи. Medio tutissimus ibis (держась центра, ты пройдешь безопаснѣе всего). При крутомъ отклоненіи вправо или влѣво, безразлично,—Россія можетъ пойти, какъ она до сего времени и шла, по пути политическихъ авантюръ, быстрыхъ и рѣзкихъ колебаній, неожиданныхъ проваловъ и катастрофъ.

Впрочемъ—и это наше мнѣніе можно высказать лишь въ качествѣ личнаго пожеланія, а не въ видѣ общаго вывода и тѣмъ менѣе какой-либо опредѣленной политической директивы — средній путь, путь компромисса потому только и бываетъ нормальнымъ ходомъ политическаго развитія народовъ, что вырабатывается конечнымъ результатомъ борьбы различныхъ партій, линіей движенія, опредѣленной параллелограммомъ силъ. Односторонніе откло-

ненія указываютъ на ненормальное преобладаніе въ данное время той или другой общественной силы. Въ Россіи въ теченіе послѣднихъ 300 или 400 лѣтъ неизмѣнно преобладали силы правительственной группы и классовъ, тѣсно къ ней примыкающихъ. Это несомнѣнно было уродливымъ и болѣзненнымъ явленіемъ національной жизни. Но каковы могутъ быть формы будущаго государственнаго устройства Россіи? Какія силы въ ней возьмутъ верхъ? Предсказанія могутъ быть различны, но наиболѣе основательнымъ является сомнѣніе въ устойчивости и нормальной дѣятельности имѣющихся на лицо политическихъ учрежденій Россіи. И чѣмъ больше эта форма будетъ приближаться къ типу реакціи, тѣмъ больше будетъ опасность новыхъ революціонныхъ взрывовъ и потрясеній. Между тѣмъ, современныя отношенія складываются именно по реакціонной схемѣ. Нашего политическаго возбужденія хватило не надолго, и результаты его въ сущности не были значительны. Въ нашей массѣ мы не привыкли къ опредѣленной устойчивости взглядовъ и убѣжденій; мы довѣряемъ больше логикѣ непосредственнаго чувства, чѣмъ ума. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ это качество народовъ недавней и неглубокой культуры можетъ имѣть и свои хорошія стороны. Но въ области политики это свойство несомнѣнно ведетъ къ увлеченіямъ и ошибкамъ, переоцѣнкѣ силъ своихъ и противниковъ, къ внезапнымъ рѣшеніямъ въ противоположныхъ смыслахъ, быстрому энтузіазму и такому же быстрому охлажденію, смѣнѣ неожиданныхъ подъемовъ энергіи съ ея упадкомъ и состояніемъ апатіи. Все это явленія, хорошо извѣстныя намъ изъ нашей предыдущей исторіи. Намъ можно только выразить надежду на то, что въ будущемъ, можетъ-быть, сложатся лучшія условія для развитія нашей національной психики въ смыслѣ устойчивости, опредѣленности и выработанности ея основныхъ очертаній, уравновѣшенности и гармоніи функцій какъ всего общественнаго организма, такъ и отдѣльныхъ его частей. Безъ развитія этихъ основныхъ элементовъ національной жизни намъ трудно разсчитывать на свѣтлое будущее.

12-00

AKU 080
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00002162741